

A woman with dark hair and blue eyes is seated on a dark, stone staircase. She is wearing a black, strapless, floor-length gown with a large, ruffled skirt and a lace-trimmed hem. She is looking back over her shoulder towards the camera. The background is dark and filled with numerous bright, multi-pointed starburst lights. The entire scene is framed by a decorative, ornate border with scrollwork and small orange gemstones at the corners.

Мана Ежова

Тень
ее высочества

Принцесса Севера

Лана Ежова

Тень ее высочества

«Лана Ежова»

2014

Ежова Л.

Тень ее высочества / Л. Ежова — «Лана Ежова»,
2014 — (Принцесса Севера)

ISBN 978-5-9922-1699-8

Словно зеркальное отражение дочери императора, но не принцесса. Прошла испытание артефактом владычиц Севера, но не наследница. Ответ на загадку прост – это я, тень ее высочества. Соглашаясь быть двойником, разве могла подумать, что последствия этого решения будут столь непростыми? Я и в кошмаре представить не могла, что после очередного покушения разделю свое тело с душой погибшего телохранителя! Теперь, чтобы спастись, нам нужно за один лунный цикл сбежать из дворца, выжить во время нападения демонов, вырваться из лап некроманта, попасть в храм Судьбы... И не стоит забывать, что по нашему следу отправлен хладнокровный убийца!

ISBN 978-5-9922-1699-8

© Ежова Л., 2014
© Лана Ежова, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Лана Ежова

Тень ее высочества

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Родителям посвящается.

Без вашей поддержки эта история создавалась бы намного дольше

Часть первая Принцесса Севера

Глава 1 Выходной для принцессы

*Семиград, Северная империя,
1-й день пришествия Эвгуста Проклятого*

Скакун соперника врезался острым рогом в бедро моего битюга. И раненый хевикан потратил драгоценные секунды, чтобы не завалиться на бок. Получив подлым путем преимущество, всадник, скрывавший лицо, как и я, черной полумаской, вырвался вперед.

– Попробуй догнать, курица! – крикнул он злорадно, оглянувшись через плечо.

Я проигнорировала оскорбление, дав себе мысленное обещание утереть мерзавцу нос. Он вывел из строя уже троих участников соревнования, чувствуя себя безнаказанно, как и всякий аристократ среди мещан. А ведь в прошлом году состязался лишь простой люд и скачки прошли честнее. Эх, распустил император своих придворных! Нет, я просто обязана выиграть главный приз забега! И, сжав коленками бока скакуна, я вынудила его прибавить скорости.

Считается, что хевиканский битюг – результат магического скрещивания коня-тяжеловоза с плотоядным остророгом – тупое и медлительное существо. Во время поездки в королевство Хевикан я убедилась, что это досадное заблуждение.

Еще одно неверное представление – управлять толстокожим животным можно лишь с помощью специального бича или хлыста. И глядя, как другие всадники, увеча, оставляют кровавые полосы на серых шкурах, огорченно морщилась. Позаимствованным на эту ночь битюгом я управляла поводьями и шенкелями, оставляя голосовые команды на крайний случай.

– Тебе было мало? – прошипел всадник в полумаске, когда наши хевиканы поравнялись.

Увидев, как тонкие губы мужчины сжались в жесткую линию, левым каблуком ударила скакуна, отправляя его в сторону. Но недостаточно быстро – хлыст соперника, достав до колена, ужалил меня острой болью.

– А еще аристократ...

– Что?!

Мое несдержанное бормотание, к несчастью, достигло ушей негодяя. Рановато я затеяла ссору, но ничего, выкручусь.

– Ты кто такая, девка?! Как смеешь?

– Как смеете вы, риэл, ставить себя выше простых семиградцев?

Что за оскорбление бросили мне в ответ, я уже не слышала, ускакав далеко вперед.

Вот так-то! Подыши пылью из-под копыт!

Увы, радовалась я рано: раззадоренный дворянин успешно сокращал расстояние между нами. Эх, а я так надеялась получить удовольствие от внепланового выходного! Насладиться скачкой! Ночь, напоенная ароматом лиловых роз, увивавших стены зданий, подбадривающие крики разгоряченных зрителей, магические фонарики, парящие в воздухе, – вот оно, очарование момента! И лишь одно огорчение – назойливый преследователь. Нет, все-таки нужно снять с него полумаску, а затем показать ему и свое лицо. Готова поспорить, аристократишка потеряет сознание от ужаса, поняв, на кого поднял хлыст. И может, даже наберется смелости и отравится самостоятельно, избавив палача от лишней работы...

Да, я жестокая и злая – что поделать: занимаемое место в обществе обязывает. А бесчинства придворных давно пора пресечь, начав хотя бы с этого любителя нечестных приемов.

Вот и конец улицы. Впереди виднелась натянутая лента – тот, кто ее разорвет, получит увесистый кошель с монетами и грамоту от торговой гильдии, затеявшей скачки.

– Думаешь, ушла от разговора? Я научу тебя почтению! – бросил зловещее обещание в спину неопознанный пока придворный.

О боги Семиграда! Догнал-таки! Ну что за настырный человек, а? Ладно, пора показать все свои умения.

Наклонившись вперед, рывкнула битюгу в ухо:

– Стая!

От резкого рывка мои зубы клацнули, чудом не прокусив язык. У хевикана словно выросли крылья – настолько действенной оказалась коротенькая команда. Ею степные погонщики сообщали скакунам о нападении гигантских дымчатых волков, вырезающих зараз все поголовье ради удовольствия, а не еды. Может, и нечестно пользоваться секретами табунщиков, но кто мешал узнать их и моим соперникам тоже?

Животное широкой грудью разорвало алую ленту. Ура! Победа!

Сверху посыпались белоснежные лепестки роз – так, не считая радостных криков, стоящие на балконах зрительницы приветствовали победительницу. Не буду лукавить, это демонски приятно!

Спешившись, подвела умницу-скакуна к главе торговой гильдии.

– Смелая риэлла, вы снимете маску? Или желаете остаться инкогнито? – Тихий голос представительного мужчины приятно слушать, особенно когда он им говорит комплименты.

– Риэл, обстоятельства вынуждают хранить мое имя в тайне.

Глава согласно кивнул:

– Пусть будет так. – И уже усиленным магией голосом пророкотал: – Поприветствуйте прелестную победительницу!

Зрители счастливо заорали и затопали ногами. Я чинно раскланялась во все стороны. Губы сами растянулись в искреннюю улыбку, как только увидела мужчину, у которого, можно сказать, силой отняла битюга. Но мое сердце затрепетало в груди не из-за него. Виножник сбоя в работе предательского органа стоял рядом – молодой человек в черном прогулочном костюме, в любимой аристократами полумаске, с тростью в правой руке.

Зоор Лулианский. Принц из дружественного государства, гостивший сейчас при дворе императора. Замечательный собеседник с широким кругозором, обаятельный мужчина и мой друг. К превеликому огорчению, всего лишь друг.

Спустя несколько минут я уже вручала поводья и приз владельцу битюга.

– Зачем, риэлла? Я не могу взять деньги! Они по праву ваши, – отнекивался смущенный мужчина.

– Риэл, возьмите, хевикан ваш, значит, и выигрыш тоже.

– Нет, не согласен. Лучше расскажите, как вам удалось под конец состязаний заставить его бежать еще быстрее?

Покачав головой, с притворным сожалением отказалась выдавать секрет:

– Простите, время не позволит вас обучить, поэтому возьмите деньги в утешение.

Владелец животного думал одно мгновение, затем, вздохнув, принял мешочек с тяжеловесными северинами.

– Прощайте, риэл!

Зоор подхватил меня под локоть и, почти незаметно хромая, провел сквозь ликующую толпу на соседнюю безлюдную улочку. Под сенью свисающих с балкона роз принц остановился и, сняв маску, огорченно признал:

– Я был не прав, прости. Ты – великолепная наездница, я бы не смог привести битюга к победе.

О Предвечная, какой же он красивый! Яркий свет прикрепленного к перилам балкона светляка хорошо освещал четкие, даже немного резкие черты лица Зоора. Когда твердые губы принца смягчала теплая улыбка, я растекалась лужицей меда под лучами летнего солнца. Жаль, что такие моменты – большая редкость. Чаще всего этот скептик усмехается язвительно.

Мое затянувшееся молчание его высочество расценил как нежелание мириться.

– Мариэлла, хватит дуться. Прости, что сомневался в тебе.

Я поспешила возразить:

– И не думала обижаться. Я задумалась.

– О чем? Или о ком? – ласковым взглядом глядя мои губы, спросил Зоор.

О Предвечная! Неужели он меня поцелует?

– Вот она! – Чужой вопль вспугнул долгожданное мгновение.

Принц быстрым движением вернул маску на место и, задвинув меня себе за спину, холодно поинтересовался:

– Какие-то проблемы, риэлы?

Четверка «риэлов» самой бандитской наружности стала полукругом, отрезая нам пути к бегству. Пятый мужчина, мой недавний соперник, остался стоять позади громил.

– Нас проблемы обходят стороной, да, парни? – хмыкнул заводила, и его товарищи одобряюще загоготали.

– Ничуть не сомневаюсь, – тихонько пробубнила я, – обладателей таких рож лучше обходить десятой дорогой...

Бандит, демонстративно разминая волосатые пальцы в «аграсских перстнях», широких кольцах с шипами, продолжил:

– А вот девчонка попала, и ты вместе с ней, если, конечно, не уйдешь по-хорошему в сторону.

– Чего-нибудь еще желаете, уважаемый? – скучающим тоном спросил Зоор, и по его трости зазмеились инистые разводы, а температура воздуха вокруг ощутимо понизилась.

– О! Риэл – маг воздуха? – скис переговорщик. – Небось уровень фиолетового луча?

Он имел все основания так думать: высших магов больше всего в благородном сословии. Принц промолчал. А я, не сводившая взгляда с заказчика нападения, насторожилась, увидев, как он достает из кармана тетраэдр из прозрачного хрусталя. Смутно знакомый артефакт вызвал тревогу. Но что это, я вспомнила слишком поздно – тетраэдр взлетел с руки аристократа вверх и залил часть улицы мертвенно-белым светом. В тот же миг с трости принца опали кристаллики льда.

– Вот теперь поговорим.

И владелец редкого и запрещенного во всем Межграничье артефакта, блокирующего магию, раздвинув плечами наемников, шагнул к нам.

– Ты, – он указал на Зоора пальцем, – можешь уходить, к тебе претензий нет. А с риэлкой мы немножко потолкуем об уважении.

И он попытался выдернуть меня из-за спины защитника. И получил ощутимый тычок тростью в грудь.

– Убрать! – Короткий приказ разъяренного заказчика – и руки наемников ошестиниваются разнообразным оружием.

– Что бы ни происходило, не высовывайся, – скомандовал Зоор, отталкивая меня в сторону.

У крайнего слева бандита из рукава выпал кистень – и полетел в лицо принца. Лулианец грациозно увернулся, а у меня похолодело в животе от понимания: продолжала бы стоять за ним – лишилась бы зубов, если не хуже.

– Справа! – вскрикнула я испуганно.

Зоор взмахнул тростью, парируя удар целящей в голову дубинки. Обратным движением палки заехав нападавшему в челюсть, ткнул зазевавшемуся любителю кистеней в пах. И пока тот, завывая и сжимая причинное место, прыгал, мешая соседу присоединиться к драке, врезал ногой в живот главарю.

– Попалась, гадина! – Меня грубо схватили за скрученную на затылке косу.

Засмотревшись на плавные движения принца, не заметила, как заказчик уличной стычки оказался рядом.

Отклонив голову назад, чтобы ослабить натяжение волос, врезала аристократу локтем. Хватка ослабла, и я, развернувшись лицом к нападающему, стукнула основанием ладони ему по носу. Прием вышел смазанным: долю секунды колебалась между ним и ударом в кадык. Побоявшись убить человека, тотчас поплатилась за жалость.

– Тварь! – зажимая кровотокающий нос, благородный взмахнул кулаком.

Перед глазами потемнело, в ушах зазвенело. Я покачнулась, отступая назад.

Придворный что-то гневно верещал, да только из-за боли я не понимала значения слов. Еще мощная оплеуха – и внутри моей головы словно рухнула стеклянная гора.

А затем избиение прекратилось.

Открыв глаза и осмотревшись, я скривилась. Не от боли, затопляющей левую половину лица, нет. От вида похожих друг на друга, как братья, серебристоволосых воинов, слаженно вяжущих руки бандитам, а затем укладывающих их физиономиями вниз, на землю. Сатурийцы, элитные телохранители Межграничья, с уличной голытьбой расправились быстро.

– Сапфироглазая, ты цела? – держа за горло хрипящего обидчика, спросил начальник охраны.

– Я в порядке, Грэм. Отпусти его.

– Тебе жаль ублюдка? – Блондин прищурил серые глаза.

– Нет, хочу заглянуть ему под маску.

Грэм, ни секунды не сомневаясь, исполнил мое пожелание.

– Вы не смеете меня удерживать! – визжал смутно знакомый дворянчик. Если не ошибаюсь, владелец убогонького замка и разорившихся земель в Итэре, но с бескрайним гонором и дерзкими планами прижиться при дворе императора. – Вы знаете, кто я такой?!

– Смертник, – глухо отозвался сатуриец, и аристократ позеленел.

– Вы не можете меня убить! Не посмеете! – И все-таки он продолжил спесиво орать, брызгая слюной.

Отточенным движением Грэм нажал на какую-то точку на шее – и крикун отключился.

– Что с ним сделать? С ними всеми?

– Сдать городской страже? – предложила я, пожав плечами равнодушно.

Меня почти не интересовала их судьба, распухающее лицо волновало гораздо больше. Главное, чтобы Грэм не отдал приказ уничтожить наемников, свалив все на бандитские разборки. Но сатуриец оказался гуманнее, чем я думала.

– Хорошо, а вот с аристократом, применившим Блокиратор Мульхема, будут разбираться маги.

Грэм знает, кто хозяин тетраэдра? Я пораженно уставилась на телохранителя.

– Вы были рядом с начала драки? И не вмешались?! А если бы нас серьезно ранили?

Воин взгляд не опустил.

– Убегая из-под охраны на ночную прогулку в неподходящей компании, ты понимала, что рискуешь жизнью.

Вот как? Хотел проучить подопечную в воспитательных целях? Не слишком ли жесток урок?

– Возвращаемся назад, пока император не заметил твое отсутствие. Да и перед стражей светиться не стоит.

– Как скажешь, Грэм. – Я погладила припухшую скулу, возвращая ей прежний вид. – Я только попрощаюсь с его высочеством.

Зоор, наблюдавший издали за нашим разговором, выглядел таким потерянным...

– Помани принцу ручкой, – криво усмехнулся телохранитель, – этого будет достаточно.

– Ты забываешься, Грэм, – прошипела я гневно.

– Это ты заигралась, сапфироглазая. Любопытно, что сделает император, узнав, что ты пятнаешь честь его дочери?

Я поникла – умеет сатуриец ставить на место.

– Домой так домой, – вздохнула и все же послала принцу воздушный поцелуй.

Зоор сделал вид, что поймал его и прижал к сердцу.

– Доиграешься, – покачал головой серебристоволосый и активировал амулет перемещения, настроенный на дворцовый сад.

Отдав приказания двум подчиненным дожидаться стражников и магов, четверку остальных отправил первыми в открывшийся портал.

Подгоняемая Грэмом, я шагнула в сияние и решила, что в целом выходной удался.

– А затем он рассыпался в пыль?

– Я так и сказал: после того как один из сатурийцев сбил его метательным ножом, артефакт рассыпался в пыль.

– Блокиратор Мульхема?

– Да, запрещенный артефакт, временно глушащий магию в пределах радиуса своего действия, – в десятый раз повторил измученным голосом Зоор Лулианский.

Однако в его глазах усталость отсутствовала. Их холодный напряженный взгляд следил за каждым действием главы магического цеха Семиграда.

Пол Ульев в свою очередь едва сдерживался, чтобы не наорать на чужеземного принца.

– Предметы, изготовленные Мульхемом, не так-то и легко уничтожить.

– Наверное, у этого закончился срок годности? – предположил Зоор и расстроено добавил: – Мне жаль, что Братство упустило такой редкий и, наверное, дорогой артефакт. Возможно, явись вы немного раньше, то смогли бы остановить его разрушение?

Раздраженный маг, полчаса потративший на пустой разговор вместо плодотворного допроса, стиснул челюсти.

– И все же, ваше высочество, хорошенько подумайте, вдруг тетраэдр всего лишь куда-то закатился?

– Вы хотите сказать, что я не только хром, но и слеп?! – возмутился собеседник.

– Что вы, ваше высочество... – забормотал стихийник.

За ссору с особой королевской крови по голове не погладят. Братство магов не зависело ни от одного монарха Межграничья, однако старалось и не портить ни с кем отношения.

Лулианец, скрестив руки на груди, процедил сквозь зубы:

– А может, вы намекаете, что это я украл ваш артефакт?!

Ульеву стало не по себе.

– Нет-нет, принц, никто вас не обвиняет...

– Тогда оставьте меня в покое и допросите сатурийцев – возможно, они расскажут вам больше, – предложил заносчиво Зоор.

– Я бы с радостью, да только где их искать? Они не сообщили, в чью входят охрану.

Принц равнодушно пожал плечами. Он мог бы сказать, что во дворце, но подставлять принцессу Мариэллу, сбежавшую с ним на ночную прогулку, не собирался. Император Константин, как шептались придворные, слыл суровым отцом, и Зоор сам наблюдал за жестковатыми воспитательными методами государя.

– Благодарю за беседу, ваше высочество, не смею вас больше задерживать.

Пол Ульев раскланялся и ушел персональным телепортом в резиденцию цеха. Вслед за ним через групповой портал отправилась и четверка боевиков.

Достав из кармана камзола артефакт в форме тетраэдра, Зоор, усмехаясь, шепнул:

– Моя радость... – После чего также приготовился к небольшому путешествию телепортом в придорожный дом – ночевать в предоставленных апартаментах во дворце он не любил.

Амулет перемещения, не открыв переход, покрылся трещинами и рассыпался в руках принца в пыль.

– Да, поделки современных артефакторов не имеют былой крепости, – насмешливо произнес мужчина в черном плаще и белой маске.

Принц удобней перехватил трость и незаметно проверил, не заблокирована ли снова его сила. Нет, в любую минуту он мог применить боевые заклинания. Поэтому приготовился к занимательному разговору. То, что он будет именно таким, принц не сомневался, ведь недаром неизвестный обрядился в ритуальную одежду некромантов.

– Полностью с вами согласен – мастера древности умели создавать шедевры.

– Вам, ценителю старины, это хорошо известно, не так ли? – Из хриповатого голоса незнакомца насмешка никуда не исчезла, и для вспыльчивого Зоора она была как проводящий запретный ритуал демоноборец для магистра-стихийника.

– Риэл, давайте ближе к делу, – потребовал он. – Вы ведь не светские беседы явились вести сюда?

– Люблю прямых людей, – хмыкнул человек в маске. – Я ищу союзников, принц. И за помощь я щедро плачу.

Снисходительная улыбка заиграла на лице лулианца.

– Я похож на нуждающегося, риэл?

– О, ваше высочество! Речь не о деньгах. Я предлагаю исполнение заветных желаний... к примеру, трон Лулианского королевства.

– Я ни за что не пойду ни против отца, ни против брата, – ответил как отрезал хромой.

– Тогда, может быть, вы озвучите свое желание сами?

– Прежде ответьте, кто вы такой? В старом мире существовало поверье о добром дедушке в красном, который раз в год приносил подарки послушным детям. Так вот вы на него совсем не похожи.

Маг в черном плаще засмеялся.

– О да, мне далеко до того мифического альтруиста... Я всего лишь Эвгуст Проклятый.

Зоор, вздрогнув, оторопело уставился на собеседника. Назваться именем ренегата, чье возвращение напророчила первая императрица Севера тысячу лет назад, не посмел бы ни один здравомыслящий человек. Или пред ним сумасшедший, или же... Принц слотнул, допустив возможность, что собеседник не лжет.

– Если корона предков вас не интересует, я могу поспособствовать восшествию на престол Северной империи. И принцесса Мариэлла будет приятным дополнением, не так ли, принц?

Глава 2

Возвращение проклятого мага

Северные врата,

1-й день пришествия Эвгуста Проклятого

Двенадцать высших магов выстроились цепью перед Северными вратами Грани. Той самой стены, что отграничивает их мир от других, враждебных. Границы, которая неумолимо истончается. Границы, которую нужно подпитывать силой, чтобы полчища тварей не ворвались в Межграничье.

По очереди восемь хранителей вставили ключи в замочные скважины зыбких, словно марево, дверей. Заняв свои места в живой цепи, маги взяли за руки.

Предрасветные серые сумерки. Тишина, нарушаемая лишь легким дыханием, плывущим в холодном воздухе небольшим облачком.

Стена пошла рябью, теряя сходство с каменной кладкой. Промерзшую землю всколыхнуло, как от удара. Ледяной ветер разворошил опавшую листву и поднял вверх красно-золотым вихрем.

Ключи тяжело проворачивались по часовой стрелке. Волна силы, отделяясь от накопителей, фиолетово расплескивалась по вратам и разливалась дальше по стене.

– Уже скоро, – облегченно прошептала хрупкая брюнетка с длинными распущенными волосами. – Ненавижу ритуал, он – самое неприятное из обязанностей хранителя. Особенно не люблю, когда Грань, осушив ключи, начинает тянуть силу из наших личных резервов.

Ее сосед справа, огненно-рыжий долговязый малый, едва заметно улыбнулся:

– А я ненавижу подходить к Грани с ключом, когда она еще голодна.

– Боишься, что засосет? – усмехнулась брюнетка. – Она может. Сколько беспечных магов растворилось в этой пиявке, ведают одни боги.

– Знаешь, Вейра, а я ведь всегда считал, что ты обожаешь ритуал изъятия силы, – задумчиво протянул рыжий чародей.

– С чего вдруг?

– Мне казалось, во время него ты упиваешься своим могуществом.

– Ох, Лавджой, какое могущество? – скривилась магесса. – Я уже ощущаю себя как новорожденный котенок, а ведь сила еще не до конца вытекла из меня.

Рыжеголовый кивнул в сторону высокой магессы с синими волосами:

– Посмотри на магистра водников – она практически без сознания, а ты зажимаешь лишнюю капельку силы. Жадина ты, Вейра.

– Вот и отдавай последнее сам. Я не Сиелла, для восстановления мне не хватит пары часов.

– Отцепись от девочки, Лавджой, – утомленно произнес второй сосед черноволосой магессы, который также находился на грани обморока. – Если руководствоваться разумом, то каждый должен сберечь толику магии на случай опасности.

Альберт, магистр ордена Земли, прикрыл красные от недосыпа глаза. Хоть и выглядел он как тридцатилетний, ему стукнуло сто сорок три года, и добровольно расставаться с силой ему было тяжело. Гораздо труднее, чем Сиелле Иллиан, самой молодой из магистров стихий. Тягуче, невыносимо медленно сила вытекала из каждой поры его кожи. Тоненькими ручейками она вливалась в общий широкий поток у самых врат. И дальше, проникая в ключи, растворялась в стене. Но ненасытная Грань требовала еще и еще, набухая магией.

Восточный край неба окрашивался в розово-желтые тона. Предрасветные сумерки обрванными лохмотьями стелились у самой земли.

– Достаточно. – Альберт первым отпустил руки соседей, размыкая цепь. – Пусть хоть что-то останется в магистерских накопителях.

Синеволодая девушка устало легла на ворох прелой листвы. Как всегда, магистр ордена Воды отдала больше всех. Умением искусно управлять огромными объемами силы Сиелла выделялась даже среди высших магов. Наблюдая за коллегой, Альберт думал о ее неразумной расточительности. Он не раз указывал молодой стихийнице на ее ошибку, но та только злилась. Сиелла не верила ему, хоть он и желал ей добра. Никто не верил в чистоту его помыслов, считая, что его советы – очередные придирки. А ведь все, что он делал, для общего дела и пользы Межграницья.

Шепот земли прервал грустные размышления Альберта. Твердыня под ногами обреченно застонала, пытаясь предупредить об опасности.

– Всем назад! – властно крикнул маг.

Хранители, отправившиеся за ключами, бросились прочь от врат. Но слишком поздно. Ярко-алая вспышка накрыла их стремительной волной. Крича от боли, маги попадали на колени. Даже через ладони кровавый свет продолжал жечь глаза.

Разум Альберта, пробиваясь сквозь агонию, лихорадочно искал выход... Хаос, паника, один хаос... Ни одной связной мысли...

Мучительный крик перерастал в предсмертный визг. Его люди умирали. Ненавистные и в то же время близкие люди умирали рядом с ним...

Разбивая пальцы, сдирая кожу до мяса, он по самые запястья вогнал руки в землю. Магия крови остается, даже когда не осталось и капли силы.

– Я призываю стихию Земли! – кричал, срывая голос, маг. – Покорись мне или уничтожь!

Земля натужно застонала – и покрылась трещинами. Ширясь и углубляясь, они тысячами дорожек разбежались под корчившимися в судорогах телами. Еще один стон земли – и она поглотила магов. Темное облако из праха плотным покрывалом упало сверху.

Больно. Как больно... Болью отзывалась каждая клеточка ее тела. И средоточие боли – глаза. Неужели ее глаза выжжены?.. Неужели она ослепла? Слепой маг... Какая насмешка судьбы!

Сиелла попыталась прикоснуться к лицу, но руки не слушались. Она не могла пошевелиться. Скованная страхом, попыталась закричать. Горло издало странный хрипящий звук. Она сорвала криками голос – страшная догадка молнией блеснула в мозгу. И не сможет позвать на помощь. Ее будут искать, но не найдут. Ее никто не найдет!.. Ужас мертвой хваткой вцепился в свою жертву. Она останется погребенной под земляным завалом. Убежище, призванное Альбертом, станет ее могилой.

«Спокойно, Сиелла, – приказала сама себе мысленно, – спокойно. Дыши. Дыши ровно. Дыши глубже. Да, дыши, пока еще остается воздух». Магесса оборвала панически настроенный внутренний голос. Что делать? О, судьба, что делать?! Как сообщить о своем местонахождении? Разве мысленно? Да, да, она готова открыть свои мысли даже перед Альбертом, лишь бы ее вытащили отсюда. Но прежде лучше обратиться к своим.

Сиелла сосредоточилась и мысленно потянулась к Мариону, хранителю своего ордена. Его сознание темно. Он или еще не пришел в себя, или уже... Нет, нет! Магесса снова и снова пыталась достучаться до своего хранителя и друга. Бесполезно. Она не могла пробиться сквозь оболочку мрака вокруг него.

Лидо, второй хранитель ордена Воды. Его сознание робко светилось где-то во тьме. Из всех сил Сиелла потянулась на огонек.

«Ты жив?»

«Пока да. Но скоро закончится воздух. Не могу двинуть даже рукой. А ты как, Си?»

«Со мной та же ситуация. Ты понимаешь, что происходит?»

«Это ведь было «пламя зари», да, Сиелла?»

«Похоже на то. Но кто сумел воспользоваться древним заклинанием? Из членов Братства оно по силам всего пяти-шести магам».

«И еще куче народа, если воспользоваться мощным накопителем. Не верю, что это кто-то из наших. Может, некромант из Аг-Грассы?»

«Может быть. Нам от этого не легче. Лидо, постарайся взять под контроль свое тело. Скоро действие заклинания Альберта закончится – и мы задохнемся. Кто-то должен выбраться и вытащить остальных».

Они замолчали, но их сознания оставались все еще открыты. И, не прилагая особых усилий, они читали безрадостные мысли друг друга. Сиелла сконцентрировалась на своих руках. Если удастся пошевелить хотя бы одним пальцем, она сможет выползти из этой могилы.

«Си, ты еще здесь? Мне кажется, защитная оболочка скоро лопнет. Си, если я не смогу выбраться... передай Мейган, что я умираю с мыслью о ней».

«Нет! Лидо, не разрывай связь! Ты сильный! Борись, ну же, борись! Слышишь?!»

Молчание. Тьма. Мысленным взором магистр окинула эту тьму – и пришла в отчаяние. Одна. Во тьме она одна. Что-то мелкое посыпалось по спине. Земля. Стало душно. Сиелла чувствовала, как дрожит вокруг тела защитная оболочка, вернее то, что от нее осталось. Еще миг – и она лопнет, и земля придавит ее всей своей массой. Ну же, шевелись! Давай! Пальцы дрожали, но послушно тянулись к магистерскому символу на шее. Если она успеет к нему прикоснуться, то получит хоть немного силы. Глухой щелчок. С чмокающим звуком земляные пласты рухнули на нее, погребая под собой. Воздух... Она не успела задержать дыхание и втянула в легкие прах. Внезапно ее потянуло вверх. Больно, как больно! Быстрее, пожалуйста, быстрее! Свет... Больно... Воздух, сладкий, живительный...

Сиелла лежала на боку и широко открытым ртом жадно дышала. Выплывая из земли, поняла, что не ослепла. Лучи восходящего солнца поползли по ее лицу. Сквозь мутную пелену слез она видела контуры деревьев золотистой рощи. Кто-то заслонила ей свет. Магистр, напрягая зрение, смогла различить очертания человека. Чуткие пальцы осторожно прикоснулись к ее лбу. Чужая сила тяжелыми каплями проникала в нее, с легкостью сметая ее слабое сопротивление.

«Черный плащ, на нем черный плащ некроманта...» – ужасающая мысль затерялась в ее затухающем сознании.

Вариор поспешно черпал силу из амулета-напитателя. Треугольный рубин ярко светился и щедро одаривал своего обладателя. Магистр ордена Огня торопился, не прельщаясь надеждой, что тайный враг ограничится одним «пламенем зари». Скоро последует новый удар, который они должны встретить во всеоружии. Маг в первую очередь привел в чувство остальных целителей Дюжины – Лавджоя, Лидо и Шелли. С их пробуждением дело пошло быстрее.

– Лидо, ты жив, – прохрипела Сиелла и отстранила лечащую руку. – Спасибо, дальше я сама. Займись Марионом.

– Чудо, – прошептал хранитель, помогая ей подняться с земли, – я не надеялся остаться в живых.

– Еще ничего не кончено, – возразила магистр. – Вернись к Мариону, приведи его в сознание, мы должны восстановить наши силы.

Сиелла сжала в кулаке магистерский накопитель – сапфир размером с перепелиное яйцо, ограненный в виде капли воды. Сила неспешно потекла в нее, наполняя спокойствием и уверенностью.

– Си, можешь помочь? – донесся откуда-то издали голос магистра огневики.

Магесса поспешила к Вариору, который вместе с плачущей Шелли склонился над неподвижным телом.

– Петер! – охнула Сиелла. – Что с ним? Почему до сих пор не пришел в себя?

Приблизившись, она увидела багряное пятно на некогда белоснежной рубашке воздушника. Кровь продолжала сочиться из раны, собираясь в лужу под спиной мага.

– Чего вы ждете? Начинайте лечение!

Магистр ордена Огня покачал головой:

– Он в исцеляющей утопии. Если мы сейчас займемся его раной, он может и не выйти из такого состояния. Тот, кто вытащил его из-под земли, прекрасно это понимал, поэтому лишь растворил пробивший живот корень и слегка заморозил рану.

– «Тот, кто вытащил», Вариор? Разве это не ты?

– Не я, но не об этом сейчас речь. Ты можешь поговорить с Петером, чтобы он вернулся? От внезапности этих слов магесса невольно сделала шаг назад.

– Почему я, Вариор? У него есть хранители!

– Брюмель и Шелли пытались, но безуспешно. Через исцеляющую утопию, если кто и пробьется к его сознанию, так только человек, который ему небезразличен.

Магистры впились друг в друга взглядами. Синие, сверкающие гневом очи водницы и черные, полные вызова глаза огневика вели молчаливую дуэль. Запорошенное, смуглое лицо Вариора стало еще темней, а рваный шрам на левой щеке, наоборот, побелел.

Сиелла первой отвела взгляд.

– Но как ты узнал?..

– Любовь и кашель не скроешь, – пряча улыбку, молвил Вариор. – Ценю, что ты не стала опираться, но поспеши, у нас мало времени.

Магесса опустила на землю и прислонилась спиной к дубу. Целители осторожно переместили магистра так, чтобы его голова легла Сиелле на колени. Под глазами Петера залегли тени. Двухдневная темная щетина на скуластом лице резко контрастировала с мертвенной бледностью. Магистр Воды положила руку на грудь раненого – его сердце едва слышно билось. Закрыв глаза, Сиелла соскользнула во тьму.

Потирая скулу, к целителям приблизился Альберт.

– Я ведь чувствовал, что между ними не просто дружеские отношения, а что-то большее, а вот доказать не мог, – разочарованно проговорил Верховный. – Ну а тебе хватило пары взглядов, чтобы Сиелла призналась. Хм, интересный вопрос будем рассматривать на следующей встрече Дюжины.

Вариор с досадой тряхнул иссиня-черными волосами.

– Аль, сейчас не время и не место обсуждать чужие чувства. Хоть на время забудь, что ты Верховный маг магистрата, и не ищи преступления там, где его нет.

– Тебе напомнить кодекс магистра? «Отказ от семьи, длительных связей и любых сильных привязанностей». Продолжить, Вариор?

– Хорошо, Аль, ты прав. Но степень вины определять не тебе и не сейчас, – примирительно произнес магистр Огня и, чтобы перевести разговор с опасной темы, поинтересовался: – Что с твоей щекой?

– Не знаю, наверное, приложился о корень.

Эспинс с трудом подавил усмешку. Если у корня форма пятипалой руки, то да, приложился. Спаситель Дюжины, похоже, имеет счеты к землевнику.

– Негоже магистру красоваться распухшей физиономией, давай уберу.

Элевтийский не отказался, и вскоре отпечаток ладони исчез с его лица.

– Как твои хранители, Аль?

Альберт, словно что-то вспомнив, побледнел.

– Мне нужна помощь Марка – Вейра пропала.

– Ее нет на поверхности? Вы хорошо искали? Марк, подойди!

Низенький темноволосый следопыт ордена Огня прервал разговор с другим хранителем и подошел к магистрам. Лишь он без особых затрат силы и времени мог найти пропавшую магессу.

– Попытайся обнаружить хранильницу. Возможно, она все еще под землей.

Вариор сочувственно посмотрел на магистра Земли. Если девушка осталась погребенной, она, скорее всего, уже мертва. Но почему неизвестный спаситель вытащил из-под земли всех, кроме нее? Кажется, Вариор знал ответ.

Марк направился в сторону врат. Вариор, Альберт и все хранители Дюжины последовали за ним. Не доходя до стены несколько метров, он стал на колени и начал лихорадочно рыть руками рыхлую землю. Альберт глухо застонал и взмахнул ладонью, «сметая» насыпь.

...Остекленевшие глаза, в которых застыл ужас. Волосы, оплавившись, свернулись в мелкие кольца и закрыли половину грязного лица.

– Она не задохнулась, – медленно произнес Вариор. Маг присел возле тела и осторожно, словно еще мог причинить Вейре боль, откинул ее волосы. – Вейра оказалась первой на пути силы и, став нечаянным щитом, приняла удар на себя.

Магистр ордена Земли опустил на одно колено и закрыл глаза своему хранителю.

– Тело сжечь, а пепел развеять – такой была воля Вейры в случае смерти. – Голос Альберта едва заметно дрогнул.

– Нет, сначала родители должны проститься с дочерью, иначе они никогда не смирятся с мыслью, что ее больше нет. Будут годами надеяться, что она жива...

– Да, ты прав. Кому, как не тебе, знать лучше, – прошептал Альберт и, повернувшись к своему целителю, добавил: – Лавджой, телепортируй Вейру в школу.

Рыжеволосый маг кивнул и, подхватив тело девушки на руки, шагнул в открытый магистром светящийся проход.

– Вариор, Альберт, я не могу вынуть ключи! – испуганно закричал следопыт ордена Огня.

Магистры быстро приблизились к Марку. Некоторое время они разглядывали застрявшие в замочных скважинах серебряные артефакты. Затем Вариор протянул вперед руку – и с кончиков его пальцев сорвался молочный туман, жемчужно засиявший в лучах утреннего солнца. Чары плотным колпаком упали на ключи. Несколько долгих секунд все ждали результата. Ничего. Туман медленно истаял. Магистры растерянно переглянулись и бросились к остальным членам Дюжины под сень дубов.

– Сиелла, возвращайся, ты нам нужна. – Вариор склонился к неподвижной магессе, все еще пытавшейся дозваться Петера. – Возвращайся, Си, мы в опасности.

Ресницы магессы дрогнули, но глаза остались закрыты.

– Мы не можем вынуть ключи, погибла хранитель ордена Огня... происходит что-то страшное, Сиелла. Ну же, приди в себя!

Лицо магессы оставалось непроницаемым, как и у Петера. Магистр Огня говорил что-то еще, пытаясь достучаться до их сознания.

– Безнадёжно, Вариор, оставь их, – с сожалением проговорил Альберт. – Похоже, мы потеряли их обоих. Если и очнутся, только сами.

– Нет, – упрямо возразил маг и продолжил уговаривать Сиеллу.

– Пойдем, Вариор, пока не поздно, нужно восстановить силы хранителей. Я возьму себе тех, кто ни разу не получал силу от чужого магистра: Шелли, Брюмеля и магов Сиеллы.

Слова Альберта не разошлись с делом, и вскоре маги вернулись к вратам, вернулись все, кроме Вариора.

– Сиелла, я знаю, ты меня слышишь, – прошептал магистр Огня. – Поэтому внемли просьбе старого друга твоего учителя: возвращайся. Мы заберем Петера с собой и снова попытаемся. Но сейчас ты ничем ему не поможешь. Харис не одобрил бы подобный риск.

Веки магессы дрогнули. Ярко-синие глаза осуждающе уставились на Вариора.

– Ты всегда вспоминаешь Хариса, как последний аргумент.

Магистр помог девушке подняться, переложив Петера на холодную землю.

– Тебе не удалось его зацепить? – спросил маг.

Сиелла вздохнула и пожала плечами:

– Мне не удалось даже найти его. Чужое сознание – потемки, сам знаешь...

Она не договорила.

Вспышка света и волна силы – не стовариваясь, они побежали в сторону Врат. Находящиеся там члены Дюжины, шатаясь и падая, упорно пытались встать на ноги. Никто серьезно не пострадал.

У самих врат они увидели человека в черном плаще. Не опасаясь соприкоснуться с Гранью, он с легкостью вынимал из замочных скважин ключи и нанизывал на тонкую полоску металла. Вариор встряхнул головой, прогоняя видение. События казались абсурдным кошмарным сном, хоть и происходили в реальности. Надев восьмой, последний, ключ, человек сомкнул полоску в кольцо и бросил связку в широкий карман плаща.

– С пробуждением. Долго пришлось вас ждать, – хрипло проговорил неизвестный.

– Попрошу вернуть артефакты, это собственность Дюжины. И вообще, что здесь происходит? Кто ты? Как посмел находиться здесь во время подпитки Грани? – со злостью спросил Альберт, приближаясь к нарушителю.

Человек поднял руку – и силовая волна отшвырнула магистра Земли.

– Назад! – прошипел незнакомец и откинул капюшон своего плаща. Под ним скрывалась белая, плотно облегающая череп маска с темными провалами на месте глаз и нарисованной кривой улыбкой. Похожие ритуальные маски надевали черные колдуны из Аг-Грассы во время кровавых обрядов.

Вариор подобрался, наполняя ладони «живым огнем»: стоит плеснуть таким на противника – и тот сгорит.

– Кто ты? – спросил магистр ордена Огня угрожающе. – Это ты вызвал «пламя зари»?

Маг в черном сипло засмеялся и легонько дунул в сторону огневика. «Живой огонь», слегка пролившись на землю, потух, как фитилек свечи.

– Вы как дети малые – наивные и любопытные. Вначале противника обезвреживают, а потом задают вопросы. Ладно, начнем со знакомства. Я тот, кого вы ждали столетий. Тот, о ком говорит предсказание нашей незабвенной Микаэль.

– Эвгуст! Согласно пророчеству, проклятый маг пришел в наш мир на рассвете, – выдохнул Вариор.

– Я вернулся, чтобы стать новым хозяином Межграничья. И вы принесете мне присягу.

– С какой радости?! – разъярился Альберт, пытаясь подняться с земли, но волна силы снова ударила в него, возвратив на место. Маг уровня фиолетового луча, магистр ордена и Верховный повелитель Дюжины оказался беспомощен против неизвестной силы. И, похоже, черному магу это нравилось.

– Вы присягнете мне – и я верну ключи от врат. Если будете бороться со мной, через девяносто три дня не сможете закрыть следующие, Восточные, врата. Тогда граница рухнет, и тьма заполнит ваш мир. – Шипящий голос проклятого колдуна глушила безобразная маска. – Время пошло, чародеи.

– Тебе не справиться со всеми, Эвгуст. Ты один, а нас сотни. Микаэль и Антар предупредили мир о твоём приходе. – Магистр Огня оставался, на удивление, спокоен. – Межграничье готово к тому разрушению и хаосу, что придут вместе с тобой.

– Разрушению? Кто говорит о хаосе? Я настроен на созидание. Пока на созидание, а там все зависит от того, какой прием окажут мне император и остальные правители Межграничья. Кстати, об императоре. Я думаю, он не прочь породниться с новым хозяином мира. Тем более

Микаэль, основательница его рода, была моей невестой. Так пусть хоть пра-какая-то ее внучка пойдет со мной под венец. Согласитесь, это справедливо!

Не обращая внимания на неподвижных магов, Эвгуст создал портал. Вариор наблюдал за его действиями. Он никак не мог избавиться от ощущения нереальности происходящего, чувства нарочитой игры, словно он попал на представление посредственных актеров провинциального театра.

Дойдя до пограничной черты, проклятый маг остановился:

– Грань истончилась. Будьте готовы, что, открывая портал, вы можете «пригласить» в свой, хм, теперь и мой, мир недружелюбно настроенную нечисть. Пора поработать ножками, риэлы. Поэтому не повторяйте за мной.

Хрипло захохотав, он шагнул в телепорт.

В кронах вековых деревьев гулял ветер. В темно-синем небе кружилось воронье. Лежать на промерзшей земле приятно мало, и Петер попробовал встать. Боль пронзила тело. Определив ее источник, маг расслабился и призвал силу. Вначале остановилась кровь, затем точно невидимая игла с ниткой прошлась над раной, стягивая края разорванной плоти. В последнюю очередь исчезла краснота. О недавнем ранении напоминали только следы крови на коже.

Магистр воздушников огляделся. Никого вокруг, а вот со стороны Врат доносились крики, звон мечей, рычание – и Петер поспешил на звук. Магистр и хранители ордена Воды сражались с элементами, змееобразными существами, которых некроманты Аг-Грассы создавали из подчиненных душ. Монстры вследствие сложного ритуала умели кормиться не только плотью и кровью, но и магией. И чародею приходилось туго, если элемент, напавший на него, принадлежал к той же стихии, что и маг: тварь с легкостью поглощала направленные против нее заклинания.

Марион и Лидо противостояли трем элементам Огня и двум – Земли, Сиелле же не посчастливилось столкнуться с тварями, питающимися силой Воды. И магессе пришлось взяться за меч. Ритуальный глад, слишком короткий и легкий, не то оружие, с которым можно противостоять двум пусть неповоротливым, но агрессивным существам.

Петер ускорил бег, на ходу призывая двуручный меч. Сиелла, которую теснили к Грани, первая увидела подкрепление.

– Слава богам, ты очнулся! – обрадовалась магесса и гневно добавила: – Я думала, ты никогда не вернешься! И уже успела тебя оплакать!

Воронов вклинился между магессой и элементом, позволив девушке отдышаться. Серия быстрых ударов, подкрепленная заклинаниями из арсенала воздушного мага, заставила теперь его противников отступить к вратам.

– Извини, там, где я был, время течет иначе. – В руках Петера материализовался небольшой щит, которым он отшвырнул ринувшегося в атаку элемент. Тот, взвизгнув, исчез в подернутой жадной рябью Стене.

– Я много пропустил? – Маг повернулся к Сиелле и едва не схлопотал по ноге шипованным хвостом другого монстра.

– Не много, не переживай. Всего лишь пришествие Эвгуста. – Сиелла издала нервный смешок. – И еще потеряю ключей от врат.

– Согласен, не много. Можно было еще поспать.

Элементы зашипел и выплюнул струю яда. Магистр махнул рукой – тварь, оказавшись под замедляющим заклятием, заторможенно закрывала пасть. Рисуясь, Петер отвел меч назад, а после эффектно воткнул его между почти сомкнутыми челюстями. Затем добил агонирующее существо иссушающим заклинанием.

Убедившись, что от элемента осталась одна мумия, Сиелла бросилась в объятия мага:

– Боги, как я рада, что ты очнулся!

Несколько мгновений они стояли обнявшись. Затем магесса нехотя высвободилась из надежных рук любимого и предложила посмотреть, как там справляются другие члены Дюжины.

– Думаешь, без нас не обойдётся?

– А вдруг? И хотя я давно мечтаю, чтобы какая-нибудь тварь откусила Альберту голову, в свете последних событий без него не обойтись, – вздохнула Сиелла. – Придется пойти и спасти его задницу.

– Не будь грубой, Си. Самое ценное в Альберте – мудрая голова, ее-то мы и спасем. А все остальное – как получится...

Глава 3

Совершеннолетие принцессы

*Северная империя, Семиград,
24-й день пришествия Эвгуста Проклятого*

Огромный букет скрывал Лилиану до половины. Девушка тяжело дышала, но без посторонней помощи втащила в покои корзину с пурпурными цветами. Упрямица.

Кира и Далия оставили в покое мою бедную талию и склонились над лилиями.

– Хм, а записочки-то нет, – возмутилась Кира, зарываясь носом в цветы. – Видать, воздыхатель из тайных. Как вы думаете, кто он, ваше высочество?

Я равнодушно пожала плечами. С тайными и явными поклонниками вскоре предстоит разбираться другой. Если кого нечаянно и влюбила в себя, мне уже все равно. И та, другая, получив обожателей в наследство, может, еще и спасибо скажет. А не скажет, тоже ничего – мне слов благодарности не надо, если, конечно, они не выбиты на слитке золота.

Далия вернулась к своему черному делу – она затягивала корсет. Цветы от таинственного воздыхателя ее так вдохновили, что у меня появилось стойкое ощущение: еще чуть-чуть, и мои глаза украсят лоб.

Заметив, что я почти теряю сознание, Лилиана бросилась меня спасать со словами:

– Странно, принцесса не могла так сильно поправиться. Во время последней примерки платье сидело идеально и без корсета.

Я могла бы поделиться догадками с фрейлинами, но зачем? Мучиться мне оставалось всего несколько часов, в крайнем случае – дней.

– Девочки, давайте передохнем! – взмолилась я и в незашнурованном корсете поверх тонкой сорочки выскользнула на балкон.

Свежий воздух привел в чувство. Сад, раскинувшийся внизу, радовал глаза палитрой оттенков. Величие золота, спокойствие коричневого, страстность красного и благородство желтого – столько красок смешала природа! Обожаю осень.

А с талией все-таки нужно что-то делать. Вероятно, Ириэн посчитала, что испорченное платье – достойная месть принцессе в день рождения. Как низко! Как просто! Не то что мой розыгрыш, после которого она на время перестала быть папочкиной фавориткой. Жаль, что только на время.

Вдох и глубокий выдох. Мои ребра медленно, болезненно сдвинулись. Все, талия стала уже, а в глазах потемнело. Да, смещать кости – не то что убрать надоевший прыщ, отрастить волосы за пару минут или изменить цвет глаз. Это жутко больно! Но красота действительно требует жертв. Желательно от других.

Я обернулась к почему-то притихшим девчонкам и обомлела. Все три мои фрейлины лежали на полу. Бледные. Бездыханные. С закатившимися глазами. Сквозь открытую дверь из комнаты просачивался сладковатый аромат. Лилии отравлены. Ох, если бы я не вышла на балкон!

Зажимая нос, выскочила в коридор. Охрана у двери несколько секунд тупо смотрела на меня, пытаюсь понять, чего хочет от них полуголая визжащая принцесса.

– Идиоты! Выгните их! Они умирают! – В бешенстве я даже, кажется, надавала страже оплеух. – Быстрее!

Охранники невидящими глазами смотрели куда-то вдаль, как будто замороженные заклятием. Замороженные! Точно, их околдовали! Оставив попытку растормошить их, я побежала назад в покои. Лилиана, лежащая ближе всех к двери, несмотря на неудобу оказалась ужасно тяжелой. Подхватив ее под мышки и задержав дыхание, я потянула фрейлину к выходу. И вдруг меня оторвали от безжизненного тела и, приподняв над полом, встряхнули.

– Ты что творишь? – Голос телохранителя давно не переполняло столько гнева.

Вытолкав меня в коридор, Грэм резко сорвал с себя плащ и швырнул прямо в лицо.

– Одевайся, позорище! – Рыкнув, мужчина метнулся в покои – и вынес Лилиану.

– Ты подвергла себя и девушек риску. – Грэм осторожно положил на пол Далию и побежал за третьей фрейлиной.

– Ты должна была позвать на помощь, а не геройствовать, – зло прошипел телохранитель, возвращаясь с Кирой на руках. – Ты дура, сапфироглазая!

На спасение фрейлин и выволочку в мой адрес у него ушло не больше минуты. А как иначе? Ведь он сатуриец – представитель расы воинов, которые делают все гораздо лучше и быстрее, чем обычные люди. Куда мне, убогой, до него...

Продолжая нравоучительный монолог, в который мне не позволялось вставить и слова, Грэм осмотрел девушек и заявил, что опасности нет, они не успели надыхнуться отравленным воздухом. По чистой случайности я снова пережила покушение на свою жизнь.

– Какой нужно быть глупой, чтобы принять подарок, не проверив дарителя? – Телохранитель успокоился, и в голос вернулась привычная язвительность. Но я-то знаю: он чувствует свою вину, ведь когда произошло покушение, его не было рядом.

– Да ладно, Грэм, обошлось же.

– В следующий раз не обойдется, если продолжишь глупить.

Закутавшись в его плащ, я сердито смотрела себе под босые ноги и молчала. Телохранитель проследил за моим взглядом и, снова рассердившись, подхватил на руки и куда-то потащил. Сквозь тонкую ткань я чувствовала жар его тела и то, как напряглись мускулы рук и торса. Мм... так приятно и волнующе, что на некоторое время я забыла о своей неприязни к нему. А вот телохранитель о своей помнил всегда.

– Некоторые ради божественной внешности готовы простить избраннице отсутствие мозгов. Красота есть, ума не надо. Что ж, сочувствую тому несчастному, который свяжет свою жизнь с такой красавицей.

Я не прерывала обидный монолог Грэма, ведь сама ввела его в заблуждение. Он предложил помощь, которую я бестактно отвергла.

– Какая честь! К нам пожаловал сам хранитель тела высочества! – Грудной голос Ириэн вернул меня к реальности. И реальность эта предстала в облике прекрасной, но скандальной и завистливой женщины. – И конечно же не забыл прихватить это тело с собой. Чего тебе надо, Курт?

Меня принесли в покои фрейлины, числящейся в моем штате, а на самом деле являющейся фавориткой императора. Не ожидала от Грэма такой подлости.

– Не дури, – словно прочитав мои мысли, прошептал Грэм на ухо, – если цветы – первая стадия покушения, будет еще одна попытка. Но никто не подумает искать тебя здесь.

– Так чего тебе надо, Курт? – повторила вопрос Ириэн.

Старшая фрейлина обращалась к моему телохранителю обычно по имени его клана – наверняка это о чем-то говорило. Скорее всего, о ее комплексах, ведь придворная дама была незнатного рода, она происходила из семьи купца средней руки и чудом попала в фавор к императору.

– На ее высочество совершено покушение, и в собственные покои ей возвращаться опасно. Вам, благородная риэлла, придется уступить принцессе свои комнаты и помочь одеться. – Грэм по-хозяйски опустил меня в кресло.

Ириэн возмущенно поджала алые губы. Легкий халатик из зеленого шелка нечаянно распхнул, приоткрывая роскошные полушария груди.

– Мне жаль, но помощь принцессе Мариэлле больше не входит в круг моих обязанностей. – Бархатистый голос фрейлины пролился медовой рекой.

Ха, она не знает, что Грэм испытывает отвращение к сладкому.

– Хорошо, – телохранитель подхватил меня на руки и пошел к двери, – спрошу у императора, в чей круг обязанностей входит забота о его дочери.

– С огромным удовольствием окажу принцессе посильную помощь, – пробормотала женщина, преграждая нам дорогу.

Вот так мне пришлось провести с Ириэн несколько удручающих часов. Впрочем, они были не лишены приятных моментов. До появления рокового букета Лиана успела сделать мне прическу, а Кира – макияж. Фаворитке императора осталось натянуть на меня платье, которое она тайно приказала ушить, подкупив одну из помощниц швеи.

Когда принесли наряд, мы благоговейно застыли. Шедевр портновского и ювелирного мастерства! Пышный низ – вискурский синий шелк, а верх – серебристые кружева-паутинка с вкраплением из мелких сапфиров, бриллиантов и хрустала.

Лицо старшей фрейлины вытянулось от удивления, когда это совершенство идеально подошло. Ничего, таким, как Ириэн, бесполезно разочаровываться: выражение лица становится не таким приторно-сладким.

Сопроводить меня в тронный зал кроме Грэма явился и старший придворный маг. Тристан придирчиво осмотрел наряд и зачем-то подергал трехметровый шлейф. Если бы так сделал сатуриец, то решила бы, что телохранитель проверяет, удобно ли с ним убегать от наемных убийц.

– Дорогая ученица, сегодня ты само совершенство, – наконец промолвил чародей.

Шесть лет он обучал меня магии Земли, пока император не запретил, сказав, что из наследной принцессы не нужно делать боевую магичку. Но Тристан продолжал называть меня любимой ученицей, порой показывая какое-нибудь интересное заклинание.

Церемониймейстер объявил о моем приближении:

– Ее императорское высочество наследная принцесса Мариэлла!

С почетной свитой из мага и элитного телохранителя я вплыла в Белый тронный зал. Вытянутой формы, с огромными окнами, десятками зеркал и обилием позолоты на снежной глади стен, зал давил на присутствующих своей торжественностью. Его еще называли Залом горгоров – четыре твари из белого мрамора держали на своих спинах платформу с императорскими тронами. Чтобы туда подняться, нужно было преодолеть семь высоких ступеней. Как я не любила этого делать! Шесть лет назад – слава богам, что во время репетиции! – я оступилась и проехала на спине до самого низа. Теперь один из моих самых жутких кошмаров – сон, в котором падение повторяется, но на глазах у всего двора и гостей. Правда, парадной лестницы я боюсь все-таки больше.

Кстати, о гостях. Шествуя к трону, кивая и мило улыбаясь, не увидела послов ни из Вискура, ни из Камии. Можно сказать, сложилась традиция, что к вискурцам отправляют вежливое приглашение, а они также учтиво отказываются. Могучая держава, предоставившая сто лет назад убежище гонимой расе хэмеллов и закрывшая свои границы для остальных. Впрочем, туда стремились только купцы, ведь Вискур – главный поставщик дорогих тканей, зерна и вин для всего Межграничья.

А вот в Камии приглашение никогда не отправят: преобладающая часть населения полиса – демоны. От бестелесных собратьев, которых вызывают башевисты из-за Грани, их отличает миролюбие. И вообще они – единственные разумные демоны, которые соседствуют с людьми. Однако несмотря на дружелюбие, в Северной империи камийцев не любят, их опасаются.

До трона еще несколько десятков шагов по мутно-молочной поверхности пола, а у меня уже болят шея и спина. Нет, я не создана для участи принцессы. Многие завидуют, не понимая, как трудно таскать на себе тяжелые наряды и украшения, следить за каждым словом и жестом, за мимикой. От любопытных глаз не скроешься, кажется, все с надеждой ждут малей-

шей ошибки. И неудивительно, ведь любая оплошность принцессы – прекрасная тема для сплетен.

Остановившись у подножия трона, я сложила руки на груди, склонила голову и опустилась на одно колено, приветствуя правителя. В резко наступившей тишине раздалось мелодичное пение ударявшихся друг о друга сапфиров, хрустала и бриллиантов.

– Поднимись, возлюбленное чадо, дочь императрицы моего сердца. – Голос императора Константина звучал торжественно и холодно. – Займи место, по праву принадлежащее тебе.

Поднявшись, встретила глазами с императором. Черноволосый гигант, одетый в цвета затаженного траура – серое с серебром, он заставлял придворных трепетать и покрываться липким потом. Легкие морщинки вокруг синих глаз и возле плотно сомкнутых губ нисколько не портили его лицо с резкими чертами. Прирожденный властитель, красивый надменной красотой. Даже и не верится, что он регент и получил корону благодаря женитьбе на императрице Лелии. Еще четыре года – и после полного совершеннолетия дочери он станет всего лишь отцом новой императрицы.

Преодолев семь ненавистных ступенек, облегченно опустилась на мягкие подушки. Грэм аккуратно расправил шлейф, почтительно поцеловал запястье и стал рядом с тронном.

Церемониймейстер прочел первое поздравительное послание и перечислил дары полуса Арахар. Посол арахарцев, статный, знойный красавец, почтительно склонился. Гражданин вольного града, он и под страхом смерти не опустится на колени перед правителем, даже если тот хозяин четверти Межграницья.

Пока зачитывают поздравления гордых пустынных, можно слушать невнимательно, машинально кивая, и наблюдать за придворными.

С моей стороны кроме телохранителя три фрейлины – они заняли свои места у трона и на первой верхней ступени, сев на подушки. А со стороны императора – его фавориты. У ног императора расположилась Ириэн, относящаяся вообще-то к моей свите, ну да ладно, для любимого родителя мне ничего не жалко. Рядом с ней примостились рыжеволосая красавица-танцовщица Лия и Аллегра, певица с удивительным голосом. Чуть поодаль – Корделия, прославленная целительница и знаток ядов. Кроме роскошных женщин в любимчики императора попали и кулачные бойцы – Герк и Янис. Что поделаешь, даже у великих мира сего есть маленькие слабости. Пристрастие императора – красивые и талантливые люди, которых он собирал вокруг себя с азартом коллекционера.

Чуть ниже без всяких подушек устроился, нетерпеливо подпрыгивая, Локки, шут покойной императрицы. Хотя Константин и ненавидел наглеца, но отдалять от двора после смерти жены не стал. Придворные шептались, что Локки, будучи шпионом и тайным советником императрицы, отказался сотрудничать с регентом. Император затаил обиду, а по мне, так велика потеря: от Локки я никогда не слышала ничего путного. Да и не верилось, что в его подчинении шпионская сеть, «сумрачные тени», империи.

О боги Семиграда! Словно почувствовав, что я о нем думаю, Локки, криво ухмыляясь, с места сделал кульбит и оказался напротив меня. Надеюсь, он свернет когда-нибудь себе шею.

Шут сел на шпагат и, заглядывая в глаза, просюсюкал:

– Цветы дарят радость. И только те, которые приносят на нашу могилу, уже не радуют.

Локки постоянно говорил мне гадости, вот и в день рождения не сделал исключения. Он заметил, как на миг исчезло благодушное выражение с моего лица, захихикал и резвым козлом поскакал к фаворитам императора. Как мало нужно для счастья некоторым ущербным!

Впрочем, Локки не выглядит ущербным. У него не видно явных уродств, наоборот, под разноцветными тряпками и бело-синим гримом скрывается остроумный человек с телом гимнаста. Согласно моей теории, делать и говорить людям гадости его заставляет безобразная душа.

– Как я понимаю, шут намекает, что Лилиана замешана в попытке отравления. – Шепот Грэма застал врасплох. – Если не возражаешь, допрошу ее сразу после праздника.

– Не смей! В прошлый раз Локки в покушении обвинил Братство магов, но ты ведь не стал выдвигать против них улики? Тем более от букета пострадала и она сама.

– Возможно, выпила антидот? Или с ней работали втемную, не предупредив о яде? – предположил телохранитель. – Ладно, как хочешь. Тем более это твой последний день с фрейлинами. Твоей преемнице с ними контактировать не придется: девушек, как сообщил мне Тристан, удалят из дворца. Но не тревожься, они получат компенсацию.

Не скрою, я знала, чем окончится авантюра для моих приближенных. Все, с кем я близко общалась, будут отосланы и заменены другими людьми. И все равно мне было горько и грустно.

Я сижу на троне принцессы Северной империи. На мне гряда драгоценностей, вокруг толпы царедворцев, готовых выполнить любое желание. Меня стерегут серьезней, чем государственную сокровищницу. И все-таки я никто. Сейчас моя единственная задача – вести себя тихо и не дать убить себя. Трон Севера – самый лакомый кусочек во всем Межграницье. И любой человек, хотя бы косвенно принадлежащий к роду первой императрицы Микаэль, предтечи магов, хочет его урвать. По закону корона передается старшей дочери, прошедшей испытание Звездным венцом, но если таковой нет, наследницу ищут в другой ветви. Поэтому, чтобы обезопасить единственную дочь, а заодно и свое регентство, Константин готов пойти на многое.

Церемониймейстер невозмутимо оглашал имена гостей, почтивших визитом наследную принцессу, и не обращал на расшалившегося шута внимания. Новой мишенью для своих остроумий Локки выбрал принца Артура. Двоюродный братец вертелся в кресле, гневно краснел, сжимал кулаки, но терпел выходки паяца.

Тридцать восемь лет назад мать Артура, принцесса Донна, пыталась свергнуть с престола свою сестру, за что и была казнена на Хрустальной площади Семиграда. Императрица простила юного племянника и приняла в свою семью. Но, как известно, сколько змею ни грей на груди, она когда-нибудь укусит. Артур «кусал» тайно, организовывая покушение за покушением. Но «шипел» открыто, всячески меня оскорбляя. Он не имел права на трон, но старался его заполучить для трехлетней дочери, при которой собирался стать регентом.

– Некоторым корона будет жать, потому что уши мешают. – Локки сделал сальто назад и прошелся перед Артуром на руках.

Отэмис, жена принца, едва успела придержать мужа за руку и бросила на меня рассерженный взгляд. Можно подумать, я виновата в несдержанности ее благоверного! Артур тоже злобно покосился в мою сторону.

М-да, упоминание про уши лишнее... Однажды принц стрелял из окна по голубям кристаллами льда, отработывая новое заклинание. Не сдержавшись, я попыталась спасти невинных птиц от бессмысленной охоты и отвела одну из ледышек. Заклинание срикошетило – и ледяная стрела пролетела рядом с головой принца, счесав кончик левого уха. Конечно, целитель нарастил его принцу лучше прежнего. Но Артур все равно вошел в историю, как Безухий принц.

– Альберт Элевтийский, Верховный маг Дюжины, магистр ордена Земли!

Придворные зашептались. Никто не ожидал, что после отказа прийти на помощь полису Камбэр, атакованному черным магом, Братству хватит наглости почтить нас так скоро своим присутствием. Этого гостя, согласно этикету, полагалось приветствовать не просто кивком головы. Грэм спустился с тронного помоста вместе со мной и стал за спиной.

– Будь осторожна, сапфиброглазая. – Шепот телохранителя, как ни странно, придал сил.

Альберт Элевтийский, его еще называли Географом за страсть к путешествиям, величаво шествовал к трону в неизменном сером плаще. И хотя Белый зал был заколдован от боевой волшбы, магистр имел грозный вид. Ходили слухи, он не проиграл ни одной магической дуэли. Не хотела бы я стать его врагом.

– От имени Братства приветствую владыку Северной империи и его прекрасную дочь. – Маг склонил голову перед императором, потом приблизился ко мне. Протянутую руку он взял почтительно и, скользнув сухими губами по запястью, тут же отпустил. – Ваше высочество, ваша божественная красота – бриллиант в лучах света, и я едва сдерживаюсь, чтобы не зажмуриться.

Когда магистр Земли говорит вычурные комплименты, толком и не знаешь, издевается он или пытается быть галантным. Придется мило улыбнуться – пусть себе злорадствует, если это насмешка.

– Мы признательны, что вы оставили все свои дела и совершили столь длительное путешествие. – Голос императора прозвучал холодно-официально, как и требовал протокол, но мне почудилась легкая ирония.

Приятно видеть, что и маги страдают без телепортации. Братство сообщило, что из-за проблем с Гранью во время перемещения происходит сбой и на место назначения человек прибывает по частям. Подобное уже случалось когда-то, и все телепортационные круги беспрекословно опечатали. Теперь людям приходится пользоваться услугами пегасов. Впрочем, поговаривают, что никаких сбоев нет, просто это одно из условий проклятого мага Эвгуста. В случае его невыполнения он уничтожит мир... по-моему, откровенная чушь.

Локки перевернулся через голову и оказался распластанным перед магистром. Приподняв голову, шут плаксиво пропел:

– Душа черномага – бездна, не ищи в ней дна!

Затем, кривляясь, начал целовать гостью сапог – магистр гадливо отдернул ногу.

– Когда начинается гроза, умный закрывает окна, глупый – глаза! – С последним стишком на устах шут вприпрыжку метнулся в толпу придворных.

Несколько секунд еще слышались недовольные повизгивания придворных красавиц. Наверное, такой переполох возникает в курятнике, когда туда забирается лис. А дамы действительно напоминали кур – модные в этом сезоне диадемы, заколки и броши с перьями невольно навевали такое сравнение.

Почетные гости потянулись вереницей к подножию трона. Мне, виновнице торжества, кроме комплиментов, причиталось целование руки. В запястье целуют почтительно, чуть ниже – по-дружески, в кончики пальцев – по-родственному. Ну а внутренняя сторона ладони – место для поцелуев любовных. Как и любая древняя традиция, эта также предполагала издевательство над персоной: ты – одна, а отдающих дань – много.

От усталости у меня дрожали колени, спина болела, требуя опоры. Скосив глаза, я увидела Тристана. Маг поднялся к императору и что-то шептал ему на ухо. Новость досадная – Константин нахмурился и бросил в мою сторону нервозный взгляд.

Церемониймейстер дернулся, точно от удара, и срывающимся голосом прокричал:

– Повелитель Камбэра, Эвгуст Великий!

Хм, интересно, что нужно совершить проклятому магу, чтобы считаться великим? Покорить Камбэр? Или утереть Дюжине нос?

Серебристое сияние обозначило в свободном от людей месте очертание портала – придворные в ужасе отшатнулись. Из нестерпимого сияния выскочили, цокнув когтями о пол, два горгора. Ящероподобные твари спокойно сели рядышком как хорошо выдрессированные псы. Секундой позже появились три фигуры в черных балахонах с низкими капюшонами. Один маг отделился от группы и шагнул к трону. Ранее невидимые воины из личной гвардии императора щитом выросли перед ним. Однако чародей прошел сквозь строй, точно не заметив никакого препятствия. Серебристоволосые телохранители, обездвиженные, замороженные заклятием, остались стоять на месте.

– Я пришел с миром, – хриплый голос нарушил мертвую тишину, – и хочу всего лишь поздравить принцессу с ее совершеннолетием.

Черный маг слегка сдвинул капюшон. Белая маска с нарисованной улыбкой испугала меня больше, чем все предыдущие его действия. По-моему, надеть на себя такое уродство может лишь одержимый.

– Принцесса, – Эвгуст без препятствий завладел моей рукой, – вы – копия своей прародительницы Микаэль. Хотя нет, вы очаровательней.

На комплименты принято отвечать – и я сумела выдавить из себя слова благодарности. Маг изящно склонился и поцеловал запястье, чуть оцарапав маской кожу. Прикосновение показалось пугающе холодным, и я едва заметно вздрогнула.

Взмахом руки Эвгуст приблизил к себе свободное кресло. С противным скрежетом оно подъехало, и маг с явным удовольствием в него сел. Я осталась стоять.

– Итак, принцесса, вам двадцать и после первой коронации вы отправитесь в четырехгодичное путешествие, чтобы увидеть Межграничье. Ваш отец будет править, как раньше. Я ничего не упустил? – Спокойный голос мага звучал дико в напряженной тишине коронационного зала.

– Нет, все правильно. – Не сдержавшись, я нервно облизнула губы. Впервые в жизни стою навтыжку перед магом, который может убить, если верить слухам, одним взглядом. – Будущая императрица отправляется в путешествие инкогнито, чтобы увидеть мир без прикрас и иметь на все собственное мнение.

– Но ведь увидеть мир без маски можно и другим способом, не подвергая себя опасности. – Разглагольствование черномага, объявленного Дюжиной вне закона, походило на светскую беседу. – Если вы пожелаете, я могу рассказать как.

– Спасибо, я уж как-нибудь по старинке. – Ответив чуть резче, чем нужно, я преследовала две цели: узнать, что проклятому колдуну от меня надо, и поскорее закончить фарс – моя спина ныла, умоляя о передышке.

Если я не ошиблась и магу я зачем-то нужна, он не убьет меня за пару резких фраз. Если ошиблась, можно напоследок и поострить.

Маг издал чуть слышный хриловатый смешок.

– Не буду настаивать. Но на вас у меня несколько иные планы. Всем известно, что до моего так называемого перехода на сторону Тьмы я считался женихом Микаэль. Мне кажется, что я имею некоторое право поучаствовать в судьбе ее потомков. Вы согласны со мной, ваше величество?

Нарушая все правила этикета, я обернулась к императору. Лицо Константина стало серым, как и его одеяние. На миг мне даже привиделось, что правый глаз монарха дергается в нервном тике.

– Вы согласны со мной, ваше величество? – повторил свой вопрос Эвгуст.

Придворные, послы и другие гости, затаив дыхание, смотрели на Константина. А император глядел на своих сатурийцев, напоминавших сейчас больше статуи, нежели самых лучших бойцов Межграничья, устойчивых к гипнозу и ментальным атакам.

– Пожалуй, справедливо. – Константин ответил спокойно, но чувствовалось, что обманчивая безмятежность далась ему нелегко – он сам признался в своем бессилии, разрешив чужаку влиять на судьбу дочери.

– Отлично! – Черный маг поднялся с кресла и развернулся к гостям императора. – Вам известно, что полис Камбэр предложил мне венец повелителя и права арбитра. Также я стал опекуном несовершеннолетнего герцога Низинных долин.

Возмущенный шепот пробежал по залу. Эвгуст прибирал к своим загребушим рукам все больше земель и власти. И это начинало пугать.

Отметив ожидаемую реакцию, маг продолжил:

– Бабушка герцога Риза в свое время претендовала на трон Северной империи, но ее кузина, заручившись поддержкой Братства магов, сумела ее обойти. Я считаю, справедливость

восторжествует, если принцесса Мариэлла станет женой герцога Риза и две враждующие ветви одного рода примирятся. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Посол Аг-Грассы, герцог Мальто Доминни, презрительно скривил губы и сделал шаг вперед.

– Я против! Как посол своей страны и родственник принца, выражаю недовольство. Принцесса с пяти лет обручена с наследником нашей страны, и никто не имеет права разрывать эту помолвку! – Герцог был хорош в своем праведном гневе: темноволосый, стройный, с горящими темными глазами.

– Разве никто? – хохотнул маг. – А сами помолвленные? У них есть такое право.

Герцог Доминни зло прищурился:

– Возможно, принцесса под влиянием отца и может отказаться. Но принц Дариан никогда не отступится от суженой. За это я могу поручиться честью!

Маг медленно подошел к герцогу и в напряженной тишине переспросил:

– Вы уверены? Тогда на вашей чести – пятно. – Выдержал паузу и наконец произнес с ехидством в голосе: – Принц Дариан разорвал помолвку.

Мальто Доминни, сжимая кулаки, свирепо прокричал:

– Ложь! Не знаю зачем, но вы лжете!

– Нет, мои слова могут подтвердить еще четыре принца, семь принцесс и два герцога. – Маг перечислил свидетелей, как довольный купец, проводящий ревизию своего товара.

– И где вы встретили такое скопление титулованных особ Межграничья? – насмешливо спросил оживившийся император. На миг мне тоже показалось, что черный маг шутит, а потом я все поняла.

– Все эти титулованные особы, заметьте, что среди них больше половины – наследники разных государств, мои... как бы помягче выразиться... мои гости. И сколько они будут гостить у меня, зависит от вас, уважаемые господа послы.

Что тут началось! Оцепенение с послов точно рукой сняло – я видела, как они вынимают из-под одежд кристаллы связи и спешат встать перед свободным зеркалом, распахивая локтями придворных. Я слышала их тревожные вопросы о месте нахождения монарших наследников. Я чувствовала, как обстановка в тронном зале становится все гнетущее. Черный маг взял в заложники весь цвет монархии и аристократии Межграничья. И невольно я ощутила восхищение. Поставить на колени державы? С легкостью! Главное – суметь заполучить детей правителей.

– Я дал достаточно времени, чтобы вы убедились в правдивости моих слов, – жестко произнес Эвгуст и хлопнул в ладоши. – Я сказал: хватит!

Зеркала разлетелись серебристыми брызгами осколков.

В воцарившейся вновь тишине каждый мог услышать свое неровное дыхание.

– Я решил, что судьба принцессы Мариэллы и герцога Риза важнее всяких условностей и законов. Поэтому я прослежу, чтобы они воссоединились в крепком браке. Но для этого я должен стать соправителем империи, вторым регентом.

Если бы не боль в спине, я бы развеселилась. Нет, правда, невероятно смешно!

– От вас, уважаемые послы, требуется клятвенное подтверждение моих прав. Как представители своих правителей, вы можете их засвидетельствовать.

Эвгуст ждал ответа. Я тоже ждала с нетерпением: куда может завести страх.

– Я – Ориван Ли, посол Лулианского королевства, подтверждаю: маг Эвгуст имеет право стать соправителем императора Константина. Мое слово нерушимо. – Клятва первого решившегося на присягу дипломата золотисто высветилась в воздухе, обозначив герб Лулианского монарха – двуглавого змея, догоняющего свой хвост.

– Я – Халед Фарри, посол Боррикана, подтверждаю: маг Эвгуст имеет право стать сопровителем императора Константина. Мое слово нерушимо. – Фарри все делал с оглядкой на соседа и тоже принес клятву.

Остальные дипломаты опасливо посматривали друг на друга, не решаясь последовать примеру «сладкой парочки», как называли Оривана и Халеда.

– Прекрасно, я готов поощрить смельчаков. – У мага заметно улучшилось настроение, и он, зажав в руке кристалл связи, громко произнес: – Принц Зоор и прекрасная Яндра оценили мое гостеприимство, но желают вернуться домой. Аташ, доставь их ко мне. Остальные вернуться после коронации.

Послы быстро поняли свою выгоду.

– Я – Дина Справедливая, посол Итэры, подтверждаю: маг Эвгуст имеет право...

– Я – Александрит из рода Ита, посол королевства Хевикан, подтверждаю...

Послы старались опередить коллег и принести клятву раньше других. Магические знаки быстро загорались и мгновенно гасли. М-да, было бы смешно, если бы не было так страшно.

Недалеко от Эвгуста засеребрился контур портала. Из круга света шагнул, прихрамывая, как всегда взъерошенный принц Зоор, или Хитрый Хромой, как прозвали его лулианцы. Спустя мгновение появилась рыжекудрая красавица – дочь борриканского короля. Последним вышел слуга проклятого мага, одетый в черный плащ, как и его повелитель. Единственное различие – он откинул капюшон и оказался без маски. Высоченный – я никогда не видела таких высоких людей! Широкоплечий, с угловатыми чертами лица, темными глазами и чувственным ртом, до черноты смуглый, как жители одной из колоний империи. С трудом отвела от здоровяка взгляд – невообразимо притягательная внешность! – и почувствовала, как нагрелся мой защитный браслет. Ага, вот и разгадка феноменальной привлекательности – новоприбывший был весь обвешан приворотными амулетами, что запрещалось законом.

Аташ, ни на кого не обращая внимания, склонился в низком поклоне перед Эвгустом.

– Мой верный друг, поприветствуй принцессу Мариэллу. Отныне она – невеста нашего герцога. – В голосе Эвгуста явно слышались нотки самодовольства. Да, он гениально все провернул, наш второй регент.

Великан медленно повернулся в мою сторону. Он смотрел на меня всего лишь миг – и на его лице проступили удивление и дикая ненависть. Черные крылья, распахнувшиеся за его спиной, разорвали в клочья балахон, темные глаза загорелись красным. Да ведь это демон!

– Ты?! Тебя ведь больше нет, Микаэль!!!

Когтистая рука Аташа вскинута в мою сторону... Крик Эвгуста... Спина Грэма перед моим лицом... Нечто красное обволокло все мое тело...

Боль пронзила насквозь – и тотчас исчезла.

Ведь мое сердце остановилось.

Глава 4

Демонова бессонница

Аква, школа ордена Воды,

24 – 25-й день пришествия Эвгуста Проклятого

Четырнадцатый магистр ордена Воды страдала бессонницей. Лежа на прохладных простынях, она сознательно расслабляла мышцы, очищала голову от тревожных мыслей, считала быстрокрылых пегасов – и не могла уснуть. Стоило в изнеможении закрыть глаза, как возникали образы погибших людей – и сон куда-то пропадал. Сжимая виски, магесса стонала от боли, ее душа страдала от вины. Забыться не помогали ни травы, ни усилие воли. Хранители предлагали помощь, но Сиелла не желала сознаться в своем бессилии.

Верховный маг Братства проигнорировал предупреждение ренегата – и погибли люди.

Двадцать три дня назад, закончив разбираться со стаей горгоров, маги вернулись каждый в свою школу, как и привыкли, с помощью телепортов. Не успели они отдохнуть после славной битвы с тварями Тьмы, как поступили сообщения о нападении нечисти. Два поселения оказались уничтожены в одну ночь. Один из пострадавших хуторов находился на территории, курируемой орденом Воды. Отмахнувшись от протестов Мариона, Сиелла сама возглавила команду зачистки. Жители хуторка погибли все до единого. Смерть настигла их в кроватях и была мучительной, о чем говорили искаженные агонией лица. Кровь и разбросанные куски плоти сразу подсказали магам, кто посетил одинокое поселение. Сердцеедки. Небольшие по размеру, но быстрые, они охотились стаями, ареалом их обитания считались трущобы крупных городов. Несмотря на название, в сердцеедках не было ни капли романтики, а получили они его из-за своих «гурманских» пристрастий. Чуть больше обычных крыс, они неслышно подбирались к спящей жертве и перегрызали горло. Затем, разрывая мощными когтями живот, пожирали сердце. После чего выедали остальные, еще теплые внутренности.

Магам повезло, о тварях им сообщили вовремя. Сердцеедки – ночные хищники. Осталось их обнаружить и уничтожить, переходя из дома в дом.

Окруженная пятью искрящимися шаровыми молниями магистр ордена Воды вместе с Марионом переходили с одного двора на другой. Работали стихийники попарно – сердцеедки не отличались умом, но напасть со спины мозгов им хватало. Так, зачищая последствия жуткого пиршества, Сиелла и Марион дошли до последнего в их списке дома.

Испепелив сонных сердцеедок на кухне и в кладовке, магесса хотела пройти в спальню, откуда доносился в особенности удушливый запах крови. Марион преградил ей дорогу и стал настойчиво уверять, что помещение осмотрено. Оттолкнув хранителя в сторону, магесса решительно направилась в комнату.

Она видела много смертей. Ей приходилось убивать самой. Но то, что предстало ее глазам, заставило желудок избавиться от завтрака. Выбравшись на свежий воздух, Сиелла опустилась на землю. Злость росла в ней, не находя выхода. Она точно знала, кого винить в гибели этих несчастных. Если бы Альберт прислушался к словам отступника... Но нет! Он просто отмахнулся от его предостережения. Если бы он сразу проверил реакцию Грани на перемещение... Увы, голову Верховного занимали другие проблемы. Если бы...

Было столько этих «если бы», что Сиелла в изнеможении потеряла увлажнившиеся глаза. Тогда она сказала Мариону, что с удовольствием отхлестала бы Альберта по щекам за непростительную беспечность и самоуверенность. Пускай последовал бы вызов на дуэль, зато она отвела бы душу.

А потом пришло понимание, что в случившемся виноват не только Альберт. Но и она тоже. Если бы хоть кто-то настоял на проверке слов Эвгуста! Но нет, всем хотелось побыстрее попасть домой.

Застонав, Сиелла спрятала голову под подушкой. Демонова бессонница! Через пару часов обитатели школы проснутся и с новыми силами приступят к повседневным обязанностям. Одна она останется вареным овощем и не будет готова принимать важные решения.

Повздыхав, магистр решила, что она обратится к целителю.

Школьный сад пронизывали солнечные лучи. Было совсем не по-осеннему тепло, и Сиелла ступала по извилистой тропинке, довольно шуря глаза. До обеда Марион занимался с двумя истинными дикарями.

Первые признаки силы проявлялись в семь лет, отчего обучение начинали именно с такого возраста. Дети, принятые позже, тяжелее усваивали знания, а их сила, безудержная и неуправляемая, создавала проблемы как окружающим, так и самим юным магам. Неудивительно, что таких ребят прозвали дикарями: чтобы догнать свою возрастную группу, им приходилось прилагать максимум усилий.

Истинными дикарями считали тех, кого родители добровольно не отдавали в школу. В соответствии с законом Антара – Микаэль такое своеволие строго каралось – маг должен учиться контролировать силу. Не важно, где он получит свои знания: в школах Братства, при храме одного из семи богов или занимаясь с персональным учителем. Однако если в роду три мага погибали за дело ордена, родственники решали судьбу одаренных, пока им не исполнилось шестнадцать лет. Потом дети уже сами избирали свою участь: учиться управлять собственным даром или оставаться под сдерживающими силу печатями до самой смерти.

Впервые за годы магистерства Сиеллы орден получил сразу двоих дикарей. Братья-близнецы воспитывались магессой, потерявшей сыновей и мужа в стычке с некромантами. Старуха приложила все силы, чтобы отбить у внуков тягу к магии. Не получилось. Отметив шестидцатилетие, они решили учиться в школе. И теперь Марион в ускоренном режиме вдалбливал в юные головы общеизвестные знания о магии, стихийниках и орденах.

Подойдя к беседке, густо увитой отцветающими розами, Сиелла вслушалась в беседу хранителя с учениками.

– Прежде чем приступить к новой теме, проверим, как вы усвоили предыдущую. Я задаю вопрос, вы отвечаете, не задумываясь. Договорились? – Хорошо поставленный голос Мариона звучал напряженно. Похоже, детишки вывели его из себя. – Вопрос тебе, Гай. Перечисли ордены и назови имена магистров. Быстро!

Ученик ответил живо, словно произнес детскую считалку.

– Он ошибся, учитель! Разрешите, я уточню? – Довольный голосок Корина стал для Сиеллы неожиданностью. Обычно в качестве наказания ученика отправляли в помощь библиотекарю, а сегодня Марион почему-то держал его рядом с собой. – Географ – прозвище магистра Земли, а фамилия его, как и моя, Элевтийский. Мы с ним оба сироты и земляки. Вот так-то!

Сиелла поморщилась: радость ученика по поводу сходства с ее недругом раздражала и, пожалуй, даже оскорбляла. Магесса достала кристалл вызова из-под плаща и сжала в кулаке. Она позвала бы Мариона мысленно, если бы не поднятые хранителем ментальные щиты.

– Дон, дай определение магической ауры. Расскажи так, как понял ты. – Марион проигнорировал вмешательство Корина, следовательно, его гнев вызвал именно он.

– Магическая аура – то, чем отличается стихийник от обычного человека. Существует семь типов. Аура уровня красного луча говорит о том, что магу доступны бытовые заклинания и легкие боевые. Среди магов уровня оранжевого луча много мастеров стихий, управляющих силами природы. Желтый уровень, крайне редкий, дает возможность видеть скрытое, это аура стихийников, ищущих одаренных детей. «Зеленые» наделены особенно сильными способностями к целительству. «Голубые» и «синие» – стражи Грани, боевики. Ну а уровень фиолето-

вого луча – творцы новых заклятий, артефактов, самые сильные маги. Из них выбирают хранителей и магистров.

– Хорошо, Дон. Ответ достойный, хоть и слишком категоричный. С твоих слов можно решить, что маги поделены на касты, что не есть правильно. Да, магистр или хранитель – всегда «фиолетовый», но вот целитель, артефактор и воин могут иметь любую другую ауру. Грубо говоря, аура как емкость, которую наполняет сила. Чем она глубже, тем сильнее, выносливее маг, тем более затратные и сложные заклинания он может творить. Вам понятно?

– Ага, понятно, что приятней быть бездонным колодецом, чем глиняной чашкой, – хихикнул Корин и вкрадчиво спросил: – А радужные маги? Вы не будете о них рассказывать, учитель? Ведь Антар и Микаэль были именно такими магами?

– Легенды и мифы мы рассмотрим чуть позже. Раз ты не можешь сдержаться, Корин, я даю возможность внести свою лепту в занятие. Расскажи товарищам, как ты попал в школу. Твой пример докажет им, что даже несвоевременное обучение приносит свои плоды.

Высокий, худощавый маг вышел из беседки. Его пронзительные карие глаза и нахмуренные угольно-черные брови, на удивление, гармонировали с контрастным серебристо-пепельным цветом волос. Оглядевшись и увидев Сиеллу, Марион широко улыбнулся:

– Доброго утра, магистр. Хорошая сегодня погода, не так ли?

– И тебе доброго и светлого, Марион. Прости, что отрываю от урока. – Магесса приняла протянутую руку, они отошли чуть дальше и начали тихий разговор.

Звонкий голос Корина позволял следить за нитью его рассказа.

– В общем, как ни обидно звучит, я тоже дикарь. Мои родители умерли, когда мне исполнилось шесть лет. Оказавшись на улице, я сначала попрошайничал, а потом научился воровать...

– Вижу, что и эту ночь ты провела без сна, – посочувствовал Марион стихийнице.

– Наведешь на меня утопию? Что-нибудь легкое и спокойное. Убедилась, что сама уснуть не могу. Стоит закрыть глаза – и передо мной снова та комната.

Марион успокаивающе погладил магессу по плечу.

– Ты не виновата, никто не виноват. Не забывай, спасти всех не могут даже боги.

Сиелла встряхнула гривой синих волос и сердито возразила:

– Боги могут, но не хотят. А мы хотим, но не можем. Но в том, что случилось с теми людьми, виноват Альберт. И все знают, но молчат!

– Ты не права, Си. Кто мог знать, что проклятый колдун не соврал?

Было видно, что магистр не согласна, но вместо этого сказала другое:

– А теперь послушай Корина. Сейчас будет самое интересное.

– До сих пор не могу поверить, что мальчишка открыл душу тебе. Тогда как я бился за его доверие столько циклов.

– ...Наступил праздник Радужных шаров, день, когда «серые плащи», так мы называли магов, проверяют детей горожан на магическую одаренность. Пока собранные на площади детишки ловят белые шары, их предки и прочие любопытные ротозеи ловят ворон. И совсем не следят за своими карманами. Поэтому я с легкостью их облегал. И вдруг вытащил из сумы какой-то толстой теткой белоснежный шар. Невзирая на запрет, она хотела прихватить с собой «подарочек» с магического праздника. Я чуть копыта не отбросил от страха, когда шар вдруг ярко вспыхнул синим, а затем засветился ровным белым светом. От неожиданности швырнул его в тетку и дал деру. – Корин сделал эффектную паузу.

– Ну и? Поймали тебя? – не выдержал один из близнецов.

– Нет, куда им до меня? – Юный рассказчик негромко хихикнул. – Пришлось много дней прятаться в катакомбах. Наверх поднимался ночью, да и то на пару часов, чтобы добыть еды. На пятую ночь, когда вернулся в свою нору, застал там высокого мужика в сером плаще мага.

Бросив добычу ему под ноги, попытался сбежать. Не получилось – зловредный чароплет вдруг оказался передо мной, отрезав единственный путь к спасению.

Когда Корин снова замолчал, не выдержал второй брат:

– А дальше что? Из тебя клещами тянуть придется?

Тяжелый вздох рассказчика – нет, не те слушатели пошли, не ценят драматические приемы.

– Ну, чародей предложил поговорить. Мне пришлось согласиться, тем более он пообещал заказать столько еды, что пупок развяжется. «Серый плащ», назвавшийся Ронарком, поведал о моей одаренности и принадлежности к ордену Воды. Пока я обгладывал косточки запеченного в меду гуся, он рассказывал о школе и веселых буднях учеников. О счастливом будущем, которое может наступить, если пойду учиться. И лишь прикончив, – с этого момента голос Корина стал мечтательным, – кольцо кровавой колбасы, большое блюдо пирожков и кувшин сметаны, я сообщил, что согласен. И, поверьте, не жалею. Ронарк не солгал – моя жизнь стала лучше. Я один из любимых учеников магистра...

– Да ладно, хорош врать, магистр не жалуется хулиганов, – усомнился один из близнецов.

– Я никогда не вру в том, что касается магистра, – гордо заявил Корин. – Она, как и Ронарк, подарила мне новую жизнь.

Сиелла с Марионом переглянулись и не сдержали улыбок. Слышать такое от недавнего «ужаса учителей» – верх блаженства!

– Думаю, можно их оставить, – одними губами произнес маг. – Они увлечены Марионом, а тот наслаждается неподдельным вниманием слушателей.

Неторопливо они шли по осеннему саду. В воздухе витал запах спелых яблок и меда. Еще пахло сухой травой и землей, прогретой солнцем. Полное увядание сказалось пока лишь на цветах. Деревья, поддерживаемые магией мастера Воды, еще держались. Ханна принадлежала к тем магам, которые настаивают на своем праве оказывать помощь природе и не боятся изменять живую материю. Сиелла смотрела на ее опыты сквозь пальцы, и орден собирал урожай два-три раза за сезон.

Тихо переговариваясь, маги оказались около маленького, но щедрого на рыбу озера. Сиелла сбросила обувь и зашла по колено в теплую воду. Марион присел на покатый песчаный берег. Они так увлеклись беседой, что не заметили мастера Воды, замершую в зарослях лозы.

– Ты думал над планом Альберта?

Марион, не отрывая взгляда от обнаженных до середины бедра ног Сиеллы, пожал плечами:

– А что тут думать? Если отшельник не предложит другого выхода, замысел Географа вполне приемлем.

– Вы, мужчины, ради достижения цели редко думаете о том, какую цену придется платить.

– Ошибаешься, Си. Мне не безразлична участь детей, я переживаю за них так же, как и ты. Но если встанет вопрос – падение Восточных врат или опасный ритуал, – я соглашусь рискнуть. В конце концов, мы – маги, и дерзость – часть нашей натуры.

Магистр вышла из воды, Марион помог ей выбраться на берег.

– Почти убедил, осталось найти третьего дикаря фиолетового уровня.

Маги ушли. Ханна, невольно подслушавшая их разговор, вышла из высоких зарослей и, задумчиво покусывая кончик выгоревшей толстой косы, долго смотрела им вслед.

...Сиелла босиком шла по бескрайней луговине, сиреневой от колокольчиков. От цветов исходил дивный аромат, с которым не сравнятся ни одни духи. Над головой магессы раскинулся бездонный, индигового цвета, как ее глаза и волосы, небосвод. Золотые лучи солнца пронизывали чистое небо.

Сиелла брела в высокой траве и чувствовала, как теплая земля впитывает в себя ее печаль, боль и сомнения. Страх отступал, разум заполняло спокойствие. Легче становилось с каждым вздохом.

И вдруг все резко изменилось. Подул ветер. Сиелла удивленно подняла голову – по небу бежали темные грозовые тучи. Холодно. Воздух замерзал у самых губ, превращаясь в изморозь на коже. Кристаллики инея тонко звенели, осыпаясь с уст. Босые ноги зашипало от мороза. Магесса опустила глаза вниз. Трава стремительно чернела и покрывалась белесым налетом...

Разорвав призрачную паутину исцеляющей утопии, наброшенную на нее Марионом, магистр проснулась. Укутанная в одеяло, она несказанно замерзла в своей теплой спальне. Дыхание, вырываясь изо рта, замерзло, как в лютый мороз. Все еще находясь под действием заклятия хранителя, магесса недоуменно огляделась. В приглушенном свете спальня казалась такой же, как и всегда. Но Сиелла знала, что случилось непоправимое. Медленно сползла с высокой кровати, оставив обувь у изножья. Если повезет, удастся остаться незамеченной достаточно долго, чтобы выполнить задуманное.

Дверь без скрипа открылась, выпуская стихийницу в полумрак холла. Запах свежей крови, казалось, пропитал воздух. Магистр кошкой шла на странные звуки, раздающиеся в зале совещаний. Ближе. Еще немного, о боги, дайте еще пару мгновений побыть необнаруженной!

У входа в зал на стене висел медный диск. Она ударила по нему ладонью, посылая сигнал бедствия, слышимый лишь взрослыми магами, которые жили в стенах школы. Вздохнув с облегчением, попятилась назад – и, наступив на что-то скользкое, упала в лужу крови.

Тихий вскрик магессы не остался незамеченным – боднув полураскрытую дверь бугристой головой, из зала совещаний выскользнул элемент. Серокожий, мускулистый, огромный элемент – то ли змей с четырьмя лапами, то ли ящер с удлинённым телом и двумя хвостами.

Учув человека, он выпустил из пасти окровавленную ногу с прилипшими к ней лоскутками черной ткани и принялся. Вид упавшей на пол конечности, принадлежавший какому-то несчастному боевику, недостаточно бдительному в несении службы, заставил Сиеллу передрнуться. Эмоции едва не помешали ей поймать момент, когда элемент взвился в прыжке.

На рефлексах, выставив руки вперед, магесса бросила в тварь замораживающий сгусток. Но еще в воздухе элемент покрылся льдисто-сизой чешуей и с наслаждением поглотил заклинание.

– Проклятье! – прошипела Сиелла не хуже представителя пресмыкающихся.

Элемент оказался из водных.

Стихийница отпрыгнула вправо, уходя с траектории приземления змеящера. Слетавшие с ладони шаровые молнии, быстро кружась вокруг своей оси, тщетно ударялись о плоть элемент и таяли без следа. Сиелла понимала напрасность своих попыток справиться с порождением черной магии без холодного оружия, но старалась выиграть время. Острый кончик-жало одного из хвостов пробил девушке предплечье. Заклинание «серебристой плети» с шипением отсекло жало – элемент тут же отрастил новое. Град из заостренных кристаллов льда посыпался на тварь, высекая из чешуи безвредные искры.

Одним из хвостов монстр зацепил магессу, подбив под колени. Сиелла упала, перекатилась – и оказалась в ловушке: змеящер обвивал, опутывал ее новыми кольцами, пока весь не обернулся вокруг ее туловища. Пойманная, она замерла. Немигающие глаза элемент, переполненные жадой крови, встретились с синими глазами. Затем медленно, растягивая удовольствие, тварь сжала «объятия». Хрустнули кости. Магистр застонала, с ее пальцев сорвались тонкие молнии. Туша змеящера содрогнулась, словно от щекотки. И тогда магесса использовала последнее средство, активировав висящую на шее рубиновую подвеску-амулет. Багровое пламя накрыло их вместе. Элемент взревел, задергался, пытаясь сбить огонь, который быстро растекался по телу, вгрызаясь внутрь, раздирая, пожирая, сводя с ума.

Запах горелого мяса... визг элемент... вопли человека...

Еще несколько мгновений – и тварь рефлекторно отшвырнула полузадушенную стихийницу. Багровое пламя стало черным.

Спустя некоторое время Сиелла, не делая попыток подняться, подползла к поверженному противнику, чтобы убедиться, что он мертв. От громадного тупа веяло жаром и нестерпимо воняло.

Без единого ожога, но со сломанными ребрами, Иллиан истекала кровью, не в силах исцелить себя самостоятельно. Оставалось ждать помощи и пытаться удержать сознание на рубеже между реальностью и бредом.

В зал совещаний стекались испуганные маги. Сон окончательно слетел, стоило им увидеть лужи крови в холле.

– Сиелла! – Марион упал на колени рядом с мертвенно-бледной магессой.

Она открыла глаза и попыталась улыбнуться.

– Я уничтожила элементы Воды. Если бы не подарок Карима, мне пришлось бы туго.

Хранитель вскрикнул, увидев, как закатываются ее глаза. Хотел подхватить магессу на руки – и не успел. Подоспевшая целительница оттолкнула его в сторону.

– Ты мешаешь, отойди, – прошептала она, возлагая руки на залитую кровью грудь Сиеллы.

– Мейган, она выживет?

– Выживет, если позволишь делать мою работу. – Руки целительницы деликатно касались ран, оставляя на них легкую дымку зеленого сияния.

Болезненно худенькая, достающая хранителю головой лишь до плеча, она обладала ледяной выдержкой и безграничным милосердием. Идеальное для целителя сочетание качеств. Магистр водников сетовала лишь на то, что Мейган боялась телепортироваться.

Усилиями врачевательницы Сиелла пришла в сознание и тотчас связалась с коллегами, чтобы предупредить о возможном нападении.

Последующие несколько страшных часов маги-воспитатели совместно с боевиками убрали трупы, лечили раненых, уничтожали следы кровавого пиршества. Не верилось, что одна тварь могла сотворить столько зла и растерзать опытных охранников. Ужасало, что змей, принадлежащий к виду, с которым тяжело справиться магам-водникам, смог пробиться сквозь защитные заклинания стен школы. Если бы не амулет Сиеллы, содержащий заклинание огневиков, орден понес бы большие потери.

Иллиан уже успела переодеться, когда кристалл связи на шее нагрелся и окрасился зеленым. По привычке помянув Эвгуста, мановением руки она активировала зеркало, которое показало давно ставшую привычной картинку: в кресле с высокой спинкой сидел золотоволосый мужчина. Его красиво очерченные губы приветливо улыбались, а серые глаза оставались ледяными.

– Приветствую, Иллиан. Буду краток. На школу Эспинса совершено нападение элементы Огня. После твоего сообщения Вариор предусмотрел возможность атаки, но полноценно к ней подготовиться не успел.

– Жертвы? – Сиелла, вздохнув, сцепила пальцы в замок.

– Меньше, чем у вас, – три боевика, и все же амулеты других стихий – не выход. Поэтому пока я нахожусь в Семиграде, Вариор примет мои полномочия и отзовет с Приграничья восемь боевых четверок. Распределите их по две на каждую школу – адепты должны быть защищены от элементов любой стихии. Хватит быть легкой мишенью!

Несколько часов до рассвета, а Марион еще не ложился. Жизни магистра ничто не угрожало, и хранитель позволил себе расслабиться, однако сон все равно не спешил одарить его своей милостью.

И тогда он устроил ревизию своему арсеналу боевых артефактов.

Амулеты с законсервированными заклинаниями чужих стихий редко кто мог носить на теле долго, не испытывая дискомфорта. К таким уникалам принадлежала Сиелла, Альберт и все семейство Эспинсов. Впрочем, в чужих заклинаниях возникала надобность лишь при встрече с элементом своей стихии. Выложив из сундучка разряженные, хранитель занялся гладом. Острие меча с довольно широкой режущей кромкой позволяло пробить почти любую хитиновую защиту ночных тварей, если, конечно, удавалось к ним подобраться для удара. И все же для многих короткий меч, названный в честь легендарного клинка бога Войны, которым он убил Мрака, – скорее дань традиции, чем необходимость. Впрочем, мастера, великолепно владеющие любым видом холодного оружия, могли бы и поспорить.

В дверь тихонько постучали. И маг, гадая, кому еще не спится, отложил глад в сторону. Каково же было его изумление, когда на пороге своей спальни он увидел Ханну. В алом халате, с распущенными волосами, достигающими пояски. В руках у мастера Воды матово поблескивала запыленная бутылка вина.

– Мне не спится, – промурлыкала девушка, входя в спальню хранителя, – вижу, что и тебе тоже. Думаю, найдется занятие, способствующее сну.

– Да? – Марион растерялся.

– Я предлагаю выпить вискурского розового, – улыбнулась Ханна.

По-хозяйски расхаживая по скупо обставленной спальне хранителя, мастер Воды взяла с подвесной полки два бокала и наполнила их вином. Марион, замороженно наблюдая за покачиванием бедер всегда скромной девушки, сглотнул и взял протянутый бокал. Розовая жидкость слегка пузырилась, источая нежный пьянящий аромат.

– Предлагаю выпить за погибших товарищей, за мужество и силу нашего магистра. Если бы не Сиелла, нас могло бы уже и не быть. – Ханна пригубила бокал, искоса наблюдая за Марионом.

Маг согласно кивнул и большими глотками выпил вино. В богатом букете напитка чувствовалась кислинка и едва ощутимая горечь.

– Мы выпили, можешь идти, – произнес маг. – Если, конечно, ты пришла только за этим.

– Ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Я все еще жду твоего ответа. Знаю, ты любишь Сиеллу, что меня не смущает. И снова предлагаю тебе необременительную связь. – Ханна медленно приблизилась к мужчине и нежно провела ладонью по его щеке.

Хранитель вздрогнул от прикосновения, но не отстранился. Он оцепенел в растерянности: то ли сказалось нервное напряжение, то ли испугала настойчивость девушки, то ли в голову ударило вино.

Приподнявшись на цыпочки, мастер Воды одной рукой ласково притянула хранителя за плечи, другой взяла за затылок и наклонила его голову к своей.

– Соглашайся, Марион, ведь я тебе нравлюсь. – Дыхание магессы у самых его губ воспламеняло кровь. – Ты ведь хочешь поцеловать меня...

– Не стоит, Ханна, делать то, о чем потом пожалеешь. – Маг попытался сделать шаг назад, но гибкие руки оплели его тело, не позволив отстраниться. – Нападение элемента испугало тебя, и ты стараешься доказать сама себе, что жива.

– Какие глупости...

– Нет, Ханна. Поутру мы возненавидим друг друга.

– Марион, почему ты такой правильный? – Магесса, дразня, коснулась губ мага языком. – Ты не оставил мне выбора – я добавила в вино отвар, пробуждающий желание.

Хранитель вырвался из нежного плена не по-женски сильных рук.

– Да как ты посмела, Ханна! Это подло!

– Марион, правильный мой Марион... ты такой славный, когда сердисься. – Улыбаясь, девушка снова обвила вокруг мага.

– Да ты!.. Ты ведьма! – покраснел светловолосый.

– А когда ты смущаешься, я вся покрываюсь мурашками. – Ханна целовала его отчаянно, самозабвенно.

Он попытался отойти и не смог – в его крови шумело зелье. А почему бы и нет?.. Кто знает, сколько жизни отпустила им Судьба?

Он перехватил инициативу в свои руки и, не прекращая поцелуя, оттеснил Ханну к кровати. Повалил девушку на пушистое покрывало и подмял под себя. Ощувив тяжесть желанного тела, магесса счастливо засмеялась. Маг в ответ улыбнулся краешком губ и проложил горячую дорожку из поцелуев на открытом участке кожи. Зубами развязал узел пояса и распахнул халат.

Глава 5 Без масок

*Северная империя, Семиград,
26-й день пришествия Эвгуста Проклятого*

Боль – единственная нить, которая не дает окончательно затеряться в темноте. Незнакомые голоса. Шепот. Смутные образы. Обрывки картин прошлого.

Я металась в бескрайнем море боли и тьмы. Я тонула, зная, что никто не протянет руку. Зачем мне возвращаться? Меня никто не ждал. Оставалось сделать последний шаг, но я не успела.

– Вернись... Иди ко мне, ты нужна мне...

Боль осталась где-то в темноте. Возвращение к действительности напоминало пробуждение от кошмара, ведь кривая улыбка на белом лице-маске – не самое приятное зрелище после сна.

Черномаг сидел на краю кровати и крепко держал мою левую руку. Легкое покалывание распространялось от кончиков пальцев вверх, к сердцу, а оттуда разливалось по всему телу. Эвгуст переливал в меня свою силу.

– Не надо. – Я пыталась вырваться из цепких пальцев. – Хочу умереть, пожалуйста...

– Нет, ты нужна мне. – Эвгуст медленно покачал головой. – Я не могу отпустить тебя.

– Зачем? – Я не услышала ответ, вновь окунаясь в забытье.

Но боль, изгнанная проклятым, ушла.

Солнечный зайчик удобно устроился на моей щеке. Пришлось перевернуться на бок, чтобы от него спрятаться. Представшая перед глазами картина напугала до глубины души – на моей кровати снова сидел Эвгуст, неподвижный, как статуя.

– Что вы здесь делаете? – Я натянула одеяло повыше. – И вообще, что вам от меня надо?

– С возвращением, принцесса. – Хриплый голос почему-то звучал иронично. – После того, что между нами произошло, стесняться глупо.

– А что между нами было? – Я дерзко заглянула в щели для глаз на маске. Странно, рассмотреть цвет глаз Эвгуста даже вблизи не удалось. – Вы поделились со мной силой, что ускорило выздоровление. И больше ничего!

– Нет, я спас тебе жизнь. И я жду, что в ответ ты поделишься своими маленькими секретами.

– У меня их нет...

– Жаль, что ты не можешь видеть себя в зеркало. Разве это не твоя маленькая тайна? – Маг больно потянул меня за волосы и помахал ими у самых глаз.

Мои волосы золотисты, как осенние листья.

Сердце забилось быстрее. Неужели я попалась? Скорее по привычке, а не по необходимости, попыталась все исправить, восстановив привычный облик.

– Поздно, многолика, я несколько часов с удовольствием наблюдал за твоими частичными оборотами. Особенно очаровали волосы: то русые, то черные, то красные, как огонь. Должен признать, твоя многогранность впечатляет. – Эвгуст глухо засмеялся.

Его веселье показное. Я чувствую, что он в бешенстве, ведь его обманули. Он полагал, что в его руках наследная принцесса, а оказалось, что двойник.

– Я жду, – терпеливо произнес маг. – И не ври – я ощущаю ложь.

– Да, вы узнали мой ужасный секрет: будущая императрица – хэмелл, многолика...

Эвгуст резко взмахнул рукой – острая боль обожгла с ног до головы, хотя он не коснулся меня и пальцем.

– Я предупреждал!

Новая волна боли заставила корчиться и скулить.

– Хорошо! Двойник! Я – всего лишь тень принцессы! Хватит, умоляю!

Боль стихла, сменившись тупой апатией. Боги! Боги Семиграда, что мне делать?! Как быть? Если продолжу отпираться, Эвгуст меня замучает. А расскажу правду, убьет император! Но зная его горячий нрав, можно надеяться, что он это сделает быстро. Поэтому выбор предсказуем.

– Спрашивайте, что хотите...

– Давно бы так. Поверь, я не люблю причинять боль без особых на то причин. – Черный колдун сделал вид, что сожалеет о жестокости. Ну а я притворилась, что поверила. – Назови свое имя, многоликая, и расскажи, как получилось, что хэмелл заменила настоящую Мариэллу. Расскажи, как вышло, что ты отказалась от своего лица и собственной жизни.

Хорошо ему говорить: отказалась от собственной жизни. Ее не было вовсе и не будет никогда!

– У падчерицы Судьбы не может быть своей жизни – она принадлежит богине. Выполняя приказ храма, я и стала тенью принцессы Мариэллы.

– Так ты сирота? – Маг не мог скрыть удивления. – Странно, у хэмеллов ценится даже далекое родство; кроме родителей у тебя должны быть еще родственники. Как же ты стала жрицей?

– Я полукровка, служительницы Предвечной нашли меня на ступенях храма и взяли в обучение. Когда мне исполнилось четырнадцать, Тристан пришел к моей покровительнице Регине и выбрал среди десятков падчериц Судьбы, узнав, что я из многоликих...

– Регина? Сестра покойной императрицы? – перебил Эвгуст.

– Да, Регина – одна из старших жриц Судьбы. Тристан сказал, что император Константин хочет обезопасить дочь, найдя двойника, который до совершеннолетия будет рисковать жизнью вместо принцессы. И на эту роль идеально подходила девушка-хэмелл, ведь ауру Мариэллы видели маги-ищущие. Я могу не только принимать чужую внешность, но и создавать ауры – обычную и магическую. Если поставить нас с Мариэллой рядом, ни один маг не отличит настоящую принцессу. Мы тождественны до самой незаметной родинки, до малейшего пятнышка на ауре.

– Я знаю возможности многоликих. Не отвлекайся на мелочи. Ты не назвала свое имя, представься.

– Эвангелена, можно просто Эва. – Я не сдержала нервный смешок, осознавая, насколько невообразима ситуация. – Шесть лет я жила чужой жизнью, с чужим лицом. В день совершеннолетия принцессы я должна была уступить ей законное место. Ведь после первой коронации она получает частичную защиту Звездного венца, и покушения будут уже не так страшны. А я вернулась бы в храм, и никто не заметил бы особых перемен. Но император, не объясняя причин, продлил контракт еще на некоторое время.

– Как часто ты встречалась с принцессой, чтобы «отзеркалить» внешность?

– Мы не встречались. Дважды в год Регина привозила кристаллы памяти, на которых запечатлен обычный день принцессы... ее жесты, мимика. Если что-то претерпевало изменения, я тоже менялась. Еще жрица открывала мне свои воспоминания, и оттуда я брала слепок обычной ауры принцессы. – Воспоминания малоприятны, и я против воли поморщилась. – Магическую ауру я аккуратно корректировала по своему усмотрению.

– Кто еще, кроме императора и Тристана, знает, что ты двойник? – продолжил допрос маг.

Что я самозванка, знают еще четверо.

– Настоятельница храма в пустыне Согласия, Регина и телохранитель, защитивший от вашего демона. – Не знаю почему, но я решила не говорить о жрице, которую приставили наблюдать за мной.

– Хорошо, телохранителя можно не брать в расчет. Жрицы будут молчать, раз сами заключили с императором такую сделку. Остаются Константин и маг. – Колдун рассуждал вслух, совсем не обращая на меня внимания. – Поэтому ты можешь продолжать выдавать себя за принцессу, и никто не уличит тебя.

– Почему не стоит брать в расчет телохранителя? – Я вдруг ясно вспомнила, как сатуриец закрыл меня собой. – Что с Грэмом?

Маг помолчал, а потом тихо сказал:

– Он умер.

Нет, мое сердце не разорвалось от боли. Грэм – всего-навсего телохранитель, шесть лет стоявший между мной и смертью. Сколько покушений я пережила благодаря его преданности? Я сбилась со счета на втором десятке. Грэм закрыл своей грудью, зная, что особой ценности я, фальшивая принцесса, не представляю. Разве кто-то делал для меня что-то подобное? Нет, для жриц и нанимателей я – не личность, я – существо, умеющее прикидываться кем-то другим. И в то же время Грэм – сатуриец, для которого умереть с честью – благословение бога Войны, возможность, переродившись, подняться выше по лестнице перевоплощений.

Тогда почему мне так больно? Почему хочется кричать?.. Отдавшись на милость эмоций, я забыла о присутствии черномага. А он терпеливо ждал, пока осознавала услышанное. Складывалось впечатление, что он наблюдал за моей реакцией с интересом. Как будто ему есть дело до чужих переживаний!

У меня нет права показывать свою слабость. Грэм не хотел бы этого.

– Бог Войны, открой путь для сына своего Грэма Ли-э-Курта, одари милостью своею и проведи доблестного воина Дорогою Дорог, – скороговоркой прошептав короткую молитву, в ожидании посмотрела на Эвгуста. – Спрашивайте, риэл маг, я готова отвечать дальше.

Эвгуст вдруг подобрался, как зверь перед прыжком:

– Спрошу-спрошу, и ты ответишь, но позже. В твоих интересах сделать вид, что спишь.

Наверное, меня выдрессировал Грэм – не единожды сначала выполняла приказы, а потом уже спрашивала зачем. От скорости выполнения команды часто зависела моя жизнь. Впрочем, послушалась я и потому, что распоряжение исходило от проклятого мага.

– Что с моей дочерью? – В голосе вошедшего в покои принцессы императора звучала лицемерная тревога. – Я имею право знать, что с ней.

– Поздно ты вспомнил о своих правах. Я бы тоже хотел знать, что с твоей дочерью, – молвил Эвгуст и многозначительно подчеркнул, – с твоей настоящей дочерью.

Подсматривая из-под ресниц, я видела крупную фигуру императора, нерешительно застывшего в паре шагов от моего ложа.

– Я так полагаю, притворяться больше нет смысла?

Самообладанию его императорского величества впору позавидовать.

– В твоих интересах признаться, где настоящая наследница. Иначе...

– «Иначе»? Что ты мне сделаешь, маг? – Император, к моей позорной радости, насмешничал недолго – мой наниматель захрипел, когда рука Эвгуста вцепилась в его горло.

От неожиданности я, не скрываясь, уставилась на поразительную картину. Они стояли лицом к лицу, боком ко мне. Без видимых усилий Эвгуст оторвал мощное тело императора от пола. Правитель захрипел, задергался в попытке вырваться из захвата. Не осознавая, что делаю, перешла на внутренний взор – и мир окрасился дополнительными цветами и оттенками. Как и все маги, я вижу силу и внешнюю ауру. Как и магам-ищущим, мне видна и аура магическая. Но иногда магия обретает звук, запах и вкус, вот прямо как сейчас. Комната переполнена озоном и ароматом жженных специй – не самое приятное сочетание для тонкого обоняния хэмелла.

Император Константин не просто дергался, как червяк, он наносил Эвгусту магические удары. Я едва успевала следить, что за заклинания он использовал. Да вот беда, черномагу все было нипочем. Пока я цинично оценивала поединок-удушение, внезапная вспышка света

извне – я не успела заметить, откуда именно, – опалила руку Эвгуста. Проклятый отступник вскрикнул – и выпустил жертву.

– Ты под защитой Звездного венца, – потрясая почерневшей кистью, поразился Эвгуст. – Императрица тебя воистину любила, коль разделила власть. Почему же она не дала защиту дочери, что приходится ее прятать?

На удивление император печально ответил:

– Не успела. Лелия умерла вскоре после рождения Мариэллы.

Константин держался за горло и тяжело дышал. И хотя он столько раз оскорблял меня, что впору было его возненавидеть, я пожалела его. Такой гордый мужчина не должен подвергаться унижениям.

– Внушению ты не поддаешься, пытки не допустит венец, а убивать пока нельзя. Что же мне с тобой делать? – Вопрос явно не требовал ответа. – Мне нужна Мариэлла. Обещаю, что не причиню ей вреда, наоборот, дам ей большую силу, чем есть у нее сейчас.

Император приглушенно возразил:

– Прости, верится с трудом. В пророчестве сказано, что она нужна для ритуала. Ты хочешь разрушить Грань, пролив кровь потомков предтеч. Можешь убить меня, но ее ты не получишь.

– Далось вам это пророчество! Я не собираюсь устраивать конец света! Микаэль видела будущее смутно, за что ей слава оракула?!

Забавная ситуация: ренегат уверяет в своей безобидности, император проявляет неожиданную самоотверженность, а Звездный венец, главный артефакт правящего рода, может подчиняться и мужчинам. Неужели причина в том, что императрица Лелия, вопреки традициям, сделала мужа не консортом, а равным себе?

Его императорское величество поднялся с ковра и бросил взгляд на меня. Надеюсь, он не успел заметить, как дрогнули мои веки.

– Что с ней? Она скоро встанет на ноги?

– Потрясающее сострадание! – умилился Эвгуст, театрально всплескивая руками. Из-под ресниц мне было отлично видно, что чернота с кожи сошла, не оставив отметин. – Вспомнил о маленьком хэмелле через столько часов... я и то переживал больше.

– Так забирай ее себе, – огрызнулся Константин и решительным шагом направился к выходу из моих апартаментов. – Однако гляди в оба, твоя протезе из лживого народа.

Вот так всегда. Хэмеллы – зло! Спрашивается, чем эта раса заслужила дурную славу?! Вон низшие демоны Тьмы охотятся за кровью и душами людей. Ламчерионы, когда без контроля всадника принимают крылатую ипостась, разрушают целые города. И ничего. Хэмеллы все равно страшнее. Может, пора перестать возмущаться и начинать гордиться?!

– Ты слышала императора. Его волнует исключительно дочь, а на твое благополучие ему наплевать. Он не поможет тебе, даже если это ничего не будет ему стоить.

Ха-ха, а я дура и не понимаю! Да в первый же день во дворце я столкнулась с ненавистью такой силы, что едва не попала преждевременно за Грань.

Шелест одежды. Вкрадчивый голос прозвучал над самым моим ухом:

– Я предлагаю союз, Эва. Поможешь мне – и твои мечты обретут жизнь. Я дам все, что попросишь. Все, что попросишь, Эва, я щедр с преданными людьми. У тебя ведь есть заветные желания?

Каждый лелеет сокровенные мечты, но их исполнение только в руках богов.

Маг говорил и говорил, в полной мере проявив красноречие оратора. Внимательно прислушиваясь к его словам, я вдруг осознала, что почему-то не боюсь его. Черный плащ и ритуальная маска некроманта – такая нелепость! Разве можно бояться то, что вызывает усмешку?

Уход мага не принес облегчения. Мне нужно время, чтобы все обдумать и прийти в себя. То, что предложил маг пугающе и вместе с тем заманчиво. Можно и дальше играть роль прин-

цессы, выйти замуж за его ставленника и вскоре стать соправительницей. А за это всего лишь помочь найти настоящую Мариэллу.

Да кому я верю?! Проклятому богами колдуну! Тому, кто тысячу лет назад поднял восстание против богов, обучивших его магии. Когда он найдет принцессу, надобность во мне отпадет и он от меня избавится. Сейчас я – его козырная карта в игре за трон. Но ведь и козыри сбрасывают ради победы.

Целитель разрешил фрейлинам навестить меня. Их счастливый щебет слегка развеял мрачные мысли. Все-таки хорошо, что колдун не позволил им ухаживать за мной. Если бы они видели мой неустойчивый облик, вся симпатия сошла бы на нет.

Я – единственная, наверное, многоликая, уцелевшая на территории Северной империи во время последних массовых гонений. Остальные или убиты, или высланы в Вискур. Страх и ненависть – это однажды и послужило причиной войны, а потом и поводом для тайной жестокой охоты. Ах, конечно же, ведь мы принимаем чужую внешность! Крадем ее! Как отвратительно! Как страшно! Но разве люди лучше хэмеллов? Они уничтожают все, чего не понимают или боятся. И я не знаю, кем мне, полукровке, хочется быть – человеком или хэмеллом. Ни те ни другие не вызывают патриотических чувств...

– Ваше высочество! Ваше высочество, что с вами? – Голос Лилианы вернул к действительности. – Мы понимаем, принцесса, вы льете слезы по верному другу, каким был Грэм. Но не стоит так сильно печалиться! Не для того он отдал свою жизнь!

Угу, лью слезы по Грэму... Нет, я довольно-таки бессердечна! Мой телохранитель пожертвовал собой, а я, толком не помолившись за него богам, думаю о своих проблемах.

Кира задумчиво накрутила рыжий локон на палец и тихо произнесла:

– Мне кажется, Грэм не хотел бы, чтобы вы грустили. Ведь у сатурийцев совсем другие взгляды на жизнь и смерть. Живи сейчас и не заглядывай за край – эти слова он мне сказал, когда умер мой муж. Молодой беззащитной вдове нелегко находиться при дворе – все эти разряженные коршуны быстро слетелись на мое горе. Если бы не Грэм, меня утопили бы в грязи.

Я смотрела на Киру – и не верила. Морщинка меж ее бровей говорила о крайней степени огорчения, но в глазах не только печаль.

– Ты его любила? Я даже подумать не могла! Он ведь сатуриец... был сатурийцем. Всегда такой холодный, чопорный...

– Даже у них есть чувства, – веско заметила Далия и слегка покраснела. – Они скрывают их глубоко в душе.

Лилиана, как и я, недоуменно смотрела на девушек.

– Что? И ты тоже?!

Далия кивнула и смущенно спрятала порозовевшее лицо в ладонях.

– Как и Кира, я нуждалась в защите, вы ведь не забыли, как ко мне относился дядя? Сначала я испытывала к Грэму признательность, а потом зародилось чувство сильнее благодарности.

Девушка вдруг горько заплакала – и Кира крепко ее обняла.

– Вы все знали? – поразилась Лилиана. – И совсем не ревновали друг к другу?!

– А почему мы должны ревновать? – резко спросила Кира и презрительно прищурила глаза. – Как можно собственнически относиться к сатурийцу? Ведь он никогда не будет твоим? И у Далии и у меня не было шансов. Не забывай, невестой сатурийца может стать лишь светловолосая девушка, не обладающая магическим даром.

Да, это так. Столетия назад бог Войны благословил общину воинов, назначив своими земными слугами, и при этом дал свод законов. Главный запрет – брать в жены магесс. Ходили леденящие душу истории, что бог жестоко мстит нарушителям, не щадя ни родителей, ни детей, появившихся от неугодного союза. Чистота крови во всей своей абсурдности. Но бла-

годаря все тому же строгому отбору сатурийцы видят сквозь иллюзии, не поддаются внушению и ментальной магии. Им не страшны ни твари, владеющие силой подчинения, ни пожиратели душ, которые, очаровав жертву, выхолащивают ее разум, память и эмоции – все, что делает человека личностью. Вот почему сатурийцы идут впереди стихийников и охотников на нечисть, когда продвигается Грань на новые земли.

Ну а почему сатурийцы женятся на светловолосых? Да просто некоторые боги предпочитают блондинок, и Война – не исключение. Вот так и возник полис Сатур, населенный тысячами блондинов и блондинок.

– Но как Грэм... мм... мог быть с вами обеими? – Глаза заинтригованной Лилианы сверкнули любопытством.

– Не забыла, что сатурийцы – самая выносливая раса Межграницья? – улыбнулась Кира и подмигнула, уточняя: – Для тех, кто не понял, скажу прямо: выносливы они не только как воины.

М-да, смерть открывает столько секретов! Мой телохранитель – до неприличия любвеобильный мужчина, а фрейлины – тихони-развратницы... Ох, прости, Грэм, за эту иронию. Если бы я могла все вернуть назад, то призналась бы, как ты мне дорог. Да пребудут с тобой боги, Грэм...

В день моего пробуждения мне разрешили принять еще одного посетителя.

Тристан влетел в комнату, как порывистый осенний ветер, и принес с собой свежесть дождя и запах мокрой листвы.

– Девочка моя, ты жива! – Стихийник и не пытался скрыть свою радость. – Чудо, что ты жива! О боги, как я рад!

Придворный маг бесцеремонно уселся на край кровати, схватил мою руку и крепко сжал.

– Счастлив видеть тебя живой и невредимой!

Последний раз таким довольным я видела его в день, когда сумела сотворить заклинание, которое долго не получалось.

– Мы все испугались, когда камиец напал на тебя...

– Это был камиец? Один из демонов полиса Камия? – перебила я мага. Интересно, что-то новенькое. – Я думала, он – высший демон одной из стихий. Почему он на меня напал? И, главное, назвал Микаэль?

Тристан нахмурился:

– Прости, все время забываю, что тебе не довелось учиться в школе магии и ты с трудом различаешь виды демонов.

Хм, я тоже постоянно забываю, чего лишена из-за своего родства с хэмеллами. И вообще, чего Тристан ко мне прицепился? Можно подумать, мне доведется когда-либо общаться с демонами.

– Как ты знаешь из легенды, камийцы – дети богини Любви и огненного демона. Слуга Эвгуста – тот же высший демон. Его трудно отличить от человека. Как и низшие, он может пить энергию через кровь и эмоции. Но еще он умеет поглощать ауры и души, что свойственно одним высшим демонам стихий.

Что-то учитель все объяснил сумбурно. Или это неразбериха у меня в голове? Ладно, ясно одно: демон голодным не останется в любом случае. Главное, о чем следует помнить: камийцы могут свести с ума, точно приворотное зелье в битюговых дозах. Если не ошибаюсь, в древних легендах таких существ называли инкубами и суккубами.

– Не знаю, как Эвгусту удалось подчинить себе камийца, – продолжил Тристан. – Но события в Белом зале показали, что контроль его слаб. И мне трудно верить слову ренегата, что его слуга не начнет охоту на глупеньких фрейлин, жаждущих любовных приключений. А почему он набросился на тебя, черномаг не знает и сам.

– Ты вот так просто называешь проклятого колдуна Эвгустом? – Я недовольно прищурилась. Ладони учителя сильнее сжали мою руку.

– Ведь ты ничего не знаешь, правда? Он тебе не сказал?

– Что не сказал? О чем ты? – Мое непонимание позволило Тристану расслабиться и немного улыбнуться.

– Он спас тебя. Не целители, а он. Понимаешь важность подобного поступка?

О да, понимаю. Магический кодекс учитель заставил вы зубрить еще шесть лет назад. И пятое правило гласит: «Магу-недругу, спасшему жизнь твою, отплати тем же или исполни сокровенное». Вот так-то, если маг намеренно спасает от смерти своего противника, тот должен вернуть долг жизни или исполнить любую просьбу. Если спасенный поднимает руку на спасителя, его карают боги, отбирая магический дар. Для стихийников страшнее участи нет, поэтому ни один еще не нарушил закон.

– Эвгуст знает, что я двойник Мариэллы. Знает, что среди моих предков имелись хэмеллы.

– Да, он мне сказал, когда пришел выпытывать место убежища настоящей принцессы. – Расстроенный учитель развел руками. – Я ничем не могу помочь. Где принцесса, знает ее отец, а пытать императора Эвгуст не станет. Кстати, его величество приказал тебе продолжать играть роль его дочери. Он снова продлил соглашение и теперь на неопределенное время.

Я вздохнула. Ждать целых шесть лет дня свободы – и узнать, что увязла еще сильнее. М-да, такого и врагу не пожелаешь.

– Как все запутано, Тристан, и страшно. Послы принесли клятвы, что требования захватчика правомерны. Теперь, если император попытается свергнуть сорегента, все государства Межграничья объявят ему войну.

Маг встал и спокойно произнес:

– Ты не должна бояться, что империя захлебнется в крови. Это не твои заботы. Что тебе делать дальше, обсудим завтра. А сейчас отдыхай – ты еще очень слаба.

Наставник покинул мои покои – и запах осени исчез вместе с ним. Сразу после его ухода на меня навалилась слабость, и я не заметила, как уснула.

Дождь мерно стучится в окно. Комната погружена во мрак, и только далеко в углу сияет слабый камень-светляк. Я дышу глубоко, как и полагается спящей. Даже сердце бьется ровно. Я знаю, что кто-то таится в темноте. Кто-то стоит рядом с моей постелью. И сжимает в руке нож.

Дыхание размеренно, а тело напряжено в готовности отразить удар. Осторожно шарю под подушкой. Если посчастливится, спрятанный кинжал все еще там. Нет, не повезло – пусто.

Шорох примявшегося ворса на ковре. Стройная фигурка выступила из тени, на миг оказавшись на освещенном участке комнаты, затем склонилась надо мной. Быстрый перехват запястья руки с ножом, движение ногой – и ночной посетитель перелетает через кровать. Глухой стук о стену и тихий стон.

– Ох, принцесса! Зачем вы так! Я не собиралась причинять вам зло, – прохныкал знакомый голос.

– Лилиана?! Зачем ты здесь? – Бросившись к фрейлине, я все еще была настороже и приготовилась отразить нападение.

По моему приказу свет в комнате стал ярче. Девушка потирала ушибленные места и даже не смотрела в сторону упавшего ножа.

– Ну и реакция, ваше высочество! Уроки Грэма не прошли даром.

– Будь добра, расскажи, что ты делаешь в моих покоях?

Лилиана перестала стонать и, хлюпая носом, обхватила мои колени:

– Ваше высочество, простите, умоляю! Простите! Не знаю, как я согласилась, не иначе демон попутал! Пощадите, ваше высочество, умоляю!

– Довольно, успокойся! Объясни, что происходит.

Цепко держась за мои ноги, заплаканная фрейлина поведала романтическую сказочку. Якобы магистр ордена Земли, очарованный моей персоной, уговорил Лилиану – интересно, в каком эквиваленте выражались эти «уговоры» – денежном или магическом? – срезать дивный локон его «любимой». Не знаю, зачем это Альберту, но уж точно не на долгую память. Существует столько жутких заклятий на волосах, самое безобидное из которых – краткосрочное любовное наваждение. И против него нет контрзаклятий, поэтому несчастного запирают под замком и не выпускают несколько дней. Иначе сожаления до конца жизни обеспечены.

Отругав фрейлину, я прогнала ее прочь и легла спать. Сон не шел, мысли о странном поступке магистра Альберта заставляли ворочаться. Что за игру затеял землевик? Что ему нужно? Подкуп Лилианы – серьезный проступок, за такое Верховный рискует поспорить с императором и Тристаном. Конечно, если я расскажу им о ночном инциденте. А я буду молчать и постараюсь сделать магистра своим должником.

«А ты не так проста, как кажешься. Странно, что я не замечал этого на протяжении шести лет. Хорошая игра, сапфириглазая».

А-а-а! Голос, прозвучавший в моей голове, точно не внутренний! Когда слышишь не свои мысли – это телепатия или душевная болезнь. Слова, вклинившиеся в мои размышления, принадлежали погибшему телохранителю. Только он величал меня сапфириглазой, чтобы не называть чужим именем. Значит, я сошла с ума! Я обезумела! О боги!

«Нет, ты в порядке. Успокойся, Эва. Это действительно я, Грэм».

«Грэм?! Что ты делаешь в моей голове?! Мне сказали, что ты погиб, прикрыв от смертельного заклинания своим телом!»

«Да, умер. Но, кажется, не полностью. А что я делаю в твоей голове? Я здесь живу. Вернее, существую».

«Если это точно ты, убирайся прочь, Грэм! Прости, моя голова для одной меня!»

Меня переполняли неверие, страх и агрессия.

«Я бы с радостью, Эва, но не могу. Я пытался, честно. Что-то меня держит в твоём теле. Я хочу уйти. Неужели ты считаешь, мне нравится находиться в твоей прелестной, но ветреной головке?»

«Откуда мне знать, что это ты, Грэм? Я могла сойти с ума после удара камийца. Или же, пока валялась без сознания, какой-то телепат сломал мою защиту и теперь всю развлекается. Чем докажешь?»

«Спроси меня о чем-нибудь, Эва».

«Не думаю, что ответ поможет узнать правду. Ты просто прочтешь его в моей голове. О Судьба! За что мне все это?! Чем я прогневила богов?»

«Прекрати причитать. Я думаю».

«А почему я не слышу твои мысли? Ты можешь рыться в моей голове, а я нет! Где справедливость?!»

«О чем ты, девчонка? Определись, что тебя больше раздражает: мое присутствие или то, что моя память для тебя закрыта?! Можешь быть спокойна – не все твои мысли мне доступны, лишь четко сформулированные. Если бы я мог слышать твой поток сознания, то давно сошел с ума!»

«Ты наглец, Грэм! Как был нахальным при жизни, таким остался и после смерти».

«Благодарю за изящный комплимент, сапфириглазая. – Возникло ощущение, что телохранитель улыбается. – Кстати, только что придумал, как доказать, что я не демоническая сущность или твоя расщепленная личность».

«Как?»

«Иди в мою комнату. Я покажу тайник. Его я делал сам, ни один живой человек во дворце не знает, где он. Давай торопись, на рассвете смена караула».

«А почему я не могу воспользоваться тайной дверью?»

«На ней магические охранки, хочешь поколебать магический фон? Зачем, если есть более простой и удобный вариант?»

Собрав волосы в пучок и накинув халат, я осторожно выскользнула в полумрак коридора. Два стражника дружно сопели под пение дождевых капель. Они всегда под утро дремали. Подобная небрежность раньше не раздражала, ведь мой личный телохранитель спал рядом с моими покоями. Теперь же это могло стоить мне жизни...

В комнате Грэма все пока осталось без изменений. Убеждена, император скоро найдет другого сатурийца беречь тело любимой «дочери». И новый телохранитель займет место погибшего при исполнении.

Тайник, до смешного ненадежный, находился под кроватью. Под мысленные шуточки Грэма я, прихватив камень-светляк, ползала по пыльному полу и искала нужную мраморную плитку. Не знаю, как ее открывал Грэм, а мне пришлось приложить толику силы, чтобы поднять тяжеленную штуковину.

«Стой! Сначала опусти вниз какой-либо предмет».

«Какой? Раньше предупреждать надо. У меня ничего нет!»

«Развяжи пояс и медленно опусти в тайник. Сделала? А теперь достань его и повтори снова».

Маленькие металлические стрелки пробили ткань и в первый и во второй раз. Вот тебе и ненадежный!

«Стрелы отравлены? И яд наверняка быстрого действия?»

«А ты как думаешь?»

О ядах думать не хотелось – и я занялась инспекцией чужого схрона. Почти все место занимал арсенал Грэма: два коротких меча, арбалет с колчаном стрел, парочка гаррот, коллекция ножей – метательных и для ближнего боя. Здесь нашелся и широкий кожаный пояс, который телохранитель надевал, когда мы покидали дворец. Я знала, что в нем он хранил сюрикэны – метательные лезвия.

«М-да, ты правда в моей голове. Теперь научишь меня бросать свои звездочки?»

«Не трогай чужое! Кому сказал, убери руки! И вообще, сколько раз повторять, не звездочки, а сюрикэны. Звездочки на небе, поняла?»

Грэм сердился совсем как раньше. Как говорится, бешеного ламчерииона не перевоспитает и наездник.

– Что вы делаете, принцесса? – Хриплый голос заставил вздрогнуть, и я, дернувшись, больно стукнулась головой о днище кровати.

«Вылезай скорее, пока тебя не вытащили за ноги, – ехидно посоветовал Грэм. – Уверен, потерявший терпение Эвгуст и не на такое способен».

Чувствуя себя идиоткой, пятась, выползла из-под кровати. Отряхнулась от пыли и виновато произнесла, не глядя на фигуру в темном балахоне:

– Я шпильку потеряла.

– Понятно, что вы не ради развлечения забрались под кровать, – вкрадчиво произнес проклятый маг. – Что вы делаете здесь? Вам полагается быть в своей постельке и видеть радужные сны.

Странно, что Эвгуст сейчас разговаривает со мной официально, тогда как несколько часов назад «тыкал». За нами кто-то следит?

«Не думай о глупостях, лучше сосредоточься! Скажи, что испытываешь чувство вины за мою смерть. Пришла поплакать...»

«Помолчи, пожалуйста! Я сама знаю, что говорить!»

– Мне не спалось, я думала о телохранителе, пожертвовавшем ради меня жизнью. Не могу поверить, что его нет. Вот пришла убедиться.

– Хорошо, ответ принимается, принцесса. В последний раз вы покидаете свои покои без сопровождения. Если подобное повторится, ждите наказания. Вам ясно?

– Да. Следующего раза не будет.

Маг развернулся к выходу.

– Идемте, я проведу вас. И заодно поговорю с охраной.

«Колдун такой заботливый... поздравляю! Тебя уже провожают, так и до полноценного ухода недалеко».

«Как ты мне надоел, Грэм! Я устала от твоего ехидства. Он заботлив, пока во мне нуждается».

«Не скромничай, Эва, никто не может устоять перед хэмеллом. Только, думаю, стоит взглянуть на него без маски. Под ней или урод, или красавец, избегающий толпы поклонниц. А вдруг тебе повезет?»

«Ага, сию минуту попрошу его снять маску. И он это сделает с превеликой радостью».

«Попроси, тебе трудно отказать».

Я вошла в свои покои, а проклятый колдун остановился рядом с дремлющими стражами. Не успела я зайти в опочивальню, как дверь открылась, пропуская Эвгуста.

– У вас были посетители во внеурочное время?

– Нет, – я решила не выдавать фрейлину, – а почему вы спрашиваете?

– Ругать стражников не за что – кто-то навел на них сон, невзирая на амулеты, которыми они обвешаны. – Мне показалось или в голосе черномага и вправду слышалось беспокойство? – Как думаете, принцесса, кому выгодно и по силам такое?

– Не знаю, мечтающих о моей смерти так много, что легко ошибиться.

– Почему-то мне кажется, что вы лжете, принцесса, – прошипел маг и подошел ко мне на расстояние вытянутой руки. – Хорошо, я разберусь сам, и, если вы обманули, мы вернемся к разговору.

Уже стоя у двери, Эвгуст задал неожиданный вопрос:

– Что такого вы сделали императору, что он вас невлюбил?

– Я бы сама хотела знать причину, думаю, он просто ненавидит хэмеллов.

Страх спасовал перед настойчивым любопытством. Ведь не прибудут меня за маленький вопросик?

– Эвгуст, почему вы носите маску?

Ренегат глухо рассмеялся. Мне показалось, что он ждал подобного вопроса.

– Пустой интерес – слабость, принцесса, и она достойна сожаления.

Черномаг неторопливо снял маску.

Даже в полумраке я разглядела все. И, не сдержав крик, отскочила от колдуна.

Эвгуст засмеялся и, прикрыв лицо, оставил меня в одиночестве.

Глава 6

Когда боги были молоды

*Северная империя, Семиград,
27-й день пришествия Эвгуста Проклятого*

На рассвете я проснулась, разбуженная «соседом». Грэм, встававший с первыми лучами солнца, чтобы поупражняться с мечом или арбалетом, распространил свою привычку и на меня. Хотя мне ближе ночные посиделки с фрейлинами и балы, длившиеся далеко за полночь.

«Привыкай, теперь так будет каждый новый день», – пообещал добрый телохранитель.

«Если это самая большая цена за «счастье» привечать тебя в своей голове, то я согласна».

Мысленно пререкаясь, мы пришли к выводу, что желаем чаю. Я еще хотела и в туалетную комнату, но не знала, как сказать об этом Грэму. Стеснение стеснением, а природные потребности оставались. И если нам суждено некоторое время пробыть вместе, с этим что-то придется решать. И поскорее!

«Перестань выдумывать проблемы, Эва. Мы теперь свои, ближе просто нет. Да и скромность тебе не идет. К тому же очнулся я раньше тебя и успел ознакомиться с новым телом. Так необычно – ощущать женское тело и снаружи и изнутри...»

Подзадоривание чистой воды! Понимая, что меня провоцируют, все равно не укротила вспышку праведного гнева.

«Как ты смеешь издеваться?! Так нечестно! Или хочешь, чтобы я возненавидела тебя еще больше?»

«Поверь, я и не думал глумиться. Прими сложившуюся ситуацию: у нас одно тело на двоих, соответствующие физиологические потребности тоже. Так отбрось ложную стыдливость. И делай то, что требуется».

Здравые рассуждения. Особенно когда на стороне разума естественные надобности. Пока я занималась утренней гигиеной, Грэм не подавал признаков своего присутствия. Интересно, пока мы вместе, я смогу сделать хоть что-то втайне от него? Что-то подсказывает мне, что нет. И это печально...

Завернувшись до пят в пушистое полотенце, я перешла в зал с выходом на балкон. Кругом бело-синяя гамма с вкраплением серебристого, четкие линии – убранство комнаты я продумала сама вплоть до мелочей. Получилось строго и в то же время женственно. Низкие синие диваны и кресла пустовали. А на стеклянном столе, за которым иногда обедала с фрейлинами, лежала груда подарков в закрытых коробках, ларцах, шкатулках и завязанных мешочках. Все это принадлежало принцессе, и я не мучилась любопытством. Только пробежалась по ним взглядом, ища что-нибудь, чем можно полакомиться с чаем. Нет, я не опасалась, что в иноземных лакомствах окажется яд – подношения проверяли дворцовые маги под руководством Тристана.

Мой взгляд наткнулся на небесно-голубой пакет с печатью школы ордена Воды. К перевязывавшей его ленте была приколоты записка: «Ваше высочество, именно об этой книге мы говорили с Вами в башне Тристана. Магически созданная копия ответит на все Ваши вопросы. Меня радует, что молодое поколение магов продолжает изучать старые языки и стремится раскрыть тайны прошлого. Да пребудут с Вами боги! С чистосердечными пожеланиями счастливого и долгого правления, Сиелла Иллиан».

С племянницей учителя мы встречались один раз, разговор занял не больше получаса, а она помнит мой интерес. Приятно, демонски приятно!.. Да вот вопрос: прислала бы она копию заинтересовавшей меня книги, зная, что я не принцесса, а всего лишь ее двойник?

«Эва, ты можешь хотя бы на время оставить уничижительные мысли? Лучше открой подарок, мне тоже любопытно».

«Ты помнишь наш разговор с Сиеллой? – поразила я. Грэм, как и полагается телохранителю, находился рядом, но нисколько не показал, что наш спор с магессой его увлек. – И что ты думаешь? Кто прав?»

«Слышала выражение – «истина где-то рядом»? По-своему, и ты, утверждающая, что боги покарали не тех, и Сиелла, отстаивающая честь предтеч, правы. Мы не знаем, что произошло на самом деле между богами и первыми магами. Поэтому давай почитаем».

Развязав пакет, я углубилась в чтение предания о сотворении Межграничья.

«И создал Зиждитель миры. И устав от деяний сиих, удалился на покой, оставив приглядывать за мирами детей своих. И было сие велемудро.

Восемь богов правили справедливо, разделив власть над расами, созданными Отцом. Бог Жизни творил новое, храня настоящее. Пророчествами ведала, вглядываясь в будущее, богиня Судьбы. Ее сестра, богиня Любви, наделяла пылающим сердцем и соединяла равных. Бог Войны стирал неуютное, расчищая путь новому. Бог Смерти принимал ушедшее, защищая прошлое. Бог Мрака искушал разыскивающих истину и утешал оступившихся. Богиня Искусства открывала миру прекрасное, приумножая радость. Богиня Стихий одаряла силой отмеченных искрой Зиждителя. И было сие разумно.

Когда боги были молоды, ходили они среди людей, вольнодумных и любопытных. И видели боги у младших братьев тягу к знаниям. И наградили их познаниями и силой. И стали маги помощниками и жрецами богов. И было сие праведно.

Сыпался песок в часах Вечности. Маги человеческие превознеслись в могуществе и непокорности своей. Усомнились они в силе покровителей и в поисках нового могущества отважились на запретную магию. И было деяние сие опрометчивым и пагубным.

И вызвали сыны неразумные из небытия первозданную силу, не злую и не добрую, припанную Зиждителем. И начался хаос в мирах: звезды упали с небес, земля извергла темное пламя, а вода встала стеной бесконечной и покрыла сушу. И гибли звери, птицы и гады. И поднялся плач горький, и не справились маги со стихиями и возроптали на богов. И обесчестили себя неблагодарные речами дерзкими.

Смиловившись боги над несмышленими и перенесли праведных в мир иной, сысканный богом Жизни и богиней Судьбы. Ведать не ведали дети Зиждителя, что мир тот не любит нежданных гостей. И создали боги Стену против тварей Тьмы и хаоса, Грань между миром большим и миром малым. И было сие прозорливо.

Шли столетия. Жители благословенного края, окруженного Гранью, размножились, и начались раздоры за территорию. Узрев гнев и ненависть между братьями, боги поспешили дать им новую землю – и оттеснили Грань на север, юг, восток и запад. Но все имеет цену свою – истинные чада мира большого проникли сквозь истончившуюся Грань и пролили реки крови захватчиков. И скорбь безутешная охватила всю землю.

И решили боги дать людям возможность исправить свои ошибки. Новых учеников взяли себе и дали им силу, знания и закон. Антар и Микаэль, светлые душой брат и сестра, прониклись словом и верой служили наставникам. Третий ученик, Эвгуст Кудрявый, прислушался к нашептываниям Мрака и затаил в сердце своем зерно темных желаний. И было сие началом времен смутных.

Антар и Микаэль ходили среди людей и нелюдей, передавая мудрость бессмертных наставников. Эвгуст искал недовольных и учил своеволию. Мрак укрывал темные мысли его от других богов. И стало сие предательством истины.

И пробудил Эвгуст гнев против богов, и затмили речи его истины свет в сердцах Антара и Микаэль. Заручились маги поддержкой трех народов: хэмеллов, ламчерионов и демонов. И началась война. Погиб Мрак, а первые маги стали перед выбором – признать неправоту свою или разделить участь их искушителя. Мудрая Микаэль послушалась богиню Судьбы, раскаялась

и достучалась до сердца брата своего. Эвгуст же, преисполнившись гордыней, отверг предложенный мир. И боги прокляли его, наказав тьмой забвения на сотни лет.

Шли годы. Множились миряне Межграничья. Антар по воле богов основал ордены стихий и магические школы, сестра его с благословения богов правила Севером. Новые маги поили силой своей четверо Врат великой Стены. Каждые двести лет по желанию богов Грань продвигалась вперед, во владения Тьмы, захватывая новые земли для людей. Жители Межграничья рождались и умирали, чтили божьи законы и возносили хвалу. И пожинали в награду изобилие и благодать.

Перед смертью своей императрица Микаэль изрекла пророчество: вернется проклятый маг и, пролив кровь предтеч, пробудит Мрак ото сна и разрушит мир, защищенный Гранью. И наступит погибель сущего».

– Ну и что здесь странного? – разочаровавшись в легенде, спросила я вслух. – Ни единой новой строчки! Классическое сказание, которое малыши в Северной заучивают наизусть!

«И ты заучивала?»

«Нет, – смутилась я. – Зачем? Падчерицы Судьбы зубрят законы богини своей... тьфу ты, привязался высокопарный слог!»

«А вот я легенду на всеобщем знаю на память. Порадую тебя – отличия есть. Например, Мрак называется богом всего один раз, с момента искушения Эвгуста его титул опускается».

«Ошибка летописца? Или намеренно подчеркнутое презрительное отношение?»

«Вряд ли. Боги выше мелкой мести. К тому же в этой легенде Эвгуста называют Кудрявым».

«Прозвище? Название рода? Как считаешь, Грэм?»

«Думаю, это кличка. На самом деле под капюшоном голова Эвгуста такая же волосатая, как птичье яйцо».

Я фыркнула: «Очень смешно!»

«Кстати, а что ты жаждала найти в легенде о сотворении?»

«Сведения о хэмеллах. Ладно, давай пить чай, дочитаем позже».

Одна из стен комнаты полностью стеклянная и позволяла видеть, что солнце поднялось из-за горизонта почти наполовину.

Опустив амулет в стеклянный кувшин, я проверила воду на наличие яда. Затем с помощью магии вскипятила ее в глиняном чайнике и засыпала пригоршню трав. Аромат лета наполнил комнату. С чашкой в руках я вышла на балкон и уселась в одно из трех стоявших там плетеных кресел. Сад, раскинувшийся внизу, завораживал своим величием. Здесь самые старые фруктовые деревья во всей империи. Во время занятий Тристан рассказал, что первая императрица приказала разбить сад на облюбованном участке земли еще до начала строительства дворца. Конечно, сад Микаэль давно сменился новым, о котором ее потомки неукоснительно заботились.

В детстве я мечтала объездить все Межграничье: погостить в Сатуре, Мектубе и других полисах. Еще грезила о городах магов – Акве, Терре, Игнисе и Аэре. Повзрослев, поняла, что для счастья требуется ничтожно мало: покой, безопасность, какие-нибудь красоты природы и чашка чая. А вот со вчерашнего дня к этому списку добавилось и отсутствие постороннего голоса в голове.

«Не обольщайся – я все еще с тобой. Просто пытаюсь быть вежливым гостем и не нервировать свою хозяйку».

«Вежливый гость гостит недолго. А ты – наглый захватчик, но твоя учтивость принимается к сведению».

«Надеюсь, я все-таки гость. Чем раньше мы узнаем, как разъединиться, тем лучше для нас обоих».

«Тристан найдет способ – он сильный стихийник. Но прошло уже много времени, твое тело в некрополе. Мне жаль, Грэм, ты не сможешь в него вернуться».

«Я знаю. Если Тристан не придумает ничего другого, я умру».

Наш диалог прервался на этой трагической ноте. По садовой тропинке шли двое. Их фигуры то скрывались за деревьями и подстриженными кустами, то мелькали вновь. Мое зрение многоликой гораздо острее человеческого. И я узнала в ранних пташках принцессу Отэмис и посла Аг-Грассы, Мальто Доминни.

Жена кузена сердито говорила что-то, подкрепляя слова бурной жестикуляцией. Герцог сдержанно отвечал, стараясь придержать ее за руку. Не люблю наблюдать за чужими разборками. Я бы ушла с балкона, но принцесса – та самая шпионка, приставленная ко мне храмом Судьбы. Хочешь или нет, а знать, что происходит с твоей коллегой, приходится.

Отэмис гневно отбросила руку Доминни и ускорила шаг. Посол догнал ее, преградил путь. Эх, я многое бы отдала за возможность услышать, о чем идет речь.

«Хочешь, озвучу язык их жестов? Она говорит: уходи, я больше тебя не люблю! А он ей: не разбивай мое сердце, жестокая красавица!»

«Я и вправду подумала, что ты умеешь читать по губам. Какое разочарование!»

«Мне совсем не любопытно, о чем может говорить парочка поссорившихся людей. Но ради тебя, так и быть, нарушу приватность разговора. Отэмис говорит, что она больше не играет в его игры. Что ей все равно, что и как он расскажет принцу. Мальто требует от нее выполнить свою часть сделки, иначе тайна ее прошлого выплывет наружу и Артур сможет разорвать узы брака. Теперь они стали к нам боком, не пойму о чем они. Подожди, вот опять могу видеть Мальто. Он напоминает о том, что было между ними...»

«Не знала, что они знакомы. Всегда держались так холодно на приемах. Я так понимаю: герцог знает, что Отэмис – жрица Судьбы. И пытается ее этим шантажировать».

«Судя по разговору, они были близки... очень, очень тесно».

«Хочешь сказать, они любовники? Не думаю, Грэм. Все детство и юность Отэмис прошли перед моими глазами. Такая же падчерица Судьбы, она не намного старше, года на три, и в храме мы сталкивались ежедневно. И она сразу переехала за мной в Семиград, чтобы шпионить для настоятельницы. У нее просто не было времени, чтобы стать любовницей Доминни».

«Что-то мне подсказывает, ты приложила руку к ее замужеству с принцем».

«И ты не ошибаешься. Если бы ты знал, Грэм, как тяжела участь жрицы Судьбы. Помогая Отэмис устроить личную жизнь, я сделала ее своей должницей. После окончания нашего общего задания она останется женой принца – храму это выгодней, нежели отзывать ее для новых поручений. А ведь Отэмис искренне любит принца, и его ужасный характер ей не в тягость».

«Устроив судьбу коллеги, ты приобрела своего человека в окружении Артура. Умно».

«Видишь? А ты постоянно сомневался в моих умственных способностях».

«Ну-ну, Эва, не дуй обиженно губы, тебе не идет».

Я фыркнула и вернулась к наблюдению за Доминни и жрицей.

Посол и принцесса вновь показались на открытой местности. Но теперь к ним присоединился третий.

Если я ничего не перепутала, его звали Фирон. Худошавый, невысокий парень со светлой кожей, серыми льдистыми глазами и коротко остриженными светлыми волосами. Бывший охотник за нежитью, сейчас при дворе принца он исполнял роль тайного палача. С ним, слава богам, мы виделись лишь издали.

«Блеклый требует оставить принцессу в покое и приглашает Доминни на встречу с Артуром».

«Как ты назвал Фирона?»

«Разве этот выскочка не блеклый?»

«Ну, честно признаюсь, он напоминает мне сатурийца, малость выгоревшего на солнце».

«Оскорбительное сравнение! – Волна праведного негодования затопила меня изнутри. – Ни один человеческий охотник за нежитью не сравнится по силе и реакциям с сатурийцем».

«Ладно, прости, неудачная шутка!» – Лучше извиниться сразу, а то он долго не успокоится.

«А я ведь все слышу, Эва! Но так и быть, прощаю. Знаешь, милая, раз меня нет с тобой рядом, постарайся не подпускать подобных маньяков к себе за спину».

«Странно, что Артур не поручал ему устранить меня».

«Блеклый не специалист в «тихих» убийствах. Тем более если жертву охраняет сатуриец».

Я хотела подколоть возгордившегося Грэма за самодовольство – и не успела.

Чашка выпала из ослабевших пальцев. Золотые в солнечных лучах брызги полетели на пол. Дрожа и покрываясь испариной, я тщетно пыталась закричать. Боль, идущая из живота, обволакивала тело. Ловя воздух ртом, попыталась, пошатываясь, выбраться из своих покоев. Я шла как во сне. Каждый шаг отдавался болью. Еще чуть-чуть, и смогу выйти... Еще один шаг... и еще один...

Поздно. Яд добрался до мышц – и тело свело судорогой. Я упала на белоснежный ковер. Боль заставляла неуправляемо корчиться, сбивая стулья. Предметы расплывались перед глазами, теряя четкость очертаний. Боль заглушала крики Грэма в моей голове. Вот и все. Мы умрем вместе, умереть в одиночестве страшней...

Оглушшая и ослепшая, я все же почувствовала, как кто-то поднимает меня с пола. Давление на живот. Горячая волна омывает тело от пальцев ног до макушки. Кто-то держит меня за талию и продолжает нажимать на живот. В глазах немного проясняется, чувство нереальности постепенно уходит.

– Теки назад! Возвращайся! – приказывал хриплый голос. – Теки!

Горячая жидкость хлынула изо рта и ноздрей.

– Теки! Теки!..

Резкое просветление перед глазами позволило увидеть бурую жидкость, мешанину чая и отравленной крови, пролившуюся на белый ковер. Колдун продолжал держать меня на весу. Близость ренегата вызвала отвращение, как к заразному больному, подцепившему нехороший недуг в квартале развлечений. Даже умирая, я не могла не вспоминать его лицо – красные струпья, нарывы, лохмотья облезавшей кожи... Предвечная, какое страшное лицо! Если бы я успела позавтракать, к чаю присоединилось бы кое-что еще.

– Хватит, остановись. – Шелестящий шепот и горячее дыхание у моей щеки – и кровь остановилась.

Черномаг опустил меня на пол и спокойно произнес:

– Ты выпила яд, поражающий органы чувств и ведущий к параличу. Кто-то тебя сильно не любит, принцесса, раз выбрал такую мучительную смерть. Ты дважды моя должница. Любопытно, чем расплатишься со мной?

Я не могла говорить – прокушенный язык онемел и, кажется, распух, едва помещаясь во рту. Слабость разлилась по телу, сковав и заставив сосредоточиться на дыхании.

– Тебе повезло, что в моих планах тебе уготована далеко не последняя роль, самозванка. Будь все иначе, я бы с удовольствием посмотрел, как ты умираешь от редчайшего яда.

Я не могла ответить. Тысяча проклятий вертелась на языке. Мне хотелось вцепиться в маску, сдернуть ее и расцарапать уродливое лицо. Но я не сумела издать ни единого звука, не могла пошевелиться. Мне оставалось слушать и терпеть его прикосновения.

– Пока ты мне нужна, я буду беречь тебя как зеницу ока. – Черномаг усмехнулся и засунул руку под полотенце. – И чтобы быть в курсе всего происходящего, мне придется тебя пометить.

Он по-хозяйски подвернул полотенце до коленок. Легонько ушипнув за голень, цепко схватился рукой за щиколотку левой ноги.

– Попытаешься стереть метку – будешь наказана. Будет больно и сейчас, – честно предупредил он и усилил давление. Точно огненное кольцо обернулось вокруг моей лодыжки.

Наверное, я потеряла сознание, а когда открыла глаза, Эвгуст исчез. Я лежала на грязном ковре, не имея сил пошевелиться. Ренегат спас жизнь, но поставил магическое клеймо, точно агграссец на своей рабыне. Ублюдок.

«Он спас нас обоих. Забудь об унижении».

«Раньше я и не думала его ненавидеть. Я даже его не боялась. Но вот после такого появился повод».

«Не думай о мести. Ты ведь не сможешь его убить. Ты – маг, не забыла? За спасение жизни стихийник расплачивается со своим собратом тем же. Ты должница Эвгуста, пока дважды не спасешь ему жизнь или не окажешь желанную услугу».

Я понимала это и без подсказок мертвого телохранителя. И от этого было паршиво на душе. Как спасти жизнь могущественному отступнику, с которым могут справиться только боги? Остается оказать услугу – и помочь найти принцессу Мариэллу. Но отправить невинную девушку на мучительную смерть я вряд ли смогу. Ненавидя императора Константина, я не имела счетов с его дочерью. Замкнутый круг...

Один вопрос не давал мне покоя: как Эвгуст оказался в нужном месте в нужное время? Я ведь не сумела позвать на помощь! Сейчас-то он меня чувствует, а как раньше смог узнать об угрожавшей мне опасности?! Интересный вопрос без ответа.

Приподнявшись, я взглянула на клеймо. Почти красиво. Серый мотылек, сидящий на ветке какого-то колючего растения. Плавные четкие линии без единой лишней завитушки. Магическая татуировка слегка искрилась от силы. Как унижительно быть стихийницей, которую отметил черный колдун! Единственная радость – метка скрыта от чужих глаз.

Я едва доползла до купальни и находилась в воде, пока не сморщилась кожа. Кровь, чужая или своя, меня пугала, хотелось быстрее ее смыть. Нагота в компании Грэма больше не смущала. Когда стоишь в шаге от смерти и не можешь ответить на оскорбление, стыд куда-то улетучивается. Во время покушения он был со мной единым целым.

«Тьму и Свет пополам поделим ныне, кровь и плоть теперь едины, а Любовь главнее Силы», – Грэм иронично произнес слова брачной клятвы.

«Не смешно, Грэм, с серьезными клятвами не шутят. Лучше вернемся к тому моменту, на котором нас прервали. Когда Тристан нас рассоединит, ты погибнешь и...»

«Похоже, ты испытываешь вину, Эва? Не стоит. Если телохранитель не может предотвратить смерть подопечного, он закрывает его собой. Таков кодекс телохранителя. Не готов умереть за другого человека, выбери другое призвание».

«Разве сатурийцы имеют право выбора? Я думала, это зависит от ваших врожденных способностей: воин, стратег, телохранитель. Вам с детства внушают, что ваша судьба predetermined. Разве не так?»

«Хм, а ты достаточно просвещена. Я мог стать наемным убийцей. Но мне больше нравится спасать жизнь, нежели ее отнимать».

«Ты ведь говорил, что сатуриец совершает те поступки, о которых в дальнейшем не пожалеет? Иначе скатится на ступень ниже в духовном перерождении».

«Эва, я говорю о священных убийствах. Об устранении злодеев, моральных чудовищ. Но ты права, нечистая совесть – шаг назад в цепочке перерождений. Я знаю, что, закрыв тебя собой, не уронил честь в глазах моего бога. Поэтому в следующем воплощении я поднимусь на ступень выше».

«Наверное, мне не понять. Я знаю, что мне, магессе и хэмеллу, отмерено Судьбой немало, если, конечно, меня не убьют раньше. Ну а что после смерти? Не знаю, я не заглядываю так далеко».

«Разные народы – разные взгляды на смерть. Мне твоя позиция тоже кажется странной. Правда, и живут ведь сатурийцы чуть больше, чем люди, но в два-три раза меньше магов».

Нашу философскую болтовню прервал истерический визг. Ой! Кажется, мои фрейлины пришли меня будить и обнаружили кровь. Завернувшись в чистое полотенце, я поскорее выбралась из купальни. Кира, Лилиана и Далия были испуганы насмерть – лица девушек говорили красноречивее слов. Убедившись, что я цела, придворные дамы поохали, а затем принялись исполнять свои обязанности.

Выслушав мой рассказ о попытке отравления заварочной травой – то, что меня спас Эвгуст, я утаила, – Далия пыталась настоять на визите к Тристану. Она не могла поверить, что со мной действительно все в порядке.

«Скажи Лилиане, что больше не нуждаешься в ее услугах и поэтому отправляешь ее домой».

«Зачем, Грэм? Мы искалечим ей судьбу – девочка умрет от отчаяния, если с позором вернется к родителям».

«Вспомни, что ее все равно собирались лишиться статуса фрейлины и отправить в своеобразную ссылку. Позора не будет, просто сообщи, что она тебе больше не нужна. Ты не можешь рисковать. Сначала корзина с отравленными цветами, потом нападение ночью с ножом. А теперь вот отравленный чай. Прямых доказательств нет, но она точно замешана во всем этом».

Грустно, что Грэм прав. Но другого выхода я не вижу. Береженому и боги спину прикрывают.

– Лилиана, я хочу, чтобы ты вернулась к родным.

Фрейлина, мастерившая на моей голове замысловатую прическу, уронила костяной гребень и, заикаясь, переспросила:

– Простите, принцесса, что вы сказали?

– Я не нуждаюсь больше в третьей фрейлине. Ты свободна от своей должности.

Это была моя лучшая игра в драме под названием «надменная принцесса Мариэлла». С таким талантом можно проситься в труппу к бродячим артистам – возьмут обязательно. Подобный холод никогда не звучал в моем голосе раньше. Видимо, лицо тоже было по-королевски высокомерным.

Остальные фрейлины молчали. Побледнев, девушка стиснула губы в тоненькую ниточку, подняла с пола гребень и передала Кире.

– Вы еще пожалеете, принцесса, что прогнали меня, – произнесла она от двери.

– Угрожаешь? – Я надменно подняла бровь.

– Нет, просто я лучше всех делала вам прически.

Мой утренний туалет завершился в гробовом молчании. Далия распорядилась заменить испорченный ковер, а чуть позже слуги принесли завтрак. Мой аппетит ничто не испортит. Даже кислые физиономии фрейлин. Мм, как же я люблю рыбу! Сегодня из нее два блюда: легкий суп и рулет с ароматными травами. Еще шеф-повар приготовил обожаемые мною пироги с зеленью и печенью, воздушные пирожные с миндалем и фрукты в меду. Он меня баловал вот уже второй день, как я очнулась после нападения демона. Сознаюсь, у нас с ним был маленький секрет: порой я делала набегу на кухню в ночное время. И ему безумно нравилось мое чревоугодие! Он неустанно повторял, что настоящим женщинам свойственны отличный аппетит и гурманские наклонности.

«Вот, значит, в чем дело. Помнишь, я как-то зашел под утро проверить, как ты? И чуть с ума не сошел, когда обнаружил пустую постель. Хорошо, что ты появилась до того, как я поднял на ноги стражу. Почему ты не сказала, что была на кухне?»

«Но ты ведь меня и не спрашивал. Ты был убежден, что я встречалась с каким-то придур... придворным».

«А что мне оставалось думать? Ты была довольна, как кошка, обожравшаяся мясом».

«Вот именно! Наевшаяся, а не нагулявшаяся!»

«Иногда это выглядит одинаково».

«Вот какого ты обо мне мнения. Обидно».

– Ваше высочество, – испуганно позвала Кира, – мы не можем выйти из ваших апартаментов.

Далия хмурила брови, надеясь за раздражением спрятать растерянность и страх.

– Как не можете?

– Вам лучше увидеть собственными глазами.

Со вздохом разочарования отложив пирожное, я встала из-за стола и стремительно направилась к выходу из покоев. Фрейлины семенили рядом. Дверь открылась свободно. Что им помешало выйти? Ого! Вот это неожиданность! Похоже, Эвгуст всерьез обеспокоился моей безопасностью. Вместо привычных стражников дверь охраняла парочка горгоров. Твари выжидающе смотрели на нас и лениво зевали, демонстрируя клыкастые пасти.

Девушки уже рассказывали, что дворец наводнен этими монстрами. Они охраняли территорию по периметру, свободно гуляли по саду, неожиданно выскакивали из ниш в стене. Кормили птицеящеров на заднем дворе отборным мясом – повар ругался, видя, как горгоры пожирают по пять – семь свиных туш за один присест. И они – безусловно, горгоры, а не туши, – стерегут комнаты черного колдуна и его «капюшоноголовых» слуг. Слово «капюшоноголовый», кстати, придумала предательница Лилиана. Кроме того, горгоры сопровождали Эвгуста повсюду, как обычные сторожевые собаки. Такой властью над крылатыми тварями, если верить летописям, обладала лишь Микаэль. Первая императрица запрягала их в свою колесницу и носилась смерчем по всему Межграницью, навещая венценосных соседей.

Горгор, находящийся слева, прищурил змеиные глаза и придвинулся ближе.

«Не шевелись. Иначе он бросится». – Предупреждение Грэма излишне.

Я и так не могла сдвинуться с места от страха. Не думаю, что Эвгуст спас меня лишь затем, чтобы скормить своим «собачкам». И все же...

Горгор замер в шаге от меня. Затем лег на брюхо и прополз оставшееся расстояние. Его голова, утыканная шипами, оказалась прямо под рукой. Птицеящер сделал неуклюжее движение, точно ластившийся кот. Машинально я погладила по сухой, грубой шкуре. Горгор вздрогнул и утробно заурчал. Ему нравились мои прикосновения! О боги Семиграда! Что за шуточки?!

Второй жуткий страж приблизился справа и потребовал свою долю ласки. Я гладила страшилищ и все ждала, когда наступит пробуждение ото сна.

«Ты еще пахнешь Эвгустом. Они считают, что ты принадлежишь их хозяину, как его продолжение или вещь. Когда запах выветрится окончательно, они снова воспримут тебя как закуску».

«Спасибо, Грэм, ты знаешь, как сделать приятно девушке. Как мне быть? Я ведь не могу гладить их вечно?»

«Оттолкни. Не бойся – не укусят. Они тебя обожают, пока обоняют на коже запах Эвгуста».

Горгоры недовольно зафыркали, когда руки вместо ласки стали раздавать тумаки. Но откусывать их не собирались. Пока не собирались.

Захлопнув дверь, я сползла по стене на пол. Фрейлины упали рядом и облегченно засмеялись.

– Великолепно, принцесса! Спустия столько поколений вам передался талант императрицы Микаэль приручать монстров. – Кира уважительно склонила голову. – Вы сумели подчинить их, сумеете ими и управлять. Эвгуст отныне не единственный их повелитель!

Фрейлины, оттаяв, шутили по поводу остальных моих нераскрытых способностей. Они не понимали, почему я прогнала Лилиану, но смирились с принятым решением. И поспособствовали этому горгоры. Жаль, что моя власть над ними скоро закончится.

Мы вернулись к прерванному завтраку. И его продолжение существенно отличалось от начала! Поспешно глотая горячий чай и перебивая друг друга, фрейлины рассказывали о последних новостях и сплетнях. Пока я валялась без сознания, черномаг подавил восстание в южных провинциях: главарей казнили, а рядовых членов отправили в каменоломни. Наместника одной из провинций, ставившего опыты над людьми, он отправил на хианитовые рудники, а его сына сделал новым правителем. Охотники получили от Эвгуста новые поисковики. Теперь с помощью более мощных амулетов они могли выследить любую мелкую нечисть, даже неуловимых сердцеедок. А еще каждое утро Эвгуст целый час выслушивал жалобы и просьбы старшин городских цехов. И – о чудо! – не отказывался от дельных предложений советников и не дерзил послам, как это позволял себе император.

И придворные одобрительно зашептались, что Эвгуст – полная противоположность Константина, которого стали называть вторым регентом, правда, пока за глаза. Власть убегала сквозь пальцы моего «папочки». Уверена, он желал бы прикончить Эвгуста и вернуть свои позиции.

Кира, понизив голос, поведала, что император, смилив гордыню, тайно обратился за помощью к Дюжине. Но маги не ответили. Тогда Константин отправил ноты протеста каждому правителю Межграницья, призывая отказаться от клятв, данных послами. Но никто не выполнил его требования, единодушно подтвердив правомерность действий ренегата. И немудрено – заложники, дети венценосцев, все еще оставались в руках Эвгуста.

«И теперь открытое уничтожение Эвгуста обернется для империи войной со всеми державами Межграницья». – Грэм не мог не поделиться своими выводами.

«Да. Ведь клятвы чтят все – клятвопреступники долго не живут».

«Единственное исключение – Эвгуст, проклятый маг, нарушивший обещание служить богам и сумевший вернуться через тысячу лет».

– Ваше высочество, у вас посетитель. – Тревога в голосе Далии прервала зарождавшуюся мысленную дискуссию.

Не вставая, я подняла голову и посмотрела на вошедшего. Вот демон! Помяни Эвгуста – и он тут как тут!

– Доброе утро, принцесса. Как себя чувствуете? Как настроение?

– И вам, ваше величество, доброе и светлое. Благодарю за беспокойство, я здорова. – Мне пришлось опустить глаза, в них маг мог увидеть ненависть к себе.

– Не награждайте меня титулами, которыми я не владею и на которые не посягаю. Верите или нет, принцесса, но разделенное с императором регентство – не способ захватить трон, а лишь средство установить справедливость. – Помолчав мгновение, он продолжил в приподнятом тоне: – Впрочем, я пришел не для разговоров о политике, которая скучна юной девушке. Я пришел пригласить прекрасную принцессу на прогулку по Семиграду. Покажете мне чудеса столицы и заодно познакомитесь с Дрейком, своим женихом.

– Герцог Риз уже здесь? – Я недоверчиво посмотрела в прорези для глаз на маске Эвгуста.

Отступник пожал широкими плечами:

– Чего ждать, принцесса? Через несколько дней ежегодный смотр имперских войск, если вы не забыли. В год совершеннолетия будущей императрицы военный парад превращается в грандиозный праздник. Нельзя лишать народ зрелища. В тот день мы, возможно, объявим и о помолвке.

– Но ведь первой коронации не было! До примерки Звездного венца титул мне не принадлежит!

– Коронация состоится чуть раньше, чем помолвка, – спокойно объяснил Эвгуст и, наклонившись ко мне, сочувственно прошептал: – Не переживай, я сделаю так, что корона признает тебя. И никто не догадается, что ты самозванка.

Глава 7

Проводник смерти

*Северная империя, Семиград,
28-й день пришествия Эвгуста Проклятого*

Паланкин двигался медленно, и нас покачивало, точно лодку на спокойных волнах. Не в силах сдержать своего ехидства, я с умилением смотрела на Эвгуста. Маска скрывала выражение его лица, но эмоции, казалось, вытекали сквозь прорези для глаз.

– Что? Полагаешь, мне нужно было его прибить? – насмешливо произнес маг. – Избавление от этого чудика – мечта любого придворного, но я вам не добрая колдунья из детских сказок, чтобы ее исполнять.

– Я отстану от вас, если признаетесь, что боитесь обвинений в излишней жестокости. – Увы, я не могла сдержать свой глупый язык, нарываясь на неприятности.

– Нет, не боюсь. Когда придет час, я залью Межграничье реками крови. – Эвгуст говорил полушутя-полусерьезно, и у меня пошел мороз по спине. – Но не сейчас, слишком рано. Люди меня боятся, но терпят. Когда страх перерастет в ужас, они начнут трепыхаться в тщетной попытке сбросить мое иго. Так всегда бывает с правлением тирана. Когда страх подданных достигает потолка, они идут на смерть, лишь бы избавиться от монарха-монстра.

«Неплохая лекция по основам интриганства. Слушай внимательно умного дядю, он научит тебя не только плохому».

«Грэм, помолчи, пожалуйста, ты мешаешь мне сосредоточиться».

«Хорошо, но не вздумай потом просить подсказать тебя невыученный урок».

– Почему вы говорите «они»? Вы не причисляете меня к числу недовольных и запуганных подданных? Но ведь и я в паре шагов от обморока, стоит вам взглянуть на меня грозно?

– Ты со мной кокетничаешь, Эва? Не советую. – В голосе мага прозвучала насмешка. – Хочу, чтобы ты знала: я надеюсь найти в тебе потенциального союзника.

Я хмыкнула:

– Что-то не верю в такие союзы. Когда найдете настоящую принцессу, вы от меня избавитесь. Позвольте узнать, как продвигаются поиски?

– Никак. Будто ее и не существовало. Чего у Константина не отнять, так умения прятать концы в воду.

Я отвернулась к окну. Нас проносили по боковым ответвлениям главной улицы – самому короткому пути до храма Судьбы, нашей первой остановки. Незаметно для себя самой стала нервно теревить кончик широкого кожаного пояса, подобранного в тон к бежевому платью. Ради прогулки я оделась тепло и неброско.

– Мариэлла существует. Я видела ее, когда впервые считывала ауры и внешность. – Признание далось нелегко, девушка, чьим двойником мне доводится быть, мне не безразлична. Но и не настолько дорога, чтобы упускать возможность завоевать благосклонность мага.

– Обнадеживает, но пока настоящей принцессы нет, ты исполняешь ее обязанности. Обещаю, если согласишься помочь мне добровольно, я награжу тебя по окончании нашего сотрудничества. Даю слово.

Ну-ну, слово – именно та гарантия, которая мне нужна. Чтобы я заняла чужое место, нужно больше, чем награда.

«Да? Занятно, а что тебе шесть лет назад предложил император? Ты так и не призналась, сколько ни спрашивал».

«Ох, Грэм, давай без параллельных разговоров? И так голова раскалывается. Будем одни – ответчу на любые твои вопросы».

«Только попробуй потом отказаться!»

– В знак своего расположения даю слово мага, что отпущу сразу, как найдется Мариэлла, – торжественно проговорил ренегат. Обещание тотчас подкрепилось действием – магический знак золотисто зажегся над его головой.

Пораженно уставившись на колдуна, я сглотнула и прошептала:

– Теперь верю, но... мне нужно время. Чтобы разорвать соглашение с императором, требуются веские основания. Вы ведь подождете?

Ренегат молчал. И тишина затянулась.

Тяжелые тканевые стены паланкина позволяли слышать мерные шаги несущих нас слуг и шум оживленной улицы. Горожане и гости столицы спешили по своим делам, озабоченные мелкими личными проблемами. И нет им дела до того, кто ими правит. Лишь бы не было войны, не повышали налоги, лишь бы жизнь протекала спокойно и безопасно. Эгоисты... как я им завидую!

Семиград – самый красивый город Межграничья. Первая императрица Микаэль строила его до самой своей смерти. Но и потом он достраивался, перестраивался много-много раз. Каждая императрица желала внести собственный вклад в архитектуру вечного города. И теперь Семиград оправдывает свое название – город семи. Город, посвященный семи богам-покровителям. Верующий мог выбрать любого бога, пойти в любой из семи храмов или поклониться сразу всем. Полная свобода выбора! Город семи архитектурных стилей. Словно торт, Семиград разделен на семь равных районов-кусков, каждый из которых имеет особенности – неповторимое убранство и достопримечательности. И вот эти красоты потребовал показать Эвгуст. М-да, конечно, лучше осматривать все в одиночестве или в компании друзей, но мне не привыкать к далеко не приятному сопровождению. Тем более по городу я гуляла бесчисленное количество раз.

С нами поравнялся темно-синий паланкин. Из окна высунулась голова Локки. С вечной ухмылкой на раскрашенном лице он, слава богам, иногда говорил нормально, не зарифмовывая фразы. Зря я так подумала – сглазила.

– Кто-то встречи с будущим искал? Знайте, храм Судьбы – через квартал! – Шут захихикал и задернул шторку.

Локки навязался в качестве моего сопровождающего, руководствуясь тем, что принцесса должна общаться с женихом лишь в присутствии двух посторонних людей. Эвгуст, запретивший брату фрейлин, не смог по-тихому избавиться от вцепившегося в его сапоги визжащего шута.

Когда я увидела герцога Риза, я улыбнулась, представив, как худощавый перепуганный подросток пытается меня соблазнить. Ради любопытства я взглянула на его ауры: мальчишка – сильный маг, но неуравновешенный подросток; внешняя аура запятнана пунцовой злостью и тускло-серым унынием.

По настоянию шута приличия были соблюдены: в одном паланкине ехали Локки и герцог, в другом – я и «опекун» жениха.

– Вы дали слово, но я-то – нет. Вдруг сбегу? – вернулась я к разговору.

– Я счел возможным такой вариант и перестраховался. Одна из особенностей твоей татуировки – моя осведомленность о твоём месте нахождения. Я разыщу тебя в любом уголке Межграничья.

– Звучит пугающе, однако я не буду останавливаться надолго в одном месте. Вы устанете гоняться за мной.

– Что ж, попробуй, – предложил безразлично маг. – Но сначала выберись из дворца.

– Кстати, а почему серый мотылек?

– Тысячу лет назад сквозь дыру во Вратах в Межграничье пробралось безобидное насекомое. Безобидное – на первый взгляд. Оно было хуже саранчи. За одну ночь незаметный мотылек мог воссоздать несколько себе подобных особей и совместно уничтожить целое поле посевов, затем они продолжали двигаться дальше. Так и я...

«Быстро размножается?» – хохотнул Грэм в моей голове.

– ...расширяю свою власть незаметно, неотвратно. И так же быстро нахожу новых союзников.

– Это те, которые под капюшонами? Кстати, почему вы в черных плащах? Чтобы позлить Братство? Ведь после войны с агграсскими некромантами этот цвет традиционно выбирают черные колдуны? – Мне было действительно любопытно.

– Мне наплевать, что подумает Дюжина или окружающие. Считай, что черный – самый немаркий цвет, что немаловажно, когда имеешь дело с кровью. – Голос мага прозвучал нарочито зловеще, но мне было уже все равно – меня понесло.

Жажда риска у меня в крови. Какой-то жрец Жизни писал в своем трактате, что играть со смертью любят те, кто не был желанным ребенком. Меня, сироту, брошенную у храма, это оправдывает, не так ли?

– Наверное, тяжело, когда приходится выступать против всего мира?

Мне показалось или маг и вправду напрягся?

– Эва, понимаю, что ты любопытна, как и всякая женщина, но с меня довольно. Хочешь развлечься, пригласи барда. И, если не заметила, мы приехали.

Черномаг рассердился, а я нашла ту черту, за которую переступать нельзя. Однако Эвгуст не повысил на меня голос и подал руку, когда выходила из паланкина. И даже накиннул мне на плечи теплую накидку. Не так уж и плох проклятый колдун. Или это просто потому, что он желает склонить меня на свою сторону?

Храм Судьбы поражал архитектурным стилем. Острые шпили двух башен терялись где-то в облаках, – магическая иллюзия, но величия строения это не умаляло. Оказываясь у его подножия, я каждый раз замирала, не в силах войти в него сразу.

Эвгуст подозвал герцога, соединил наши руки и хрипло произнес:

– Дрейк, мальчик мой, пообщайся со своей невестой. Ей одиноко, как и тебе.

Мальчишка одернул свой темно-синий прогулочный костюм и повернулся лицом ко мне. Боги, сколько злости на этой юной мордашке! Его рука, горячая и крепкая, напряглась, больно сжав мои пальцы. Он быстро пошел к храму, заставляя и меня ускорить шаг. Наверное, комичное зрелище мы собой представляли. Он на полголовы ниже, выглядит шуплым, несформировавшимся, тогда как у меня вполне женственные округлости. Я – синеглазая брюнетка, он – шатен с шоколадными глазами.

Пока поднимались по ступеням, Дрейк держал меня за руку. Но стоило нам войти в холодный полумрак здания, он ее отпустил. Хм, малыш стесняется?

Атмосфера храма, как и всегда, торжественна. Кажется, время здесь не властно, потому что замерло по велению более могучей силы. Тишина вечности нарушается лишь успокаивающими звуками льющейся воды. Тяжелый аромат благовоний, воскуряемый жрецами у алтаря богини, заставляет сдерживать каждый вдох и выдох.

Шестиметровая статуя Судьбы, высеченная из белого мрамора, возвышается над просящими, будто живая: вот-вот она сделает движение, протянет точеные руки... Я видела ее, наверное, тысячи раз. И каждый раз пугающее чувство возникало в душе. Я – букашка перед ликом Предвечной. Я – песчинка на ее пути. Частичка ее грандиозного, непостижимого замысла, в котором моя участь предрешена еще до рождения...

– Ошибаешься, – вкрадчиво прошептал Эвгуст над моим ухом. Я вздрогнула – он подкрался незаметно, напугав до дрожи тем, что словно прочитал мысли. – Она ничего не решает. Жизнь в твоих руках, ты – творец своей доли.

Слова того, кто пошел против воли богов, предав друзей. Любимый ученик богов, поднявший против своих учителей восстание. Тот, кто стал на сторону зла, тот, кто нарушил все клятвы, лишь бы доказать свои убеждения. Но что еще мог он мне сказать, вернувшись из небытия? Что он ошибался? И зря перечеркнул свою судьбу и чужие?!

– Мне, воспитаннице жриц Предвечной, сложно поверить. Уж не обессудьте. – Пожав плечами, я оставила Эвгуста у подножия статуи и подошла к остальным.

Дрейк и Локки стояли у фонтана Истины. Жрецы уверяли, что каждый, кто выпьет из него воды, познает свое предназначение. Врут, я не раз проверяла силу источника, а моя судьба так и осталась во мраке.

Шут подставил деревянный кубок под тонкие струйки, не рискуя зачерпывать из бассейна, на дне которого валялись груды монет. Какой-то паломник-остолоп первым бросил денежку – и теперь это традиция. Жрецы, правда, не жалуются и смиренно чистят фонтанчик каждые три дня...

Локки сделал глоток и передал посудину мне.

– Истина не лежит на поверхности, ее нужно искать на самом дне.

Не выпить значит смертельно обидеть. Вода, холодная, чуть пузырящаяся, отлично утолила жажду. Следуя традиции, я передала кубок, предварительно его наполнив, Дрейку. Мальчишка замешкался, недобро усмехнулся, глядя мне в глаза, но не решился нанести оскорбление. Юный герцог также набрал воды и понес ее магу. Локки о чем-то мне рассказывал, оживленно размахивая руками. А я не могла оторвать глаз от удалявшегося Дрейка, невпопад поддакивая шуту. Я скорее почувствовала, догадалась, чем в действительности увидела, как мой «жених» высыпает из перстня какой-то порошок. Хотя нет, не какой-то – Дрейк бросил в кубок яд. Когда тебя с четырех лет учат основам невидимого убийства, чужие попытки кажутся явными и неуклюжими.

Эвгуст обернулся к Дрейку и принял из его рук отраву. Я оцепенела. Я не понимала, чего хочу больше: закричать, предупредив об опасности, или промолчать, надеясь, что Эвгуст ничего не заметит и выпьет воду Истины.

Но магический долг! Я забыла о нем! И я положила на Судьбу. Мысленное обращение к своей стихии, просьба о помощи – все заняло мгновение.

Колдун, не мешкая, спокойно осушил кубок до дна. Дрейк, не показывая своего волнения, возвращался к фонтану. Но я-то видела его глаза! Глаза, полные надежды, ожидания и ненависти. Юный герцог шел к нам, напряженный, скованный предвкушением глухого стука от падения мертвого тела.

Я тоже ждала, нервно теребя висевший на поясе кошель для подаяний. Миг перерастал в вереницу секунд. Эвгуст все так же, не шевелясь, стоял у статуи Судьбы: голова приподнята, точно он ведет молчаливый разговор с мраморной богиней. И он оставался жив. У меня получилось? Я не могу поверить! Стихия ответила – и дерево кубка впитало яд из воды! Я спасла колдуну жизнь, вернув долг жизни...

Дрейк обернулся и потрясенно вытаращился на мага.

Я взяла его за руку и склонилась, приблизив губы к уху:

– Яд мгновенного действия? Если да, можешь больше не смотреть, он не сработал.

– Ты меня выдашь? – прошептал мальчик, дрожа, как брошенный под холодным дождем щенок.

Мне стало его так жалко, что отказалась от первоначальной идеи попугать незадачливого отравителя.

– Зачем? Я заложница, как и ты. И ненавижу его не меньше твоего. Но надеюсь, что для освобождения мне не придется убивать.

Паренек потрясенно взглянул на меня, а потом признательно сжал руку:

– Прости, я думал о тебе плохо. Я видел, как ты флиртуешь с ним, и думал, что новое положение тебя устраивает. Извини...

Вот это да! Я флиртую с темным магом! Хотелось рассмеяться, и только чудом сдержалась – нельзя, чтобы доверие мальчишки поколебалось – оно может пригодиться в дальнейшем.

Музыка стала громче. Сбоку от алтаря, вырезанного из огромного куска хрусталя, открылась потайная дверь. Верховный жрец Судьбы храма, окруженный стайкой подростков лет двенадцати – пятнадцати, вплыл в зал и, не торопясь, направился к нам. Молодые послушники скромно попрятались за колоннами, рассыпавшись по залу.

– Приветствую вас, дети Предвечной! Желаете помолиться за свои судьбы, судьбы родных или друзей? А может, вы хотите спросить оракула о своем предназначении?

Седые волосы жреца свободно касались плеч. Высокий и по-стариковски костлявый, он выглядел внушительно. Речь его была неспешной и ровной, ну а глаза цепко высматривали что-то известное лишь ему одному. Жрец знал, что за гость посетил храм его богини, но держался молодцом – без подобострастия или страха.

– Всеблагодой отец, я хочу помолиться об исполнении желания, – попросила я жреца.

Отдав распоряжение занять остальных посетителей, жрец провел меня в иной зал. Идти пришлось через хитросплетения переходов и туннелей. Локки увязался следом. Но лучше уж он, чем Эвгуст.

Зал Желаний напоминал пещеру: стены, выложенные необработанным камнем, низкий потолок, глиняный пол – все освещали чадающие факелы вместо магических светлячков. Прямо из пола выбегал ручей и, задорно журча, уходил куда-то в темноту по узкому руслу. Человек, решившийся узнать, исполнится его желание или нет, зажигал свечу, ставил ее в маленькую лодку и опускал на воду. Если свеча терялась во тьме, Судьба была благосклонна к желающему.

Ручей закрутил в бешеном танце моего «посланника» к Предвечной. Миг – и лодочка перевернулась, потушив огонек свечи. Эх! Не суждено, опять...

– Не расстраивайтесь, благословенная, – тихо промолвил жрец. – Вы не позабыты Госпожой. Когда придет время, она наградит своих слуг сторицей. Вам ли не знать, юная принцесса?

– Увы, от Предвечной я получала только горькие уроки. Будь так, как вы говорите, я бы узнала первой. – Отказаться от удовольствия сыренизировать я не сумела.

– А ваша мать, императрица Лелия? Она молилась богине, и та ответила, выполнив ее просьбу, сделав немислимый подарок. А ведь проклятие родной крови не просто снять даже богам.

Я уставилась на жреца. Из его бреда понятно лишь то, что в надежде что-то получить императрица истово поклонялась Предвечной. Но ее фанатизм известен и за пределами Северной.

– Принцесса не ведает, какой подвиг совершила ее мать. Просвети, всеблагодой, пора ей узнать, – нахально потребовал Локки.

Что-то подсказывало мне, что история долгая и прелюбопытная.

Задумчиво поглаживая золотой медальон, регалии старшего жреца, старик стал неторопливо рассказывать:

– Тридцать восемь лет назад принцессу Донну казнили на Хрустальной площади за попытку свергнуть с престола старшую сестру. Перед смертью она успела воспользоваться магией крови...

– «Чрево замкну – горе сломает печати. Смерть твоя – плата за жизнь для дитяти», – напевно процитировал шут, прерывая рассказ жреца.

– Да, она прокляла родную сестру двойным проклятием: бездетностью и мучительной смертью для дитя, если императрица все-таки сумеет зачать, – продолжил жрец. – Несколько тягостных лет Семиград кишел целителями со всего Межграницья. Но их усилия были напрасны, надежда передать трон дочери таяла. Лелия молилась каждому богу из Благой Семерки – одна лишь Предвечная услышала ее мольбы. Отдав богине свою силу мага, императрица понесла. Первую часть проклятия сломала воля Судьбы. Но проклятие крови не может пропасть бесследно. Рожая в муках долгожданное дитя, императрица молила свою покровительницу о милосердии для новорожденного. И богиня перенесла проклятие с плода на его

мать. Императрица, подарив жизнь дочери, умерла, так и не взяв ее на руки. Зная правду о своем рождении, вам ли говорить, что подарков богини не было?

Мое сердце сдавила тоска. Зачем, ну зачем он мне рассказал такое?! Как больно слушать о чужой матери, которая ради ребенка пожертвовала жизнью, в то время как твоя собственная оставила тебя на пороге храма... Я никогда не завидовала Мариэлле-принцессе, но испытала это чувство к Мариэлле-дочери. Но жрец не прав. Настоящая принцесса тоже не получала подарков от богов, ведь жизнь ей подарила мать, ценой своего дара и самого своего существования.

подавив разбушевавшиеся эмоции, я сделала то, ради чего попросила Эвгуста включить храм Судьбы в наш прогулочный маршрут.

– У меня к вам просьба, всеблагий отец. – Покосившись на шута, я вынула из карманчика плаща незапечатанное письмо и протянула старику. – Передайте, пожалуйста, старшей жрице Пустынного храма мое послание. Я давно не писала тете Регине, и наверняка в свете произошедших событий она волнуется за меня. Знаю, что даже в смутное время между храмами связь хорошо налажена, поэтому исполнить мою просьбу вам не составит труда.

– Поговорите со старшей жрицей через зеркала, – жрец спрятал руки за спиной, точно боясь обжечься о мое послание, – что проще и гораздо быстрее воздушной почты.

– Отче, вы знаете о моем положении во дворце. Мне запрещена любая связь с внешним миром. Моих птиц обязательно перехватят, а зеркало просто не ответит. Вся надежда на вас, во имя богини, не разбивайте мне сердце! – Мой голос дрожал, а вредный старикан косился на письмо, как на скорпиона. – Вы можете прочесть его и убедиться, что я не замышляю ничего дурного против сорегента Эвгуста!

Старик бросил хмурый взгляд на молчаливого шута и аккуратно, двумя пальцами взял конверт.

– Ох, принцесса, ваша просьба умножает мою скорбь! Но отказать вам я не смею!

Жрец повернул назад, видимо, опасаясь, что и Локки решит воспользоваться его добротой. И нам с шутлом пришлось за ним почти что гнаться.

– Прекрасно сыграно отчаяние, я почти что поверил! – хихикнул разукрашенный краской человек и нырнул в новое боковое ответвление туннеля.

– Не понимаю, о чем речь. – Я пожалала плечами.

Зашифрованное письмо – стандартный отчет для храма, но я горевать бы не стала, откажись жрец его отправить.

Вскоре мы вышли в зал Истины. Как оказалось, вовремя.

Эвгуст и герцог Риз решили выяснить отношения. Вернее, это делал мой юный жених, а маг, внимательно слушая, замер, возвышаясь над ним зловещей темной фигурой.

– Вы – монстр! Вы прокляты богами и людьми! Как смеете решать чужие судьбы, дергая людей за ниточки, точно мы марионетки?! – Бескровное лицо мальчишки не уступало по белизне маске колдуна. – Вы топчете своими грязными сапогами чужие жизни, уверовав, что вы бог! Но вы всего лишь злой колдун без сердца и души, забывший, что такое честь и доброта! Я проклинаю вас, Эвгуст, идите вы за Грань!

– Все? Закончил, щенок? А теперь скажу я. – Эвгуст схватил Дрейка за воротник камзола и поднял над полом. – Что же ты целовал эти грязные сапоги, когда я вытащил тебя из подземелья с крысами, где ты оказался по милости родного дяди? Разве тебя волновали честь и доброта, когда ты смотрел на его казнь? Молчишь, герцог? Ты так справедлив, герцог! Но позволил матери уговорить отца отдать старшего сына в услужение Жизни!

Маг отбросил полузадушенного парнишку и повернулся в мою сторону.

– Уведи своего жениха, принцесса, и следи за его языком, если не хочешь получить в мужа кого-то другого. – Голос колдуна звучал устало.

Риз выглядел жалко – растрепанный, испуганный.

– Он прав, – прошептал, мелко дрожа. – Я знал, что ради моего выздоровления мать пообещала отдать старшего брата в услужение храму. Будь Аркос дома, дядя не захватил бы полис.

– Кто знает? И брат мог не справиться с наемниками, вы слишком молоды, чтобы тягаться с опытным воином. – Попытка утешить провалилась – Дрейк безразлично отвернулся.

Грустная история правителя полиса Камбэр долго занимала воображение людей. Хотя у арбитра-вдовца имелся наследник, он женился вновь. И вскоре молодая супруга подарила ему еще одного сына. Младшенький также унаследовал дар видеть правду, но рос болезненным и слабым, как тепличный цветок. Мачеха пообещала жрецам Жизни отдать в услужение Аркоса, своего пасынка, если излечат ее ребенка. И арбитр не стал возражать. Через несколько лет правитель погиб при загадочных обстоятельствах, а его брат во что бы то ни стало решил возглавить полис. Мачеха обратилась в храм с просьбой отпустить из услужения пасынка. Ей отказали, объяснив, что юноша трагически погиб. И никто не смог противостоять захватчику. Осмелился один Эвгуст, который назначил себя опекуном герцога, фактически став хозяином полиса и плодородных земель его рода.

Мальчишка немного успокоился, и мы попрощались со служителями Предвечной. У дверей ждала охрана – два сатурийца из личного отряда императора Константина. Дюжий воин взял герцога под локоть. Второй телохранитель шагал рядом со мной.

На площадке храма к нам присоединились еще четыре солдата из числа гвардии. Эвгуст и Константин, как соправители, сошлись в одном: они удвоили мою охрану.

Солнце стояло в зените и палило нещадно, раскаляя стены домов и брусчатку. Осень в столице коварна своим непостоянством: утром идет промозглый дождь, а под вечер начинается удушливая парилка. Из-за жары улицы Семиграда вымирают на несколько часов. Вот как сейчас. Я сняла теплую накидку и отдала ближайшему гвардейцу. Воин едва заметно поморщился, но понес ее, точно заправская фрейлина.

Эвгуст все еще не выходил из храма, и нам пришлось его дожидаться. Прикрыв глаза ладошкой, я посмотрела на солнце. Хм, если вскоре не зайду в тень, моя аристократическая бледность сменится неблагородным загаром. Легкий ветерок принес откуда-то аромат спелых яблок. Я подставила ему лицо и довольно зажмурилась.

– Принцесса! Принцесса!..

По ступеням поднималась нищенка. Седая, морщинистая, смуглая до черноты, она медленно шла ко мне в развевающемся грязном тряпье. Облачко из роящихся мух кружило над ее головой.

– Принцесса, молю о милосердии! – Старуха беспрестанно кланялась и трясла головой. – О принцесса!..

Ее отчаянный визг резал по-живому – во времена правления императрицы Лелии, если верить летописцам, нищих не было.

– Что тебе, гражданка Семиграда? Я слушаю внимательно. – Вонь от лохмотьев была такой силы, что мне, стоящей против ветра, приходилось нелегко.

Воины, не стесняясь, прикрыли носы руками и даже попятились назад. Ну да, общаться с народом – одна из обязанностей принцессы, моя обязанность.

– Мои дети, принцесса... мои детки не ели хлеба два дня... Прошу, принцесса, проявите милосердие! Я не хочу видеть смерть своих детей! – Старуха стояла уже в трех шагах от меня и протягивала скорченную руку за милостыней.

Быстро отцепив кошель от пояса, я начала его развязывать – и, передумав, протянула нищенке. Пусть забирает все – и скорее убирается прочь. Старуха ловко преодолела оставшееся расстояние между нами и схватила деньги... вместе с моей рукой! Звон рассыпавшихся монеток о мрамор. Мощный рывок – и я воткнулась лицом в зловонное тряпье на крепком мускулистом плече нищенки.

– Всем стоять! Иначе я перережу ей горло! – прорычала грубым мужским голосом мнимая нищенка – и я почувствовала, как холодное лезвие ножа вдавливается в область сонной артерии.

Смрад жег глаза, сбивал дыхание. Еще чуть-чуть, и потеряю сознание.

– Принцесса не пострадает, если вы не будете дергаться! Братство справедливых не убивает женщин. Но если придется, во имя будущего нашего народа мы отступим от правил!

Я практически повисла на плече повстанца, вжатая в его жесткое тело. Безжалостная рука прижимала так сильно, что еще чуть-чуть, и затрещат мои ребра.

– Назад, сатуриец! Мой нож быстрее тебя!

Крича на мою охрану, бунтарь медленно отступал, пятясь по ступенькам вниз. Я слышала, как лихорадочно бьется его сердце. Дыхание оставалось ровным – он был удивительно сильным и тренированным.

«В рядах Братства справедливых много бывших воинов. Тех, кому с самого начала не понравилась политика Константина».

«Что мне делать, Грэм? Меня прирежут, как курчонка!»

«Пока не дергайся, еще не время...»

«Грэм! Я уже не могу! Я задохнусь, или он переломает мне кости!»

«Потерпи немного, сапфироглазая, жди подходящего момента!»

Повстанец вдруг выронил меня, придушенную до синевы лица. Больно ударившись о камень, я жадно глотала свежий воздух.

– Свободу народу богов! – Оборванец вдруг как-то странно ощерился – мне подумалось, что только слепая могла спутать его с женщиной – и продолжил фанатично орать: – Смерть тиранам! Свободу северянам!

Зрачки бунтаря расширились, как у курильщика дурманного черного мха. И, когда он поднял нож вверх и приставил к своему горлу, я все поняла.

Быстро обернувшись к храму, я что было силы завопила:

– Нет!!! Не надо!

Слишком поздно – повстанец взмахнул ножом и раскроил себе горло. Горячие брызги, блестя на солнце, полетели мне в лицо.

– Нет... нет, – как молитву шептала я, глядя на мертвеца, грузно оседавшего к моим ногам.

Стоны и крики ужаса вывели из оцепенения. Внизу, у подножия лестницы, корчились еще трое мужчин, также переодетых в лохмотья нищих. У двоих из них шла кровь – текла, точно слезы из глаз, из ртов, ноздрей и ушей.

Эвгуст, спускаясь, прошел мимо, скользнув по мне взглядом. Его плащ развевался против ветра, как крылья ворон, слетающих на мертвечину.

Я посмотрела на свои забрызганные кровью руки – и неслышно заскулила.

Глава 8

Маги в городе

Аква, школа ордена Воды,

28-й день пришествия Эвгуста Проклятого

– И почему мы водимся с таким проходимцем, как ты? – удивился рыжий юноша.

– Потому что я веселый? – состроив невинную мордашку, предположил мальчишка и, усмехаясь, добавил: – И единственный, кто вас различает.

– Сие умение несомненной ценности, – буркнул третий рыжик, как две капли воды, похожий на первого, – и достойно поста магистра.

– А что? Может, я, правда, фиолетовый? – задиристо спросил мальчишка. – И стану хотя бы хранителем?

– Ты – и хранителем?! – в один голос возмутились близнецы. – Сначала школу закончи! Спор разгорелся снова.

Проснувшись рано поутру, Корин осознал, что обязан показать своим «дикарям» Акву. Почему своим? Ведь без него рыжие не протянут и дня, померев со скуки.

И вот спозаранку, подкупив старшекурсника на воротах обещанием принести бутылочку пива, они направились в Акву.

Лицом любого города являются архитектурные сооружения различной масштабности и размаха. У Аквы лицо было внушительное и виднелось далеко из-за двух башен-обсерваторий. Построили их в свое время маги-астрономы, соперничающие еще со времен школы. Один доказывал теорию, что полет кометы Сельх они наблюдают последний раз, другой ученый опровергал его теорию. Веские доказательства предоставить не мог ни первый, ни второй – возможность понаблюдать за кометой появлялась раз в пятьсот лет. Так и спорили они безрезультатно до самой смерти, а городу достались строения, выше которых не было во всем Межграницье.

Школа ордена Воды размещалась на вытянутом острове посреди большого и невероятно синего озера. Ближайшие жилые дома находились в черте города, куда ученики могли попасть только с разрешения воспитателей. Идеальное место для обучения юных водников, вдобавок живописное и лишённое каких-либо недостатков. Даже комары и мошкара – бич прибрежных селений – благодаря специальному заклинанию хлопот не доставляли.

Близнецы не верили, что свободно пройдут по мосту мимо дежурного боевика. Корин пренебрежительно хмыкал – подготовку к прогулке он начал еще вчера, когда попытался сорвать урок мастера Вэффина. Старый ворчун как всегда отправил его на кухню чистить кастрюли и сковородки. И там-то Корин развернулся, проявив свои таланты в зельеварении, пока помощник повара отлучился в кладовку.

Ажурный мост издали казался нереально легким, словно держался на одной магии.

Ребята затаились в кустах, наблюдая, как молодой маг в сером плаще прохаживается по бережку. Корин загадочно улыбался.

– Долго еще сидеть будем? – прошептал недовольно Гай.

– Мы пропустим завтрак из-за тебя, – вторил сташему брату Дон.

– Еще и будем наказаны за побег, – добавил первый и заявил: – Еще чуть-чуть, и мы идем назад. Может, нас еще не хватились.

Корин победно ухмыльнулся:

– Ждать больше не надо, смотрите.

Маг недобро помянул Эвгуста – и бросился в ближайшие кусты. Похоже, навевывался он туда часто и давно.

– Что это с ним? – поинтересовался старший близнец.

– Естественная реакция на двойную дозу горечавника пушистого, – невозмутимо объяснил Корин, – Вы, скорее всего, еще не проходили: он начинает действовать через несколько часов. Так что наш красавец, отужинав, успел выспаться... Видите, я не так жесток, как кажется на первый взгляд.

Ученики, как птички, перепорхнули мост и, ежеминутно оглядываясь, поспешили к воротам города.

Аква хоть и находилась под боком у ордена, но стены свои укрепила основательно. Неудивительно, что города магов считались самыми безопасными в мире. Правда, неприятности случались и здесь. И не всегда магический патруль успевал предотвратить их или смягчить последствия. Много лет назад фанатики культа Башевиса похитили несколько молодых магов, едва закончивших обучение. В числе пропавших были дети магистров: сын Вариора Эспинса, дочь Хариса Громовержца и внучка тогдашнего магистра ордена Воздуха.

Башевисты, практикующие вызовы демонов из-за Грани, пытались выторговать у Дюжины уступки. Однако маги не пошли на переговоры. Детей искали все члены Братства до последнего. Внучку воздушника выкупили на рабских торгах через год и вернули семье. К Вариору и Харису дети так и не вернулись. И к законам Антара-Микаэль добавился следующий: «Магистры и хранители орденов не имеют права на семью до тех пор, пока состоят при власти».

Случалось и так, что на Площади согласия, куда приезжие приходили нанимать мага, какой-нибудь молодой соискатель работы обижался на более удачливого конкурента и опускался до элементарной драки вместо разрешенной дуэли.

А так вполне благополучный город, в котором обитали старшекурсники, маги-практиканты, их семьи и те, кто сумел доказать полезность ордену и получил право на постоянное жительство.

– Ну что, детишки, как вам дядя Корин? Убедились, что он мудр и хитер? – спросил победоносно рыжий негодник, когда они беспрепятственно прошли через ворота.

– А еще дядя Корин чересчур задирает нос. Наверное, пора надавать ему по шее, – угрожающе протянул Гай.

– Но-но! Попрошу без угроз, а то не покажу, где продаются самые вкусные пирожки с мясом и грибами.

Так беззлобно пререкаясь и дурачась, они шагали по мостовой Аквы.

И не замечали темноволосого мужчину, следовавшего за ними с тех пор, как они вошли в город.

Сиелла устало откинулась в кресле. Перед глазами затухали последние отблески изображения. Зеркало подернулось молочной дымкой – и стало обычным. Магесса помассировала виски – переговоры шли не один час. Семья мальчика-«дикаря» согласие на ритуал не дала, и она не представляла, где искать нового кандидата. Проблемы нарастали снежным комом. Такое ощущение, что вскоре она окажется погребенной под лавиной из неприятностей. Сиелла вздохнула и, поднявшись на ноги, прошла по комнате, размахивая руками, чтобы размять затекшие мышцы.

Магический фон натянуто звякнул – на пол упало магическое послание. Цидулка в виде клочка помятой бумаги с тремя строчками.

Стихийница внимательно прочла их и заскрипела зубами. Зря она подумала, что у нее серьезные проблемы. Они только начинались. Чтобы убедиться, что сказанное в записке – правда, Сиелла вызвала двоих: дежурного по школе наставника и мастера магической защиты.

– Магистр, что-то случилось? – Старший маг выразил волнение и своего коллеги.

– Найдите учеников – Корина и близнецов-«дикарей», – потребовала Си у наставника, а второму магу задала вопрос: – Кто-нибудь выходил за ворота?

Не выяснив причины переполоха, озадаченные маги покинули кабинет магессы, чтобы вернуться через считанные минуты.

– Их нигде нет, – выдохнул взволнованный дежурный наставник. – Честное слово, Сиелла, я пересчитал всех за час до подъема – они мирно спали в своих кроватях.

– Иллюзия – Корин на них мастер, – предположил маг, отвечающий за внешнюю защиту. – По словам покаявшегося практиканта, он выпустил детишек в город. Парень был уверен, что они дойдут лишь до моста, а там их завернут назад, отхлестав прутом по мягкому месту.

– Хорошо, вы свободны.

– Но магистр, а как же дети? – испугался наставник.

– Я знаю, где они. И вскоре верну обратно в школу, – произнесла Си и скомкала записку.

Она хорохорилась перед своими подчиненными и не стала срывать на виновных в происшедшем. За безалаберность они ответят потом, когда мальчишки вернутся под своды школы.

Стиль письма в записке смутно напоминал кого-то. Но кого? Она снова перечитала сообщение: «Если тебе дороги твои рыжие ученики, двое из которых дики, словно неприрученные зверьки, приходи в «Половину северина» через полчаса. Одна. Не выполнишь условия, попросаешься со своими малявками».

Морщинка на переносице разгладилась – стихийница, просветлев лицом, улыбнулась. Нехорошая шутка проверила на крепость ее нервы. Прекрасно, что опознать ее автора удалось так быстро. Магистр сжала кристалл вызова, представив того, с кем хотела дружески поболтать. Зеркало мгновенно потемнело – весельчак ждал ее с нетерпением.

– Здравствуй, великая!

– И тебе не болеть, правдивый, – улыбнулась натянуто Сиелла и попросила: – Успокой меня, сказав, что дурная шутка – твоих рук дело.

Смуглый мужчина с каштановыми волосами, собранными в хвостик, белозубо оскалился:

– Не так давно ты сама любила жестоко посмеяться над своим магистром.

– Ну-ну, Шайдер, не преувеличивай, я заставляла волноваться о себе, а не о ком-то другом.

– И все же твои проделки добавляли Харису седин.

– Ладно, кто старое помянет... Что с моими учениками?

– Запер в своей комнате, которую снял в «Половине северина». Заметил твоих беспризорников, едва они успели подойти к городу. С легкостью познакомившись с ними, представился летописцем и пригласил разделить трапезу. Плохо учишь, Сиелла, они сразу мне поверили. А если бы у меня были дурные намерения?! Хотя... у меня они есть: хочу развести тебя на бутылку вискурского белого.

– Шайдер, все что угодно!

– Осторожнее, магистр, поймаю на слове, – ухмыльнулся мужчина. – Я их приведу приблизительно через час, тем более что нам надо увидеться. Только у меня условие.

Сиелла приподняла бровь:

– Чего ты хочешь?

– Накажи их и накажи строго. Это не безвредная шалость: посмеялись, отшлепали и забыли. Нет, это опасный проступок. Помнишь о похищениях детей магистров?

– Еще бы мне не помнить. Будут седмицу помогать на кухне.

– Нет, этого мало. Близнецы пусть поработают две седмицы. А третий рыжий, наглый такой паренек, пусть походит в хианитовом ошейнике хотя бы лунный цикл.

– Не много ли для бедняжки Корина?

– Так-так, беспристрастная Сиелла выбрала себе любимчика? – притворно удивился летописец.

Магистр развела руками:

– А что делать? Корин – единственный, кто прошел испытание «дневником магистров». Вот и рошу себе смену из того, что есть.

– А надо не просто растить, но и воспитывать, – наставительно изрек темноволосый и продолжил: – Пусть прочувствует на своей шкуре. Он зачинщик, Си. С одной стороны, хорошо, но с другой – он может завести в беду.

Марион нежно гладил светлые волосы. Они сидели с Ханной, прислонившись к стволу шершавой ивы. Не то чтобы они прятались от учеников, просто только в этой части сада они могли побыть вместе, не опасаясь любопытных глаз.

Мастер Воды загадочно улыбалась. Марион молчал, но счастье красноречиво плескалось в его глазах. Он представить не мог, что чужие эмоции найдут отзыв в его сердце. Любил ли он эту женщину? Нет, столь сильное чувство не возникает так быстро. А вот нежность, доверие, интерес к человеку и влечение – да, и они отличная основа для начала отношений.

Обрывок разговора, донесенный ветром, застал их врасплох. По дорожке медленно шли Мейган и Лидо. Рука второго хранителя по-хозяйски лежала на талии целительницы.

– Такая же парочка, как и мы, – шепнул хранитель и легонько поцеловал Ханну в макушку.

Вторая пара влюбленных не заметила и прошла на берег озера. Они долго молчали, глядя на безмятежную гладь озера. По-настоящему близкие люди не испытывают неловкости в тишине, разговаривая друг с другом без слов.

– Милая, я в отчаянии. – Хранитель наконец заговорил и осторожно сжал тонкие пальцы Мейган. – Я рассчитывал, что к зиме передам обязанности ученику и смогу назвать тебя своей женой. А тут демонов колдун!

– Я тоже рассчитывала совсем на другое, – прошептала расстроенная девушка, – хотела, чтобы церемония состоялась в Семиграде и в храм Жизни меня привел брат, передав из рук в руки, как того требует традиция.

– Поверь, все еще наладится. – Маг, коснувшись губ девушки легким поцелуем, добавил: – Ронарк вернется в орден. Когда мы остановим Эвгуста, твой брат благословит наш семейный союз, после чего мы переедем в наш дом на берегу реки и...

Хранитель не договорил. Вытащив из-под рубашки кристалл связи, засветившийся синим, он вздохнул и сообщил, что должен идти.

– Извини, вызывает Сиелла. Я и забыл, что сегодня всеобщий сеанс связи Дюжины. Лихорадочный ритм жизни Семиграда плохо действует на Альберта – теперь мы видим его ежедневно.

Когда Лидо проходил мимо ивняка, оттуда появился Марион. Вид у него был недовольный. В его волосах торчали сухие листики. Хранители посмотрели друг на друга – и рассмеялись.

– Что, дружище, никакой личной жизни? – понимающе усмехнулся Лидо и бросил заинтересованный взгляд на заросли. – И кто твоя дама сердца?

– Ну, брат-маг, такой бестактности я ожидал от кого угодно, но не от тебя! – притворно рассердился Марион.

– Да ладно тебе, можно подумать, у тебя был выбор. – Смеясь, Лидо ободряюще хлопнул хранителя по плечу. – Она так долго держала тебя в осаде, что твоя капитуляция закономерна. Ладно, пошли быстрее, а то Сиелла нам уши оборвет за опоздание.

Ханна неторопливой, царственной походкой вышла чуть позже мага и присоединилась к Мейган.

– Поздравляю, – искренне произнесла целительница. – Первая битва за тобой.

Мастер Воды нахмурилась:

– Ты думаешь, это только начало?

– Я уверена. Она просто так не отпустит свою игрушку, будет вертеть им по привычке. Марион бегаёт за ней влюбленным щенком вот уже столько лет. С самых первых дней, как Харис притащил ее в школу. Видела бы ты ее тогда! Суцая дикарка – нелюдимая, обозленная, недоверчивая. Она нормально общалась лишь с магистром, а чуть позже – и с Марионом. Он ведь такой добрый и дружелюбный – с любым сумеет найти общий язык.

– Как интересно. Тебе повезло наблюдать за таким важным событием, как развитие характера нашего магистра, – со смешком проговорила Ханна.

– Да, только тогда никто и представить не мог, что синеглазая дикарка возглавит орден. – Мейган покачала головой. – От ее дурного настроения страдали даже учителя. О боги, а что было, если она решала, будто кто-то на нее посмотрел криво! В старшей школе Карим Эспинс не раз оставался со сломанным носом, и я устала ему его вправлять.

– Они с Каримом враждовали? – удивилась мастер. – Как же тогда они попали в одну боевую четверку?

– А вот так и попали. Магистры распределили, им пришлось смириться. После первого боя спина к спине они вдвоем, кажется, умиряли поднятый некромантом-самоучкой скотомогильник, вернулись в школу друзьями. Вообще это была удивительная четверка, состоящая из лидеров, магов равной силы. И все, заметь, все универсалы, одинаково сильные в бою, телепортации и защите. Они и сейчас дружат. Сиелла для троих мужчин сразу стала своим парнем, а не опекаемой девчонкой.

– А как же ее роман с Каримом? Сплетни?

Целительница загадочно улыбнулась:

– А ты как думаешь? Помнишь, как во время той трагедии с Ронарком арбитр обхаживал Сиеллу? Еще сомнения есть?

– Как по мне, ему больше ничего не светит. Наша магесса на него не смотрит.

– Может быть, – кивнула Мейган. – Между ними произошло что-то такое, что навсегда оттолкнуло магистра от огневика. Вот такая вот любовь, несчастливая...

Водницы помолчали каждая о своем. Ветер бросал в воду листья ивы, и они, похожие на вытянутые лодочки, кружились на сморщенной глади водоема. Заметно похолодало.

– Ронарк подавал о себе весточку? – спросила Ханна и тотчас прикусила язык – многие считали, что ищущий погиб, чем и объяснялось его длительное отсутствие.

– Нет, но я провела обряд на крови. Он жив, но очень изменился. Ханна, он больше никому не верит! Он растерял все свои убеждения, все моральные ценности, для него нет ничего святого. – Целительница говорила быстро, глотая окончания слов, точно боялась, что ей не дадут высказаться. И уже злым голосом проговорила: – И во всем этом виноват человек, оклеветавший моего брата, а перед этим лишивший семьи, магистр Земли, Альберт Элевтийский.

– Серьезные обвинения, Мейган. Ты уверена?

– Да! Помнишь, как сразу в трех провинциях Северной империи вспыхнула лихорадка Мультхема? Жена и сыновья брата были обычными людьми, и он волновался, что они могут умереть. Ронарк хотел перевезти семью в Акву – Альберт не позволил, приказав закрыть зараженные города. Он уверял, что местные целители справятся своими силами. Когда от них перестали поступать вести, телепортировали молодых целителей. Успели переправить только двоих – третьего разорвало на наших глазах, потому что в тот миг случился прорыв Грани. Семья Ронарка погибла – целители, истощенные множеством больных, не справились со своими обязанностями. Брат возненавидел магистра Земли, а я с тех пор безумно боюсь телепортов...

Лидо переглянулся с Марионом и задал волнуемый обоим вопрос:

– Си, можно ли доверять тому, кто передал эти сведения? Или эти данные от твоего загадочного человека, который боится выйти из своей тени?

Магистр солнечно улыбнулась и откинулась на высокую спинку кресла:

– Ребята, вы не поверите, но он наконец решил открыться и вам тоже. Шайдер, можешь войти.

Марион удивленно поднял бровь, увидев, как открывается потайная дверь за гобеленом с гербом школы. Он полагал, что знает все секреты кабинета Сиеллы.

Стройный, смуглый мужчина с каштановыми волосами, собранными в хвостик, поздоровался с хранителями кивком головы. От него разило магией, хотя одет он был как обычный путешественник – в простую рубаху, кожаные куртку и штаны. Лишь сапоги щегольские, из кожи молодого горгора, с серебряными заклепками.

Дав на осмотр магам пару мгновений, гость чуть заметно улыбнулся и произнес:

– Пока вы не успели причислить меня к некромантам, путешествующим инкогнито, скажу, что черную магию не практикую. Да и вообще никогда толком не учился магии. Я – летописец. И сила моя совсем из другого источника.

Стало заметно, что именно такие страшные подозрения закрались в голову, по крайней мере, Лидо. Хранитель расслабился, морщинки на лбу разгладились.

– Давно хотел познакомиться с кем-нибудь из вашей неуловимой братии.

– Рад, что исполнил твое желание, – сухо произнес Шайдер.

Магесса поднялась с кресла и облокотилась о стол.

– Итак, как я вам уже сообщила, летописцы утверждают, что Эвгуст собирается снести Грань. Случится это в день подпитки Восточных врат, когда защитные силы Стены будут нестабильны.

– И для этой цели он использует кровь потомка Микаэль, – добавил тихо летописец.

– Прошу меня простить, но откуда сведения? Твоему первоисточнику можно доверять? – Лидо неотрывно и с любопытством смотрел в темные глаза гостя, и тот, похоже, не собирался отводить взгляд.

– У каждого свои маленькие секреты, – улыбнулся гость, – но вы ведь знаете, что мои слова правдивы.

– Да, конечно, летописцы не лгут даже ради спасения собственной жизни. Но ведь вас тоже можно обмануть, и вы разнесете по всему Межграницью ложь.

– Ложь – мнимая реальность, а иллюзии над нами не властны. Никто не сможет солгать летописцу.

Лидо иронично приподнял бровь:

– Неужели? А я думал, что лишь арбитры отчетливо видят правду.

– Арбитры и летописцы обладают одинаковым даром. Мы служим всему человечеству, а они – лишь своему полису. Человек, не задумываясь, врет не менее двадцати раз за день. До моего появления в кабинете магистра ты соврал четырежды: первый раз, когда сказал, что провел последний час в обществе адептов. Затем ты соврал на вопрос Сиеллы о целительнице Мейган. На самом деле ты ее видел, разговаривал и не только...

– Хватит, Шайдер, – засмеялась Си. – Мы тебе верим, не сомневаемся и в том, что Лидо – первостатейный лжец ордена.

– Ну вот, то был первым бабником ордена, теперь обманщик! – возмутился Лидо. – А я, между прочим, давно остепенился, собираюсь жениться...

– И женишься. – Сиелла примирительно похлопала мага по руке. – Разберемся с Восточными вратами, и женишься.

Лидо скептически хмыкнул. Он прекрасно знал, что даже после удачной подпитки врат его не отпустят из ордена. Да он и сам не сможет бросить все, когда ситуация так сложна. Новый хранитель, его преемник, не успеет войти в курс дела быстро, а ведь может начаться война с Эвгустом, или истончится Грань. Нет, он не скоро назовет Мейган своей женой. Хранитель печально вздохнул и уже без раздражения посмотрел на Шайдера.

– А ты знаешь, сколько крови наследницы нужно для обряда? Вся или пара капель?

– Не думал, что когда-нибудь такое скажу: к счастью, Эвгуст должен заколоть Мариэллу на жертвеннике.

– К счастью, будет вынужден заколоть?! К счастью?! Ну, ты и отмочил, мужик! – Марион грубо хохотнул, выразив всеобщее возмущение. – Что-то уж больно ты кровожаден для летописца!

– Подумайте, ведь пролить незначительное количество крови настолько легко, что даже не понадобится присутствие принцессы. А вот если вдруг она исчезнет, тогда колдун не сможет притащить ее к Грани и совершить жертвоприношение.

– Да, хороший выход, но как принцесса «потеряется»? Ее и раньше оберегали как зеницу ока, а теперь, после нападения демона, и подавно. Охрану усилили. – Лидо наморщил лоб и пытливо посмотрел на Сиеллу. – Как ты думаешь, у Альберта есть шанс выкрасть принцессу после испытания Звездным венцом? Ведь он в Семиграде, что ему стоит?

Сиелла взглянула на часы и ответила:

– Мы спросим это у него прямо сейчас. Все, ребята, время настало.

Обернувшись к летописцу, магистр ордена Воды попросила:

– Прогуляйся, пожалуйста, по саду. Уверена, совет не затянется, и я вскоре к тебе присоединюсь. А там и ужин подоспеет.

– Конечно, о чем речь... – Летописец пожал плечами и вышел из кабинета.

– Он найдет дорогу, не заплутает? – озабоченно спросил Лидо. – А то не хотелось бы с его товарищами разбираться.

Магесса отмахнулась от язвительного хранителя и, закрыв глаза, начала плести заклинание. Казалось бы, чего бояться магам в собственном ордене? Но тайны на то и тайны, чтобы их кто-то ненароком не подслушал. Мгновение – и кабинет магистра отрезало от внешнего мира. Пока Сиелла не позволит, в комнату никто не войдет и никто не покинет ее стены. Все, что здесь произойдет, и все, что здесь произнесут, останется между членами Дюжины.

Расставив кресла полукругом, хранители создали из воды зеркала – четыре серебристых прямоугольника послушно зависли в воздухе: по одному на каждый орден и персональное для магистра Земли, гостящего при дворе императора Константина.

Удобно расположившись в креслах, маги в ожидании попивали холодный травяной настой. Ни Сиелле, ни хранителям говорить не хотелось, и тревожная тишина тяжелым покрывалом упала на плечи.

Одно из зеркал слева мелодично звякнуло. Молочный туман поплыл по его поверхности и растаял, показав собеседников. Первыми объявились маги ордена Воздуха. Петер Воронов и его хранители радостно поприветствовали собратьев.

Еще одно зеркало прояснилось, показывая Лавджоя, хранителя ордена Земли. Второго помощника магистр себе еще не подобрал – и груз двойной ответственности сказывался на внешности первого: лицо осунулось, а глаза утратили беспечный блеск.

Маги Огня вышли на связь спустя миг после целителя-землевика. Вариор Эспинс выглядел озабоченным, а его хранители не переставали тихо пререкаться даже после установления всеобщего контакта.

Альберт запаздывал. Маги делились новостями, перебрасывались шутками и делали ставки, как скоро Верховный маг Братства вспомнит о совете, который сам и созвал.

Последнее зеркало подернулось молочной пеленой – и явило Элевтийского.

– Приветствую, братья! – Верховный выглядел непривычно обеспокоенным. – Во дворце суматоха, сложно уследить за бегом времени.

Маги вежливо промолчали.

– Итак, с чего начнем? – Альберт опустил взгляд на исписанный листок. – Предлагаю отчитаться ордену Воздуха. Я так понял, Петер, ты намеревался лично пообщаться с затворником?

Петер прокашлялся и кивнул:

– Да, затворник не разговаривает с незнакомыми магами. Ну а меня ему представил когда-то отец. Я думал, сопьюсь, пока дождусь от него внятного ответа по нашей проблеме. Лишь продержав меня в напряжении два дня, он соизволил поведать, что наше решение – единственно правильное и возможное. Конечно, он еще посоветовал наведаться в Дом Забвения и попытаться ушедших магов, но кто на такое решится?

– Отрицательный результат тоже результат, это развязывает нам руки. – Альберт сцепил пальцы. – Да и магистр Воздуха чуть развеялся, что тоже не может нас не радовать.

– А как радуется нас то, что ты отдыхаешь в Семиграде. – Злой шепот Сиеллы услышали только ее хранители.

– Раз затворник не подсказал ничего нового, будем действовать, как наметили ранее. Как продвигаются поиски дикарей? Ордену Земли, к счастью, искать трех фиолетовых под печатями не пришлось. Изменилась ли ситуация у вас? Вариор, что скажешь?

– Двое. Третьего кандидата, пятнадцатилетнюю девочку, родственники обязались привезти в школу через две седмицы.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Альберт. – Что у вас, Петер?

– У нас один дикарь и два запечатанных мага, нарушивших кодекс. Они готовы рискнуть жизнями, если с них досрочно снимут наказание. Предлагаю проголосовать, и если большинство поддержит, мы прекратим переговоры с родителями дикарей, не достигших шестнадцати лет.

– У вас еще есть время уговорить родителей, Петер, освободить преступников не в наших правилах. – Магистр Земли перевел взгляд на членов ордена Воды: – Как обстоят у вас дела, Сиелла?

– Два полноценных фиолетовых дикаря и ни одного возможного кандидата в третью жертву. – Сиелла стойко выдержала недовольный взгляд Элевтийского и продолжила: – Увы, даже запечатыванием орден давно никого не наказывал. Но ведь у нас, как и у воздушников, предостаточно времени, не так ли?

– Боюсь, что нет, Сиелла. В вашем случае проще запечатать фиолетового ученика подходящего возраста. Настоятельно рекомендую провести ритуал, пока не поздно.

Сиелла криво улыбнулась:

– Мы рассмотрим твои рекомендации, Верховный.

На некоторое время воцарилось неловкое молчание.

– Кстати, Аль, как настроение в столице? – полюбопытствовал Вариор. – До нас донеслись слухи, что семиградцы начинают восхвалять нового регента?

– Нет, до такого, слава богам, ситуация не докатилась. Но приязнь по отношению к Эвгусту стала заметнее. А если бы он еще снял маску, симпатия усилилась бы. Вы сами понимаете, что скрывающим свои лица не доверяет ни один народ Межграницья, уж слишком сильна ассоциация с подменшами.

– Вот заживут раны от «пламени зари» – и Эвгуст явит свою физиономию миру, – успокоил своего магистра Лавджой. Единственный хранитель Земли оживился. – Вчера арбитры признали его своим и вручили браслет истины. Как сказал Карим, они вынуждены так сделать – Эвгуст чудесным образом прошел испытание и доказал, что видит правду не хуже остальных. Но, главное, он сам заговорил о заложниках, пообещав, что отпустит их в день коронации принцессы. А от такого никто не откажется.

Не удивились лишь маги Огня, без сомнений, в первую очередь племянник поделился важными новостями с дядей.

– Ренегат придерживается своего плана. Глядишь, и все Межграничье подгребет под себя. – Высказанное Петером опасение, похоже, волновало каждого. – Нам нужно поспешить с его устранением.

– Нет, ничего предпринимать нельзя, до тех пор пока мы не закрыли Восточные врата, – поспешно возразил Альберт. – Если ритуал сорвется и выкрасть ключи не удастся, нам придется принять его условия.

– Кстати о вратах, – опомнилась Сиелла. Она слегка нахмурилась. – Летописцы утверждают, что Эвгуст намерен разрушить Грань, пролив кровь потомка Микаэль. Похищение ключей – отвлекающий маневр, наша присяга ему и даром не нужна. Ошибаются летописцы или нет, они повторяют слова пророчества первой императрицы, как раз запрещенную часть. Предлагаю предупредить такой исход, выкрадв принцессу.

– Если попадемся, добрая слава Братства будет погублена навечно! – возмутился Альберт.

– Лучше рискнуть ею, чем отдать Межграничье тьме.

– И кто займется похищением, магистр? О! Не говори, что сию почетную роль ты отвела мне!

Магесса усмехнулась:

– А что, боишься испортить репутацию похищением девицы? Не волнуйся, это сделаем мы с Марионом. В праздничной суете после коронации выкрадем Мариэллу и доставим в Тетрарион. А еще постараюсь убедить Тристана занять свободное место хранителя в твоём ордене. Ведь дядя отверг твоё предложение? Угадала?

Магистр ордена Земли недовольно поморщился и скрестил руки на груди:

– Да, он отверг оказанную ему честь. Орден будет благодарен, если сумеешь открыть своему дяде глаза на ошибку. Но разве вы успеете на коронацию? Осталось два дня, а телепортом пользоваться нельзя. Или ты забыла?

– Ну что ты, Альберт, как можно? Я еще не так стара, чтобы страдать потерей памяти, – притворно обиделась Сиелла. – Зачем мне телепорт, когда на руках амулеты переноса?

Лицо магистра исказила гримаса недовольства, развеселившая водницу.

– Откуда у тебя такой раритет?!

– Не поверишь, на днях разбирала вещи магистра Хариса и наткнулась случайно. – Сиелла неопределенно пожала плечами и улыбнулась магу, прекрасно понимая, что он обозлится на нее. Элевтийский ненавидел перелеты на пегасах, а она не проявила любезность и не предложила ему амулет.

Географ не сказал ни слова, но Сиелла знала: он еще припомнит ей это.

– Отлично, – произнес Верховный маг, – буду ждать вас в Семиграде. Итак, давайте обсудим, как быстро собрать накопители со всего Межграничья, не пользуясь телепортами...

Сиелла задумчиво шла рядом с летописцем. Листья бронзового клена, опавшие с веток в первые дни осени, сухо шуршали. Шайдер, как и его спутница, молчал.

Солнце медленно опускалось за горизонт. Сумерки незаметно стелились по земле, предвещая скорый приход ночи.

Тревога запустила цепкие коготки в души и магессы и летописца. Разговор, который между ними состоялся, натолкнул на неприятные мысли. Оба понимали, что грядут перемены. Что былого покоя не будет. Что Межграничье встряхнут судьбоносные изменения, и дай боги, чтобы они не сопровождалась реками крови.

– Нэлион! Стой, негодник! – Сердитые крики раздались за их спинами.

Сиелла и Шайдер развернулись и стали свидетелями любопытной сцены.

Светловолосый мальчик, заливаясь серебристым смехом, убежал со всех ног от немолодой дородной женщины. Личико ребенка раздурманилось, глаза светились проказливым огнем, в белокурых вихрах запутались лучи багряного заката.

– Стой, Нэлион! – Женщина почти схватила беглеца за курточку, но проказник увернулся и спрятался за спиной стихийницы. Внезапно Сиелла почувствовала, как цепкие ручки обхватили сзади ее ноги, ища защиты.

– Ох, магистр, простите. – Запыхавшаяся женщина положила руку на бурно вздымающуюся грудь. – Мы искали мастера Ханну, но негодник решил поиграть. Простите за беспокойство! Нэлион, оставь магистра в покое!

Сердитая нянька попыталась разжать ручонки. Мальчик захныкал.

– Подожди, Кара, – мягко произнесла Сиелла. – Нэлион, хочешь, поищем твою маму вместе? Она, наверное, сейчас в оранжерее. Пойдешь со мной?

Ребенок, размазывая по щекам слезы, кивнул и протянул магистру руки.

– Ты уже большой, Нэлион, – строго произнесла няня, – уже должен сам ходить ножками. Не обращайтесь на его капризы внимания, магистр.

Но Сиелла улыбнулась и подхватила мальчика на руки. И он доверчиво обнял ее за шею.

– Вы уж простите нас, магистр, – попросила женщина виновато. – У меня сестра на сносях, вот-вот первенца родить должна. Мастер была так добра, что разрешила побыть с ней. Поэтому я и привела Нэлиона на несколько дней в школу, к его матери.

– Можешь не объяснять, Кара, все в порядке, – сказала Сиелла и повернулась к идущему рядом летописцу. – Ты был в нашей оранжерее? Нет? Тогда ты просто обязан посмотреть, какие великолепные зимние розы выращивает мама вот этого шалуна.

Шайдер кивнул, с любопытством наблюдая за магессой. Он видел, как бережно держала магистр ребенка, какая нежность светилась в ее глазах. Шепча что-то ласковое, Сиелла сумела окончательно успокоить малыша и даже вернуть улыбку на его личико.

Летописец грустно покачал головой, припоминая суровые правила кодекса магистров: отказ от сердечных привязанностей и невозможность иметь детей. Жестоко. И правильно. Ради любимых и детей можно выполнить все, что потребует враг. Однако если таковых уязвимых мест нет, руководитель ордена непоколебим в своих решениях.

Благодарная Ханна забрала сына из рук магистра и ушла проводить няню к воротам школы.

Летописец и Сиелла остались одни среди сочной зелени и буйства красок трав и цветов.

– Что за боль ты скрываешь, великая?

– Разве у тебя нет тайн, правдивый? – Магистр отвела глаза от вопрошающего взора мужчины.

– Согласен, ваш кодекс слишком строг, но так не смотрят, когда не могут получить желаемое. Это не тоска по невозможному, это боль от потери.

Сиелла без сил опустилась на скамейку.

– Я восхищаюсь своим мастером Воды. Оставшись без мужа и поддержки его родни, она сумела отстоять ребенка. Свекровь так хотела заполучить внука, что не постеснялась угроз, но Ханна выдержала и унижение и давление. И ее дитя сейчас с ней.

– Сильная женщина, – согласился Шайдер. – Но не сильнее тебя.

Магистр пытливо взглянула на летописца. Тринадцатый магистр доверял этому спокойному шатену, а он, как знала Сиелла, никогда не ошибался в людях. К тому же в силу своего призвания летописец был хранителем многих тайн.

– Почти тринадцать лет назад я официально согласилась сменить Хариса на посту магистра. Ради него я сознательно отказалась от дорогого мне человека. Наверное, он до сих пор считает, что я предала его. Впрочем, это недалеко от истины – я оставила его в самый сложный для него момент. Что ж, порой мы ничего не можем поделать, когда судьба разводит с кем-

то наши дороги. Он полагал, что я должна стать его спутницей жизни, и расстроился, когда отказалась находиться в его тени. – Магесса иронично улыбнулась: – Вы, мужчины, такие гордецы...

Она немного помолчала и продолжила:

– Харис, уговорив принять его бремя власти, не знал о моем интересном положении – мне пришлось извернуться, чтобы никто не понял, что я жду ребенка. Мой друг-целитель отдал малыша на воспитание в одну хорошую семью. Я собиралась укрепиться в должности магистра и со временем приблизить сына. Но тут неожиданно случился разрыв Грани, а Харис попался в ловушку адептов Башевиса. И я потерялась в горе, мести и сражениях... Это было какое-то наваждение, и я забыла, что где-то есть кроха, нуждающийся в маме.

Летописец успокаивающе положил ладонь на локоть магессы, хотя ее голос звучал почти равнодушно. Кажется, он понял, какими будут следующие слова его спутницы.

– Когда разрыв залатали, а тринадцатый магистр был отомщен, оказалось, что мне некого забирать из Элевтии. Во время эпидемии лихорадки Мульхема мой сын умер.

Летописец подавился словами утешения. Как-то странно взглянув на магистра, он тихо произнес:

– В то время я был в Элевтии. И что бы там ни говорили, болезнь вовремя остановили, не дав добраться даже до пригорода. Твой сын никак не мог умереть от лихорадки.

Глава 9

Самая страшная примерка в мире

Северная империя, Семиград,

29 – 30-й день пришествия Эвгуста Проклятого

Через несколько часов я умру. И моя смерть никак не отразится на бытии мира. Его устои не разрушатся, его жители не станут рыдать от горя.

Деревья купались в красных лучах заходящего солнца, отбрасывая на землю причудливые тени. Не до конца облетевшая листва о чем-то шепталась с ветром. Каждый закат или восход не похож на предыдущий. Жаль, что я не художница и не смогу передать на холсте всю палитру закатных оттенков красного и желтого.

Теплый чай пах медом и цветами. Я смотрела то на закат, то на свои руки, казавшиеся в лучах солнца окровавленными, и жалко улыбалась словам, нашептываемым Грэмом. Он говорил, что я молодец, что смело держалась и вообще отважно кричала на Эвгуста. Приятно слышать, особенно в последний раз.

Черномаг убьет меня. Там, на ступенях храма, он едва сдержался. Его голос дрожал от гнева, и никто не встал на мою защиту, даже Локки назвал убийство заговорщиков богоугодным делом. Грэм мысленно поддержал его, согласившись, что поступок колдуна – единственно верный выбор. Да, повстанцы собирались хладнокровно прирезать меня, но не стоило убивать их так – бессердечно и страшно. Они же люди! Никто не заслужил такую ужасную смерть.

И вот теперь Эвгуст покарает глупого хэмелла за то, что осмелилась ему перечить... Ладно, я, конечно, преувеличиваю – отступник не убьет меня. Как он сказал? Без двойника принцессы ему не обойтись. Но и просто так не оставит. Особенно после того, как я, послушавшись его приказа сидеть в своих покоях, собиралась улизнуть в башню Тристана.

Горгоры снова выпустили меня из покоев. Еще бы! Проведя полдня в компании Эвгуста, я пропахла им и не стала переодевать платье, на которое, на удивление, не попало ни единой капельки крови повстанца, хотя она забрызгала мои руки и лицо. Но удача оказалась не на моей стороне. Не пройдя и половины пути, я столкнулась с демоном Аташем, слугой колдуна. Он злорадствовал так искренне, когда докладывал о моем побеге хозяину, что мне стало завидно. Я не умею так ненавидеть, хотя многие люди, встречавшиеся на моем жизненном пути, заслужили это чувство.

Увлечшись самокопанием, заметила Эвгуста лишь тогда, когда он положил руку мне на плечо. Только немалая практика в искусстве «держат лицо» помогла не вздрогнуть.

– Любуешься? – Маг опустил в кресло напротив.

– Ага, своим последним закатом.

– Недоверчивая девчонка, я не собираюсь тебя убивать, – произнес Эвгуст и, помолчав, добавил: – Хотя признаюсь, мне, как и Аташу, нелегко видеть перед собой живое воплощение первой императрицы. Ты так на нее похожа – те же глаза, губы, улыбка, фигура, – что становится жутко. Демон знает, что ты всего лишь двойник Микаэль, даже не родственница, но руки так и чешутся оторвать тебе голову.

– Ну, за него постарается Звездный венец. – Похоже, о том, что корона северных императриц «поджаривает» мозги самозванок и мужчин, дерзнувших ее примерить, не знал исключительно один Эвгуст. – Пожалуйста, не говорите, что в вашей власти договориться с венцом!

Маг хмыкнул:

– Удивишься, но да, в моей. Я сказал, что ты пройдешь испытание, значит, так тому и быть. Жаркое из двойника Мариэллы не входит в ближайшее меню.

– Но почему? Откуда у вас такая уверенность? Объясните!

И он объяснил, да так, что у меня, фигурально выражаясь, отвалилась челюсть.

– Венец создал я.

И не вдаваясь в дальнейшие разъяснения, маг перевел разговор на другую тему. Мы даже обсудили мое платье и завтрашнюю церемонию. Он был безмятежен, точно и не было нашей стычки на ступенях храма Судьбы. И от этого мне стало еще страшней. Как можно оставаться равнодушным, когда ты с легкостью убил стольких людей? Разве их образы не предстают перед глазами каждую ночь?

– Ладно, тебе пора спать, принцесса. – Маг поднялся с кресла и сделал шаг ко мне. – А чтобы ты действительно спала, а не бродила по дворцу, мне придется сделать кое-что неприятное.

Он вскинул руку и с неожиданной нежностью провел по щеке.

– Спи...

Мое тело обмякло, глаза закрылись под давлением невероятной сонливости. И все-таки я не уснула. Тело не слушалось меня, мысли путались, но я не спала, осознавая, что происходит вокруг. Маг перенес меня в спальню и аккуратно уложил на кровать. Через час я смогла пошевелить рукой. Еще через полчаса – сползти с постели и выпить воды. Временный паралич, невыносимая жажда и мелкая дрожь – вот и все, чем я отделалась от влияния колдуна. Эвгуст не властен надо мной! Я устояла! Даже сатурийцы сломались после его ментальной атаки, а я выдержала. Почему?

«Возможно, потому что ты двоедушница, и это делает тебя сильнее, – высказал догадку Грэм и посоветовал: – Главное, не выдай себя утром, когда он придет будить тебя. Иначе в следующий раз прикует цепями к кровати».

Я не могла побороть тревогу. Впервые за много лет я не могла взять себя в руки и справиться со страхом. Мне предстояло появиться перед тысячами глаз, следящих за каждым моим движением. Не люблю быть в центре внимания! Одно дело – балы и приемы, где взоры прикованы к более важным персонам – императору и его новой фаворитке. И совсем другое – испытание, в шутку названное примеркой. Звездный венец укажет, принимает он новую императрицу или нет. История знает случаи, когда артефакт династии отвергал старшую принцессу, и новой императрицей становилась ее младшая сестра. Но обычно венец выбирал перворожденную дочь, как и завещала Микаэль.

Я задыхалась, и корсет тут был ни при чем – платье идеально подчеркивало фигуру. Широкая юбка из складок-волн плавно переходила в длинный шлейф. Белоснежная ткань с серебристой вышивкой – произведение искусства – была уникальна по своей природе. Корсаж усыпала крупные бриллианты, ограненные в виде капли воды.

Чтобы успокоиться, переключила внимание на подсчеты. Для наряда принцессы «некомильфо» использовать бриллианты меньше пяти карат, поэтому каждый камушек весил чуть больше грамма. На корсаже их пара сотен, получается около двухсот граммов бриллиантов чистой воды. На метр особенной ткани потребовалось до пятнадцати граммов серебра, значит, на платье вместе со шлейфом ушло триста семьдесят пять граммов. Получается, только сама ткань весит около трех килограммов. Ах да, не посчитала гарнитур из бриллиантов и белого золота. Два массивных браслета весят граммов сто пятьдесят. Серьги, длинные с каплеобразными бриллиантами, сильно оттягивают уши. Тяжелое кольцо холодит шею, стесняя дыхание. Вместе с серьгами оно весит не больше ста граммов. Все вместе... ого! А еще думала: почему у меня уши большие?! Ух, какую тяжесть иногда приходится таскать! Не всякая девушка выдержит в таком наряде длинную церемонию. И пусть теперь попробуют сказать, что принцессы – слабые существа! Итак, окончательные подсчеты показывают, что на мне...

«Эва, прекрати. Все хорошо. Хватит бессмысленных подсчетов, лучше поговори со мной. – Голос Грэма слышался смутно, похоже, наша связь становилась слабее, когда меня одолевали сильные эмоции. – Вот-вот, тебе нельзя волноваться, иначе я до тебя не докричусь».

Дыши глубже, Эва, дяденька черный колдун велел не бояться. Он позаботится о тебе, точнее, о нас».

«Я не верю. Звездный венец еще никто не обманывал. Его нельзя заколдовать, он беспристрастен в выборе будущей правительницы».

«Ты веришь всему, что говорят? Никто и не признается, что ему удалось обойти защиту короны. Гораздо выгодней трубить о том, что избранная правительница – выбор неподкупного древнего артефакта».

«Нет, Звездный венец видит правду не хуже арбитров и летописцев...»

«Тогда ты умрешь! – Грэм перебил меня резко и некрасиво. – Хватит ныть! Соберись!»

Мои фрейлины, молчаливые и торжественные, испуганно зашептались, когда в спальню вошли три серебристо-волосых сатурийца, похожие друг на друга, как близнецы. Но ни один из них не мог сравниться с погибшим телохранителем.

«Ох, Грэм, каким ты был чудесным, пока не умер! В меру брюзгливый и ироничный, ты никогда не лгал мне, не скрывал своих чувств. Ты ненавидел меня, но все равно закрыл собой...»

«Я тебя ненавидел?! – поразился сатуриец. – Да с чего ты взяла, девочка?»

«Ну как же? Ты сразу невлюбил меня. И неудивительно: после всех моих гадостей я бы тоже жаждала прибить подопечную».

«Каких гадостей? О чем ты, Эва? На момент нашей встречи тебе было всего четырнадцать. Как я мог возненавидеть ребенка?»

Память услужливо отправила меня в день нашего знакомства.

Вот я сижу в окружении двух десятков фрейлин, юных аристократок, дерзких и острых на язычок. Прошло полцикла, как я стала двойником принцессы Мариэллы, но мне все еще неловко в компании девиц, наверное, потому, что боюсь, они заметят подмену. Тристан, учитель магии, к которому я уже успела проникнуться симпатией, представляет нового начальника телохранителей взамен того, кто допустил покушение на мою особу. Статный светловолосый мужчина с холодными серыми глазами красив и так не похож на напыщенных придворных щеголей. Тристан говорит, что Грэм Ли-э-Курт будет со мной днем и ночью. Девчонки смущенно хихикают, услышав эти двусмысленные слова. Маг уходит. Фрейлины смеются и шушукуются. Телохранитель спокойно стоит, не делая никаких попыток завязать разговор. Ну, погоди, независимый красавчик... Я быстро плету подчиняющее заклинание, которое с легкостью выучила на днях и отчего безумно горда собой. Я чувствую, что на ризеле нет ни единого защитного амулета – какая непростительная глупость при дворе! – и мое заклятие без помех достигнет своей цели.

– Иди ко мне, – приказала я намеренно безразличным тоном. Мое заклинание было готово и брошено в Грэма. – Ближе, еще ближе...

Фрейлины догадались, что я не просто так зову красавца к себе. Практически все они были магессами и чувствовали разлитую в воздухе магию.

– Подними вверх правую ногу...

Телохранитель послушно выполнил приказ – он был мой, весь, с потрохами. Недаром я училась у лучшего мага империи!

– Подними вверх левую руку. – Грэм покорно сделал и это. Его глаза остекленели – и я самодовольно улыбнулась. – А теперь попрыгай на левой ноге и скажи, как я прекрасна.

– Вы прекрасны, принцесса, спору нет, но прыгайте сами. – Грэм язвительно улыбнулся. – Неужели ее высочество не знает, что на сатурийца не действует ментальная магия? И уж тем более не желторотой недоучке наводить на меня подчиняющие чары.

Девушки не сдержали смех, и веера прикрыли злорадные мордашки. Не хотела показаться мстительной, но когда Грэм предложил отослать лишних фрейлин, я сразу согласилась.

И пожалела только тогда, когда узнала, что он оставил всего лишь четверых – Ириэн, Далию, Киру и Лилиану.

«Прости, сапфироглазая, я тогда был жесток. Нельзя было издеваться над ребенком».

«Да ладно, Грэм. Я тоже не идеал. И спасибо тебе за все, если бы не ты, двор мог превратить меня в монстра».

«А так ты всего лишь маленькое чудовище», – произнес с неприкрытой теплотой телохранитель, и мне захотелось закружиться в танце от счастья.

За двадцать лет жизни меня никто не любил. Родители предали, оставив на ступенях храма. Жрицы косились, как на выродка, которого лучше придушить, пока он маленький. У меня не было друзей, не было первой влюбленности. Даже играя роль принцессы, мне не довелось встретить родственной души, которой можно довериться полностью... Я так считала до нынешнего момента.

Нет, я сделаю все, чтобы Грэм обрел новое тело! Я не могу потерять единственного близкого человека, не могу и не хочу!

– Принцесса, – лишенный эмоций голос Аташа вернул меня к реальности, – пойдете, нам пора.

Камиец явился, чтобы сопроводить к ожидавшему кортежу. Всему Межграничью известно, что Аташ пытался меня убить, и Эвгуст решил показать, что у него все под контролем. Его демон – опасная, но ручная зверушка, которая выполняет все приказы колдуна. И, если пожелает хозяин, будет охранять принцессу, которую чуть не уничтожил ранее.

Аташ накинул мне на плечи плащ и предложил руку. Не могу сказать, что в обществе убийцы мне было комфортно, но уж лучше он, чем Эвгуст. Торжественное шествие к месту коронации – часть древней традиции. Претендующая на корону принцесса, окруженная молодыми аристократами, преодолевает довольно-таки приличное расстояние. Дорога до Хрустальной площади – последняя возможность совершить покушение на наследницу. Будет смешно, если меня убьет не венец, а живой человек. Жаль, посмеяться не смогу...

Я содрогнулась, когда увидела свой кортеж. Сумасшедший колдун! Перешел все границы!

Когда я набралась смелости спросить, что случится с аристократами-заложниками, Эвгуст ответил, что отпустит их после коронации. Теперь мне понятно, что не все так просто. Три принца и два герцога понесут шлейф моего платья, чтобы еще раз напомнить Межграничью, кто диктует правила. Глаза высочеств пусты – черномаг основательно затуманил их сознание. Они послушно подняли шлейф и понесли его, подстраиваясь под мой шаг. Озирающиеся по сторонам сатурийцы находились впереди, десять горгоров замыкали процессию. Аташ все еще молчал, но мне было наплевать – я беспокоилась, что связь с Грэмом прервалась и в моей голове царил непривычная тишина. Такое уже случалось, но я расстроилась все равно – Грэм пропал в тот самый момент, когда нужен больше всего.

Главная улица, по которой мы добирались до места назначения, оказалась безлюдна. Одним словом, очищающий путь, дорога тишины. Согласно традиции, принцесса обязана провести в безмолвии последние минуты, нет, не жизни, минуты перед пробной коронацией. Хотя, кто знает, может, и последние минуты жизни. Организатор десятков покушений, не думаю, что теперь Артур упустит последнюю возможность заполучить трон.

Уличные фонари, точно в знак солидарности с моими дурными предчувствиями, дружно погасли. Ни в одном окне не горели камни-светляки – дома стояли пустые, ведь жители Семиграда не могли пропустить такое важное событие, как коронация. Поэтому дорогу освещал свет луны и звезд.

Полнолуние. Осенний холодный ветер залетел под плащ, растрепал выбившиеся из прически пряди волос. Неприятный запах коснулся ноздрей, наверное, где-то забило канализацию. Наши шаги звучали глухо в тишине. Неестественная тишина не к добру, ой не к добру.

– Хр-р-р... хр-р-р, – зарычали справа. – Я собиралась в шутку спросить камийца, случайно, не его ли это живот урчит, как звук раздался и слева: – Хр-р-р...

А затем кто-то как завыл!

Я дернулась, вырываясь из рук Аташа, и сотворила световой пульсар. Если мне суждено умереть, предпочитаю сделать это не во тьме и знать, от чьих клыков и когтей. Пульсар рванул вверх и размножился на сотни светящихся шариков, озарив внушительное пространство вокруг. Темнота клочками расползлась по щелям – и нашим взорам предстало отвратительное зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.